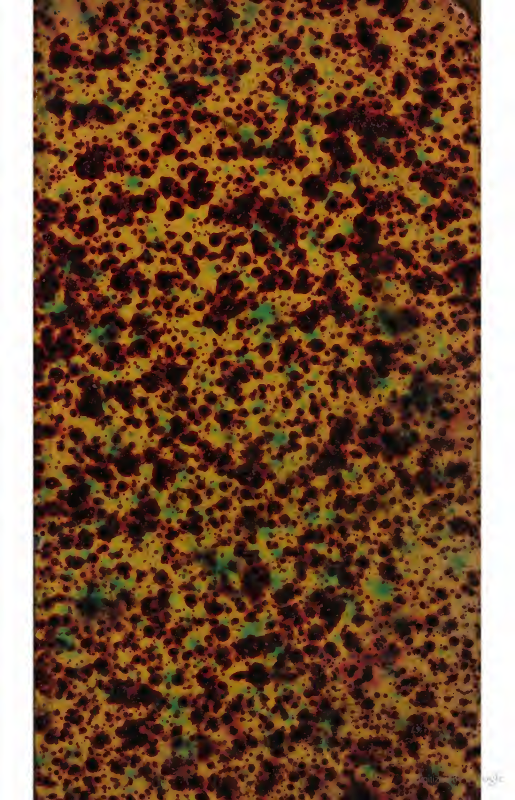
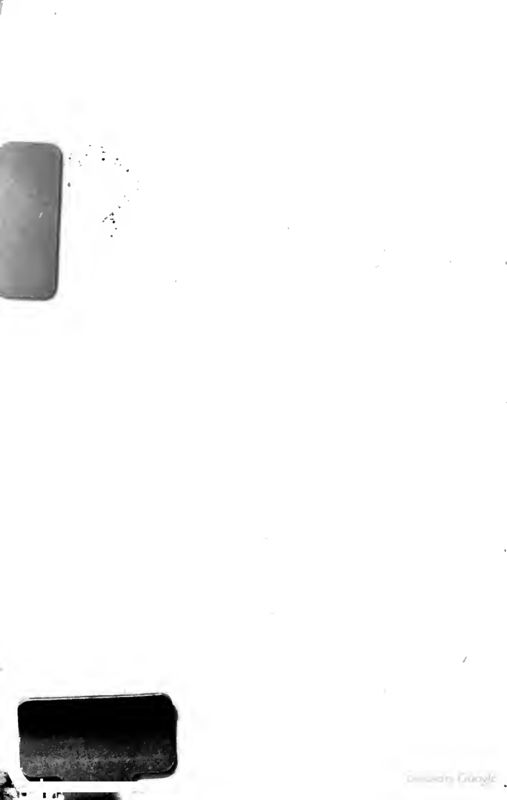
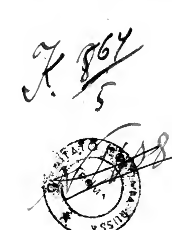

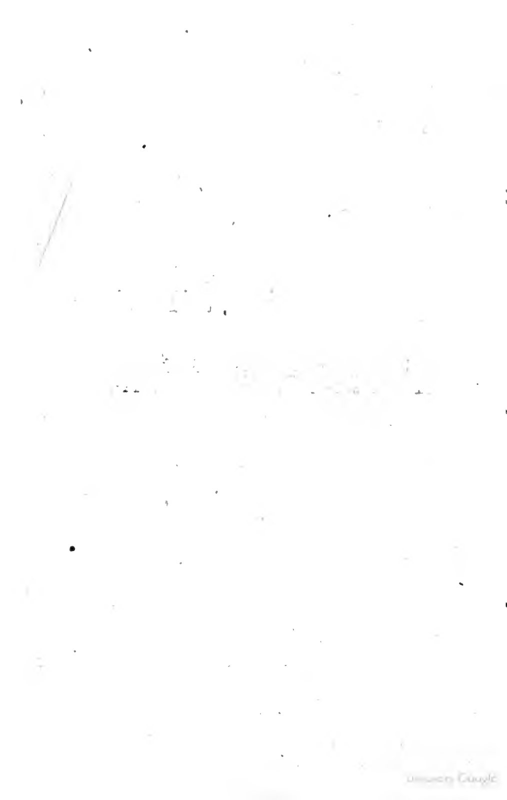

K. 864/5

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
ROMA
GOGOL
B
3354 / 3.5

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА.

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго

С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.
С. Петербургъ, 26 Іюня 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Генералъ Бернадотъ.—Доносы и вражда—Трудныя порученія. —Усмиреніе Вандеи.—Прекращенное возмущеніе въ Турѣ. —Твердость Бернадота.—Несправедливость Перваго Консула.—Принужденная похвала.—Письмо Бонапарте.—Полковникъ Либертъ.—Совѣтъ, данный мною Бернадоту.—Благодарность Генерала. — Неудача Наполеона.—Эпоха водворенія въ Сен-Клу.—Привязанность Наполеона къ этой обители.—Сен-Клу и Тюлери.—Царская темница.—Дорога въ Мальмезонъ.—Репетиціи къ Имперіи.—Презрѣніе къ людямъ.—Республиканцы и шитые золотомъ кафтаны. — Г. Фоксъ и Бонапарте.—Взаимное уваженіе.—Извѣщенія во время войны.—Военный обѣдъ. — Неприглашеніе Моро.— Я встрѣчаюсь съ нимъ въ ресторація.

Достигнувъ почти половины предлежащаго мнѣ поприща, — прежде продолженія пути моего, я долженъ на нѣсколько минутъ обратиться вспять, какъ я уже неоднократно дѣлалъ

для того чтобы представить въ сей Главѣ нѣкоторыя воспоминанія, которыя меня ускользнули или нарочно были оставлены мною въ запасѣ для того, чтобы помѣстить ихъ съ вещами, къ коимъ они относятся. Такимъ образомъ напримѣръ, я только мимоходомъ упомянулъ о человѣкѣ, который—сдѣлавшись Королемъ, не переставалъ удостоивать меня своей дружбы какъ то увидятъ въ послѣдствіи моихъ Записокъ, начиная съ роли, игранной имъ въ происшествіяхъ осмнадцатаго Брюмера. Этотъ человѣкъ, котораго непостижимое стеченіе обстоятельство возвело на престолъ для счастія народа, имъ управляемаго,—есть Бернадотъ.

Читатели видѣли какой немилости долженъ былъ подвергнуться Генералъ Бернадотъ за то что онъ не хотѣлъ содѣйствовать замысламъ Бонапарте при ниспроверженіи Директоріи;—эта немилость осталась надолго, даже почти можно сказать навсегда послѣ происшествія, оную возродившаго. Не пропустили въ эту эпоху сдѣлать новому Консулу о Генералѣ Бернадотѣ доносы, неблагопріятные и способные усилить досаду, возбужденную въ Бонапарте его сопротивленіемъ. Первый Консулъ не посмѣлъ однакоже открыто мстить ему, но изыскивалъ всѣ случаи удалять Бернадота, приводить его въ затруднительное положеніе и дѣлать ему порученія не давая никакихъ опредѣлительныхъ

наставленій въ надеждѣ что Бернадотъ впадетъ въ ошибки, за которыя Первый Консулъ могъ бы подвергнуть его отвѣтственности.

Въ первое время Консульства, роковая Вандейская война была въ самомъ пылу своемъ. Шуаны безпрестанно усиливались и эта междоусобная война гораздо болѣе тревожила Наполеона чѣмъ та, которую онъ долженъ былъ поддерживать на Рейнѣ и въ Италіи; ибо отъ успѣховъ Шуановъ могъ возникнуть, касательно внутренняго Правительства, вопросъ, коего рѣшеніе было бы неблагопріятно для видовъ Бонапарте. Онъ чувствовалъ сколь для его новаго Правительства было важно положить конецъ всякаго рода разбоямъ и разграбленію дилижансовъ, которые производили Роялистскія арміи въ Вандеѣ. Ихъ малѣйшіе успѣхи возбуждали сильное безпокойство въ пріобрѣтшихъ національныя имѣнія; а притомъ невозможно было надѣяться сближенія между Франціею и Англіею, ея вѣчною и непримиримою непріятельницею, пока этотъ вооруженный бунтъ не будетъ усмиренъ.

Дѣло, какъ читатели видятъ, было трудное. Посему-то Бонапарте рѣшился поручить оное Бернадоту; но примирительный духъ этого Генерала, его рыцарское обхожденіе, его наклонность къ снисхожденію и счастливая смѣсь благоразумія и твердости—доставили ему успѣхъ тамъ гдѣ другіе имѣли бы неудачу; и онъ наконецъ

возстановилъ порядокъ и повиновеніе законамъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ усмиренія Вандеи, возмутительное движеніе обнаружилось въ Турѣ, въ пятьдесятъ второй Полу-Бригадѣ, которая не хотѣла выступить прежде полученія заслуженнаго ею жалованья. Бернадотъ Главнокомандующій Западною арміею, нисколько не смутясь при этомъ безпорядкѣ, приказываетъ выстроить пятьдесятъ вторую Полу-Бригаду на Турской площади; послѣ чего предъ фронтомъ оной отдаетъ подъ стражу главныхъ зачинщиковъ бунта, между тѣмъ какъ никто не посмѣлъ тому воспротивиться. Карно, бывшій тогда Военнымъ Министромъ, донесъ Первому Консулу объ этомъ происшествіи, которое могло бы сдѣлаться опаснымъ безъ твердости Бернадота. Докладъ Карно содержалъ въ себѣ только простое изложеніе происшествія и дѣйствій Генерала. Наполеону угодно было найти въ нихъ предлогъ къ порицанію и онъ написалъ на полѣ доклада слѣдующія слова: «Генералъ Бернадотъ не хорошо сдѣлалъ что принялъ столь строгія мѣры противъ пятьдесятъ «второй Полу-Бригады не имѣя средствъ возста«новить порядокъ въ городѣ, коего гарнизонъ «не довольно силенъ для того чтобы унять «взбунтовавшихся.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Первый Консулъ, узнавъ что развязка этого дѣла совсѣмъ

не та, которой онъ какъ будто боялся, и убѣдясь что строгость Бернадота одна только могла возстановить порядокъ,—нѣкоторымъ образомъ принужденнымъ нашелся написать къ Генералу и продиктовалъ мнѣ слѣдующее къ нему письмо:

Парижъ, 11 Вандеміера XI года.

«Я съ участіемъ прочиталъ Гражданинъ Генералъ, отчетъ о томъ что вы сдѣлали для «возстановленія порядка въ пятьдесятъ второй «Полу-Бригадѣ, равно какъ донесеніе Полковника Либерта отъ 5 Вандеміера. Скажите «этому Офицеру, что Правительство довольно «его поведеніемъ и что онъ произведенъ за то «въ Бригадные Генералы. Я желаю чтобы этотъ «храбрый Офицеръ пріѣхалъ въ Парижъ: онъ «подалъ примѣръ твердости и присутствія духа, «дѣлающій честь воину.

БОНАПАРТЕ.»

Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, —Бонапарте чрезъ нѣсколько дней перешелъ отъ порицанія, внушеннаго ему ненавистью, къ необходимости изъявить одобреніе, что онъ впрочемъ сдѣлалъ, какъ изъ приведеннаго письма видно, съ расчитанною холодностью, стараясь даже отнести похвалу прямо къ Полковнику Либерту а не къ Главнокомандующему.

Время только болѣе и болѣе усилило непріязнь Бонапарте къ Бернадоту; можно бы

сказать, что по мѣрѣ какъ онъ подвигался впередъ въ быстромъ своемъ ходу къ самовластію,—возрастало и его негодованіе противъ человѣка, который отказался поддержать первые его шаги на этомъ отважномъ поприщѣ. Въ тоже время тѣ изъ приближенныхъ къ Первому Консулу, которые занимались изученіемъ науки лести, не пропускали случая дѣлать извѣты и доносы на Бернадота. Я помню что однажды, въ день публичнаго представленія въ Тюлери, я увидѣлъ Бонапарте въ такой нетерпѣливой досадѣ, что спросилъ у него о причинѣ. «Не могу больше выдержать,» отвѣчалъ онъ мнѣ съ запальчивостью, «я рѣшился отдѣлать сегодня Бернадота. Онъ вѣрно здѣсь будетъ. Я выскажу ему все, что бы ни произошло; пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ; но мы увидимъ. Пора ужъ это кончить.»

Я никогда еще не видалъ Перваго Консула столь разгоряченнымъ, какъ въ этотъ день; онъ такъ былъ сердитъ, что я боялся минуты представленія. Когда онъ отправился въ большую залу, то я сошелъ туда прежде его, что мнѣ было легко сдѣлать, ибо она находилась подлѣ самаго кабинета. Къ счастію, первый человѣкъ, котораго я увидѣлъ, былъ Бернадотъ; онъ стоялъ одинъ у окна, выходящаго на Карусельную площадь. Поспѣшно прошедъ чрезъ залу я подошелъ къ нему: «Генералъ,» сказалъ я ему, «послушайтесь меня,

уйдите отсюда; я имѣю основательныя причины вамъ это совѣтовать.» Бернадотъ, видя мою чрезвычайную торопливость и зная искреннія чувства уваженія и дружбы, мною къ нему питаемыя,—согласился удалиться, и я счелъ это торжествомъ; ибо мнѣ довольно была извѣстна искренность характера Бернадота и щекотливость его на счетъ чести для того чтобъ быть увѣреннымъ, что онъ не перенесетъ сильной выходки, которую Бонапарте намѣревался противъ него сдѣлать. Хитрость моя имѣла весь успѣхъ, котораго я отъ нея ожидалъ. Первый Консулъ не возъимѣлъ никакого подозрѣнія и замѣтилъ только что жертва у него ускользнула. По окончаніи представленія, онъ сказалъ мнѣ: «Какъ тебѣ покажется, Буріеннъ? Бернадотъ не пріѣхалъ.—Тѣмъ лучше для него, Генералъ.»—Это не имѣло никакихъ послѣдствій. Первый Консулъ, воротясь отъ Іозефины, нашелъ меня у себя въ кабинетѣ и слѣдовательно не могъ ни въ чемъ меня подозрѣвать; притомъ же я употребилъ не больше пяти минутъ на извѣщеніе Бернадота. Могу сказать, что въ полѣдствіи Бернадотъ всегда былъ чрезвычайно какъ мнѣ благодаренъ за доказательство дружбы, изъявленное мною ему при этомъ затруднительномъ случаѣ. Истинно скажу, что по расположенію ума, котораго я самъ себѣ не могу объяснить, чѣмъ больше я видѣлъ воз-

растающую къ нему ненависть Бонапарте, тѣмъ сильнѣе я увлекался дружбою къ благородству его характера.

Случай, мною описанный относится къ веснѣ 1802 года. Въ эту эпоху Первый Консулъ поселился въ Сен-Клу. Онъ очень любилъ это пребываніе ибо былъ тамъ свободнѣе чѣмъ въ Тюліери, коего дворецъ, дѣйствительно есть не иное что какъ Царская темница, гдѣ Государю невозможно даже подышать чистымъ воздухомъ безъ того чтобы тотчасъ не сдѣлаться предметомъ любопытства публики, которая сбирается многочисленными толпами. Въ Сен-Клу напротивъ того, Бонапарте могъ прогуливаться вышедъ изъ своего кабинета и продолжить свою прогулку не будучи обезпокоиваемъ просителями. Однимъ изъ первыхъ его попеченій было поправить проселочную дорогу, ведущую изъ Сен-Клу въ Мальмезонъ; Бонапарте проѣзжалъ это пространство верхомъ въ четверть часа. Эта близость загороднаго дома, который онъ очень любилъ, дѣлала ему пребываніе въ Сен-Клу еще болѣе пріятнымъ.

Въ Сен-Клу Бонапарте сдѣлалъ, если можно такъ выразиться, первыя репетиціи къ великой драмѣ Имперіи; тамъ онъ началъ вводить въ наружныя свои формы, привычки и этикетъ, напоминавшія Королевскіе обряды. Онъ скоро увидѣлъ какое вліяніе можетъ произвести на

общую громаду людей, пышность церемоній, блескъ представленій и богатство одеждъ. «Какъ люди,» говаривалъ онъ мнѣ тогда, «достойны того презрѣнія, которое они мнѣ внушаютъ! Всѣхъ этихъ добродѣтельныхъ Республиканцевъ стоитъ только одѣть въ шитые золотомъ кафтаны и они мои.»

Я помню что однажды, послѣ одной изъ этихъ частыхъ выходокъ, обнаруживавшихъ презрѣніе его къ роду человѣческому, я замѣтилъ ему, что если эти игрушки и возбуждаютъ такое сильное удивленіе въ обыкновенныхъ людяхъ — то есть однакоже отличные мужи, на которыхъ не дѣйствуютъ такія приманки и представилъ ему въ примѣръ знаменитаго Фокса, который предъ заключеніемъ Аміенскаго мира пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ отличался одною только чрезвычайною простотою. «На счетъ этого ты правъ,» сказалъ мнѣ Первый Консулъ, «Г. Фоксъ точно человѣкъ отличный и очень мнѣ нравится.»

Дѣйствительно Бонапарте всегда съ живѣйшимъ удовольствіемъ принималъ посѣщенія Г. Фокса; и послѣ каждаго разговора, который они между собою имѣли, онъ объяснялъ мнѣ какую пріятность доставляютъ ему бесѣды съ человѣкомъ, точно заслуживающимъ свою великую знаменитость. Онъ считалъ его мужемъ, превосходнымъ предъ всѣми прочими и пла-

менно желалъ имѣть съ нимъ дѣло касательно своихъ будущихъ сношеній съ Англіею. Должно полагать, что и Г. Фоксъ съ своей стороны никогда не забылъ пріязненныхъ, и можно сказать дружескихъ сношеній, которыя онъ имѣлъ съ Первымъ Консуломъ; дѣйствительно послѣ того, онъ нѣсколько разъ въ продолженіе войны увѣдомлялъ его о заговорахъ, составляемыхъ противъ его жизни. Менѣе сего и не должно было ожидать отъ столь благороднаго характера. Могу притомъ увѣрить, ибо я неоднократно имѣлъ касательно сего доказательства, что Англійское Правительство всегда съ негодованіемъ отвергало, не замыслы о ниспроверженіи Консульскаго и Императорскаго Правленій, но всѣ заговоры умерщвленія и всякія сѣти, разставляемыя противъ особы Перваго Консула и Императора. Эти положительныя доказательства будутъ въ своемъ мѣстѣ изложены въ моихъ Запискахъ. Политика безъ того уже довольно отягчена дѣлами и средствами, неодобряемыми нравственностью, и нѣтъ нужды даромъ увеличивать число ихъ.

Здѣсь я долженъ испросить у снисходительнаго читателя дозволенія помѣстить случай, происшедшій годъ тому назадъ въ эпоху поѣздки Г. Фокса въ Парижъ; но какъ дѣло идетъ о Моро, то надѣюсь что мнѣ скорѣе простятъ такую перестановку, чѣмъ пропускъ.

Лѣтомъ 1801 года, Первому Консулу вздумалось дать большой военный обѣдъ у ресторатёра; онъ избралъ для сего Вери, котораго заведеніе находилось на Фёліанской терасѣ, имѣвшей выходъ въ Тюлієрійскій садъ. Бонапарте разослалъ свои приглашенія не сдѣлавъ таковаго Генералу Моро, котораго я случайно встрѣтилъ въ этотъ день и вотъ какимъ образомъ: улучивъ нѣсколько свободнаго времени чрезъ торжественный обѣдъ у Вери, я самъ отправился обѣдать къ ресторатёру Розу, который пользовался тогда большою славою у охотниковъ хорошо поѣсть. Я былъ съ Г-мъ Карбонне, другомъ семейства Моро и еще съ двумя или съ тремя моими знакомыми. Обѣдая въ ротондѣ мы узнали отъ мальчика, намъ прислуживавшаго, что Генералъ Моро находится въ сосѣдней комнатѣ со своею супругою; съ нимъ также былъ Лакюе и еще двое военныхъ; Сюшетъ, обѣдавшій у Вери, гдѣ по словамъ его онъ очень скучалъ, пріѣхалъ къ нимъ же тотчасъ послѣ стола, что мы узнали отъ Г. Карбонне, который оставлялъ насъ на нѣсколько минутъ для того чтобы повидаться съ Г-мъ и съ Г-жею Моро.

Умышленное неприглашеніе Наполеономъ Генерала Моро въ то время какъ онъ только что прибылъ побѣдителемъ изъ Рейнской арміи и въ тоже время поступокъ Моро, который от-

правился въ тотъ же день публично обѣдать къ другому ресторатёру, заставили думать что существовавшая между ними холодность скоро превратится во вражду; и въ цѣломъ Парижѣ полагали что при такихъ обстоятельствахъ, побѣдитель при Маренго очень бы могъ, не унижая себя, пригласить къ своему столу побѣдителя Гогенлинденскаго.

✚✚✚

ГЛАВА II.

Дѣйствіе Сенатскаго указа о пожизненном Консульствѣ.—Отложенный замыселъ касательно титуловъ. — Противорѣчіе словъ со скрытными дѣйствіями. — Поѣздка Мальмезонскихъ жителей въ Пломбіеръ. — Дорожный Журналъ.— Дурнота Раппа.—*Консульша.* — Шпинатъ съ ламповымъ масломъ.—Приключеніе.—Дурная дорога и благополучный пріѣздъ.—*Приписка.* — Предложеніе Луціана Іозефинѣ.— Ея негодованіе и слезы.—Представленіе въ Нёльи Альзиры —Неблагопристойные костюмы. — Гнѣвъ Наполеона.—Талантъ Луціана. — Обыкновенные Мальмезонскіе актеры.— Списокъ піесъ и костюмы. — Уроки Тальмы и Мишо.— Разительная противоположность.—Удовольствіе, находимое Наполеономъ въ представленіяхъ на домашнемъ театрѣ.— Многочисленныя собранія въ Мальмезонѣ.—Я теряю часы. —Награжденная честность.—Увольненіе отъ Конскрипціи. —Нетерпѣливость и доброта.—Канова въ Сен-Клу.—Статуя Наполеона и Герцогъ Веллингтонъ.

Съ первыхъ мѣсяцевъ 1802 года, Республика была уже только мечтою или историческимъ воспоминаніемъ. Отъ нея оставалась только об-

манчивая надпись на дверяхъ дворца; уже прежде того, въ эпоху водворенія своего въ Тюлієри, Бонапарте приказалъ убрать стоявшія на дворѣ два древа свободы, дѣйствуя такимъ образомъ противъ пустыхъ призраковъ прежде чѣмъ онъ принялся за существенность. Но по изданіи Сенатскихъ указовъ 2 и 4 Августа, для самыхъ непрозорливыхъ людей стало очевидно, что могуществу Перваго Консула недостаетъ одного только наименованія и что все, съ давняго времени имъ дѣлаемое, обнаруживало скрытные замыслы и честолюбіе, весьма превышавшее пожизненное Консульство.

Послѣ этихъ указовъ, Бонапарте легко привыкъ считать Правительственныя мѣста ни чѣмъ инымъ, какъ орудіями, необходимыми для дѣйствій его власти. Тогда начали осыпать его корыстолюбивыми совѣтами: ему не шутя предлагали возстановить прежніе титулы, какъ болѣе согласующіеся чѣмъ Республиканскія формы съ новою властью, врученною ему народомъ. Онъ находилъ *что груша еще не созрѣла* и что рано къ этому приступать. «Всё это придетъ,» сказалъ онъ мнѣ однажды, «но ты видишь, Бурієннъ что прежде всего надобно мнѣ самому принять титулъ, откуда естественнымъ образомъ произойдутъ титулы, которые я дамъ всему этому народу. Самое трудное сдѣлано; не кого ужъ больше обманывать; для всѣхъ ясно

какъ день, что одинъ только шагъ раздѣляетъ престолъ съ пожизненнымъ Консульствомъ; надобно соблюсти нѣкоторую осторожность; въ Трибунатѣ есть спорщики, но они мнѣ за это заплатятъ.»

Другою причиною, побуждавшею Перваго Консула удерживать еще ходъ свой, была неудача, испытанная имъ въ Сенатѣ по предмету наслѣдія; правда что этотъ вопросъ утвердился въ Государственномъ Совѣтѣ большинствомъ десяти голосовъ противъ трехъ; но Бонапарте понялъ что еще не время было за него приниматься. Тогда по обыкновенію своему, дабы заставить думать что онъ вовсе чуждъ этому предложенію, онъ сталъ громко охуждать тѣхъ, которые съ наибольшимъ жаромъ говорили сообразно съ его тайными желаніями и сильно жаловался на Рёдерера, который при томъ наиболѣе себя выставилъ. Въ такомъ случаѣ онъ никогда не колебался противорѣчить на словахъ своимъ скрытнымъ дѣйствіямъ.

Между тѣмъ какъ эти важные вопросы волновали умы, большая часть Мальмезонскихъ жителей отправилась въ дорогу съ тѣмъ чтобы съѣздить къ Пломбіерскимъ водамъ. Мальмезонскіе путешественники были: Іозефина, Г-жа Бонапарте мать Наполеона, Г-жа Богарне-Лавалеттъ, Гортензія и Раппъ. Веселому обще-

ству вздумалось прислать мнѣ журналъ своихъ удовольствій и помѣхъ, встрѣтившихся въ дорогѣ. Привожу здѣсь это письмо единственно какъ доказательство короткости, существовавшей между тѣми, которые его подписали и мною. Вотъ оно, въ томъ самомъ видѣ, какъ я его сохранилъ за исключеніемъ чернильныхъ пятенъ, за которыя въ немъ просятъ извиненія.

ОПИСАНІЕ ПОѢЗДКИ ВЪ ПЛОМБІЕРЪ.

Обитателямъ Мальмезона.

«Отправясь изъ Мальмезона, общество не «могло удержаться отъ слезъ; что произвело «такую сильную головную боль, что день по «истинѣ былъ очень тягостенъ для любезныхъ «путешественниковъ. Г-жа Бонапарте мать, пе«ренесла этотъ достопамятный день съ наи«большимъ мужествомъ. Г-жа Бонапарте Кон«сульша, вовсе онаго не показала; двѣ молодыя «особы: дѣвица Гортензія и Г-жа Лавалеттъ без«престанно прибѣгали къ склянкѣ съ одеколо«номъ, а милый Раппъ всякую минуту оста«навливалъ карету для того чтобы дать пройти «дурнотѣ своей. Почему, прибывъ въ Эперне, «онъ принужденъ былъ тотчасъ отправиться «спать; между тѣмъ какъ общество старалось

«забыть свои бѣдствія въ Шампанскомъ. Второй день былъ благополучнѣе касательно здоровья; но въ съѣстныхъ припасахъ оказался «недостатокъ и желудки страдали. Надежда найти «хорошій ужинъ въ Тулѣ ихъ поддерживала; «но отчаяніе достигло высшей степени, когда «прибывъ въ Тулъ, нашли тамъ дурной трактиръ, и самое плохое угощеніе. Хоть мы и «покривлялись, а пришлось удовольствоваться «шпинатомъ съ лампoвымъ масломъ и красною «спаржею съ творогомъ. Надобно было видѣть «Мальмезонскихъ объѣдалъ за этою жалкою «трапезою.»

«Въ исторіи не видано дня, проведеннаго «въ такихъ ужасныхъ помѣхахъ, которымъ мы «подверглись до прибытія нашего въ Пломбіеръ. Выѣхавъ изъ Тула съ тѣмъ чтобы позавтракать въ Нанси, ибо всѣ желудки два дня «уже были пусты, мы не могли сего исполнить; «ибо гражданскіе и военные чиновники, вышедъ «къ намъ на встрѣчу,—въ томъ намъ воспрепятствовали. И такъ мы продолжали нашъ «путь видимо худѣя; къ довершенію несчастія «карета наша едва было не опрокинулась въ «Мозель для того чтобы отправиться водою въ «Мецъ. Однакожъ, въ Пломбіерѣ, мы были «вполнѣ вознаграждены за наше несчастное путешествіе ибо по прибытіи нашемъ туда, насъ «приняли съ разнаго рода увеселеніями. Иллюми-

«нованный городъ, пальба изъ пушекъ и прекра-«сныя женщины, смотрѣвшія изъ всѣхъ оконъ, «подаютъ намъ надежды что мы съ меньшимъ «огорченіемъ перенесемъ отсутствіе наше изъ «Мальмезона.

«Вотъ обстоятельное описаніе нашей поѣздки «кромѣ нѣсколькихъ анекдотовъ, которые мы «предоставляемъ себѣ разсказать лично и въ «вѣрности которыхъ нижеподписавшіеся ру-«чаются.

ЮЗЕФИНА БОНАПАРТЕ,
БОГАРНЕ-ЛАВАЛЕТТЪ,
ГОРТЕНЗІЯ БОГАРНЕ,
РАППЪ,
БОНАПАРТЕ мать.

«Общесгвво извиняется въ чернильныхъ пят-нахъ.

«Получившаго сей журналъ покорнѣйше про-сятъ сообщить оный всѣмъ, которые прини-маютъ участіе въ путешественницахъ.»

Предъ поѣздкою Г-жи Бонапарте въ Пломбіеръ, произошла сцена, которую я повоздер-жался бы разсказывать, еслибъ я не нало-жилъ на себя обязательства сообщать всю истину о семействѣ Перваго Консула. За два или за три дня до своего отъѣзда, Г-жа Бона-парте велѣла позвать меня къ себѣ и я нашелъ ее заливающуюся слезами: «Какой человѣкъ! какой человѣкъ этотъ Луціанъ!» воскликнула

она съ отчаянiемъ. «Еслибъ вы знали, другъ мой, какое постыдное предложенiе онъ осмѣлился мнѣ сдѣлать! . . . *Вы ѣдете на воды,* сказалъ онъ, *и вамъ должно имѣть ребенка хоть отъ кого нибудь другаго, если не отъ него.*—Вы можете себѣ представить, съ какимъ негодованiемъ я приняла этотъ совѣтъ. — *Ну если вы не хотите,* продолжалъ онъ, *то Бонапарте долженъ имѣть ребенка хоть отъ другой женщины, а вамъ слѣдуетъ признать его своимъ, ибо надобно утвердить наслѣдiе; это ваша польза; вы должны знать почему.*— Какъ сударь, сказала я ему, вы полагаете что Государство дозволитъ управлять собою незаконнорожденному? Луцiанъ, Луцiанъ! вы губите вашего брата; это ужасно! ! Я была бы очень несчастна, еслибъ вы сочли меня хоть только способною выслушать безъ ужаса ваше безчестное предложенiе! мысли ваши ядовиты, слова ужасны. — *Ну чтожъ мнѣ на это сказать,* возразилъ онъ, *кромѣ того что я очень о васъ жалѣю.*»

Рыдая пересказала мнѣ добрая Iозефина объ этой сценѣ и я вполнѣ увидѣлъ все, ощущаемое ею негодованiе. Дѣло состояло въ томъ, что Луцiанъ, показывая тогда видъ что онъ пренебрегаетъ властью собственно для себя, неутомимо трудился надъ тѣмъ, чтобы сосредоточить се въ рукахъ своего брата прибѣгая къ тремъ

средствамъ для успѣха своего предпріятія: къ къ наслѣдію, къ разводу или къ Имперіи (*).

Луціанъ имѣлъ прекрасную дачу близъ Нёльи. За нѣсколько дней предъ непріятною сценою, мною описанною, онъ пригласилъ Бонапарте и всѣхъ обитателей Мальмезона къ себѣ на спектакль. Играли *Альзиру;* Елиза представляла Альзиру, а Луціанъ Замора. Пылкость изъясненій, живая выразительность тѣлодвиженій и слишкомъ близкая къ истинѣ нагота костюмовъ непонравились многимъ изъ зрителей, а болѣе всѣхъ Наполеону. Выходя оттуда, онъ былъ раздраженъ: «Это срамъ,» сказалъ онъ съ сердцемъ, «я не долженъ терпѣть такихъ неблагопристойностей; я объявлю Луціану чтобы этого впередъ не было.» Потомъ, вошедъ опять въ залу когда братъ его переодѣлся, онъ сильно пожурилъ его, подтвердивъ чтобы онъ впередъ удержался отъ такихъ представленій. Вечеромъ, возвратясь въ Мальмезонъ, онъ опять заговорилъ о томъ же съ сильнымъ неудовольствіемъ. «Тогда какъ долгъ мой,» сказалъ онъ, «есть воз-

---

(*) Довольно любопытную противоположность представлялъ собою Луціанъ, который, принявъ во время Революціи прозваніе Брута, трудился теперь съ такимъ усердіемъ объ устроеніи судьбины новаго Цесаря.

Мнѣ говорили что Луціанъ, въ своемъ загородномъ домѣ Рюфинеллѣ, близъ Рима, приказалъ написать себя въ нарядѣ Римскаго Императора и въ положеніи Діоклитіана, отказывающагося принять вновь Имперію.

становлять добрые нравы—братъ мой и сестра являются почти нагіе на сцену! это позоръ!»

Луціанъ имѣлъ сильную склонность къ театральнымъ успѣхамъ, которые онъ считалъ весьма важными. Дѣйствительно онъ очень хорошо декламировалъ и могъ бы выдержать состязаніе съ лучшими актерами. О немъ говорили, что чалма Орозмана, Американскій нарядъ, Римская тога и одѣяніе Іерусалимскаго жреца равно ему нравились и я думаю, что это сущая истина.

Не въ одномъ только Нёльи давали театральныя представленія; въ Мальмезонѣ у насъ былъ свой театръ и своя труппа; но покрайней мѣрѣ все тамъ происходило съ наивеличайшею благопристойностью; и начавъ уже говорить объ этомъ предметѣ я перескажу читателямъ всѣ наши театральныя тайны.

Первый Консулъ приказалъ устроить для насъ въ Мальмезонѣ небольшую, прекрасную театральную залу; наши обыкновенные актеры были: Евгеній Богарне, Гортензія, Г-жа Мюратъ, Лористонъ, Г. Дидло дворцовый Префектъ (*), нѣкоторыя другія особы двора Перваго Консула и я. Забывъ о Государственныхъ заботахъ, которыя по возможности оставлялись въ Тюлери, мы были иногда очень счастливы въ нашей Мальмезонской колоніи; притомъже

(*) Дворцовыхъ Префектовъ было четыре: Гг. Крамайель, Люксъ, Дидло и Ремюза.

мы были молоды, а есть ли вещь, которую бы молодость не украшала?

Піесы, которыя Первый Консулъ наиболѣе любилъ видѣть, нами представляемыя, были: *Севильскій цирюльникъ* и *Недовѣрчивость и хитрость*. Въ *Севильскомъ цирюльникѣ* Лористонъ игралъ ролю Графа Альмавивы; Гортензія представляла Розину; Евгеній Базиля; Дидло —Фигаро; я — Доктора Бартоло; а Изабе — л'Евелье. Въ числѣ нашихъ піесъ были еще: *Намѣреніе жениться*, *Закладъ*, *Любовная ссора*, въ которой я игралъ ролю лакея и *Деревенскій сюрпризъ*, въ которомъ я представлялъ Барона, а Бароншу молодая, прекрасная Каролина Мюратъ.

Гортензія играла безподобно, Каролина посредственно, Евгеній очень хорошо, Дидло порядочно а Лористонъ былъ нѣсколько неловокъ; про себя могу безъ хвастовства сказать что я былъ не худшій актеръ въ нашей труппѣ. Впрочемъ, если мы не достигли совершенства, то ужъ конечно не по недостатку хорошихъ наставниковъ и хорошихъ совѣтовъ: Тальма и Мишо дѣлали намъ репетиціи, по одиначкѣ и общія. Сколько я получилъ уроковъ отъ Мишо прогуливаясь съ нимъ въ прекрасномъ Мальмезонскомъ паркѣ! И, если мнѣ дозволено это сказать, съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю я теперь объ этихъ бездѣлкахъ, которыя въ

молодости считаются столь важными и которыя представляли столь странную противоположность съ великимъ театромъ, на которомъ мы представляли не вымышленныя лица.

Прочiя принадлежности къ театру были у насъ въ большомъ порядкѣ; Бонапарте подарилъ каждому изъ насъ собранiе театральныхъ пiесъ въ прекрасномъ переплетѣ и приказалъ сдѣлать намъ богатые, щегольскiе костюмы.

Наши представленiя доставляли большое удовольствiе Наполеону, который очень любилъ видѣть комедiи, играемыя своими приближенными; онъ иногда дѣлалъ намъ похвалы. Хотя это забавляло меня столько же какъ и другихъ, но я неоднократно принужденъ былъ замѣчать ему, что мои занятiя вовсе не оставляютъ мнѣ времени учить роли; тогда онъ принималъ на себя ласковый видъ и говорилъ мнѣ: «Полно, полно, оставь меня въ покоѣ; у тебя такая славная память! Ты знаешь, что это меня забавляетъ; ты видишь какъ эти собранiя оживляютъ и веселятъ всѣхъ въ Мальмезонѣ; Iозефина ихъ очень любитъ; вставай пораньше.— Точно я много сплю, не правда ли.—Полно Бурiеннъ, сдѣлай это для меня; вы заставляете меня хохотать отъ души! Не лишайте меня этого удовольствiя; вамъ извѣстно что у меня его немного. — Когда такъ, то ужъ конечно не я стану васъ лишать его. Я

радъ что могу васъ веселить.» И сказавъ это я опять принимался учить свои роли.

Въ дни представленій, въ Мальмезонъ всегда сбиралось многочисленное общество. Послѣ театра, толпа гостей наполняла комнаты нижняго этажа. Тамъ происходили самые занимательные, самые разнообразные разговоры и могу по правдѣ сказать что веселость и искренность составляли душу и прелесть этихъ разговоровъ. Іозефина угощала всѣхъ съ такою любезностью, что каждый могъ думать что она занималась имъ больше чѣмъ другими. Послѣ этихъ прекрасныхъ вечеровъ, оканчивавшихся обыкновенно въ полночь, мы возвращались въ Парижъ, гдѣ насъ ожидали заботы, неразлучныя съ дѣлами; однакожъ я долженъ сказать что мнѣ часто случалось въ эти ночи, посвященныя удовольствію, жалѣть о часахъ, проводимыхъ въ занятіяхъ кабинета, которыя я бы предпочелъ свѣтскимъ забавамъ.

Въ эту эпоху, лѣтомъ я имѣлъ половину Воскресенья свободнымъ; но принужденъ былъ посвящать часть этихъ рѣдкихъ досуговъ на выученіе какой нибудь новой роли для того чтобы доставить Наполеону нечаянное удовольствіе; иногда также, я отправлялся въ Рюэль. Помню что однажды, поспѣшно возвращаясь изъ Мальмезона, я обронилъ прекрасные Брегетовскіе часы. Это было въ четыре часа по

полудни и на дорогѣ находилось множество народа. Я поспѣшилъ объявить въ Рюслѣ съ барабаннымъ боемъ о моей потерѣ. Чрезъ часъ послѣ того, когда я только что сѣлъ за столъ, молодой поселянинъ принесъ мнѣ часы мои. Онъ нашелъ ихъ на большой дорогѣ въ пыли колеи. Довольный честностью этого молодаго человѣка, я далъ награду какъ ему, такъ и отцу его. Въ тотъ же вечеръ пересказалъ я объ этомъ Первому Консулу, который такъ былъ тронутъ этимъ честнымъ поступкомъ, что приказалъ мнѣ справиться о молодомъ человѣкѣ и о его семействѣ; я узналъ что они честные деревенскіе жители; Бонапарте помѣстилъ трехъ братьевъ этого семейства; и что всего труднѣе было у него исходатайствовать, уволилъ отъ конскрипціи молодаго человѣка, принесшаго мнѣ часы.

Вообще, когда такого рода поступки доходили до свѣдѣнія Бонапарте, то онъ рѣдко не изъявлялъ сдѣлавшимъ оные знаковъ своего удовольствія. Въ немъ господствовали два качества: доброта и нетерпѣливость. Когда послѣдняя имъ овладѣвала, то онъ не въ состояніи былъ ее преодолѣть. Около этой эпохи я имѣлъ случай видѣть замѣчательное тому доказательство.

Канова, по прибытіи своемъ въ Парижъ, пріѣхалъ въ Сен-Клу для того чтобы снять

лице Перваго Консула, котораго ему слѣдовало дѣлать колосальную статую. Этотъ великій художникъ часто приходилъ въ надеждѣ что Бонапарте дозволитъ ему лѣпить съ себя; но это причиняло Первому Консулу столько скуки, отвращенія и нетерпѣливости, что онъ очень рѣдко и на весьма короткое время соглашался посидѣть. Сходство отъ этого пострадало. Однакожъ онъ имѣлъ къ Кановѣ величайшее уваженіе; всякой разъ, когда объ немъ докладывали, Первый Консулъ посылалъ меня побыть съ нимъ пока онъ его приметъ; но всегда пожимая плечами говорилъ мнѣ: «Опять сидѣть! Боже мой, какъ это скучно!» Канова изъявлялъ мнѣ свое сильное неудовольствіе о томъ что онъ не могъ какъ слѣдовало разсмотрѣть образецъ свой и неохота Наполеона охлаждала его воображеніе. Всѣ согласились въ томъ, что онъ не успѣлъ въ трудѣ своемъ и причина тому объяснена. Лордъ Велингтонъ владѣетъ нынѣ этою колосальною статуею. Высота ея такова, что—какъ говорилъ Лордъ Байронъ,—смотря сзади, средина тѣла Наполеона приходится точно наровнѣ съ Герцогомъ Велингтономъ.

+++

ГЛАВА III.

Правила Наполеона касательно перемѣны Министровъ. — Гг. Годенъ и Декре.—Фуше.—Портретъ его.—Влiянiе его на Перваго Консула.—Мысли Наполеона о донесенiяхъ Полицiи.—Отставка Фуше и нерѣшимость Перваго Консула. —Корыстолюбiе Министра.—Отзывы о Фуше за глаза и обхожденiе съ нимъ.—Поѣздка въ Морфонтенъ.—Отрѣшенiе исполненное, но не объявленное. — Письмо Сенату.— Несовмѣстное соединенiе Полицiи съ Юстицiею.—Г. Ренье. —Полицiя Фуше. — Огорченiе, причиненное Г-жѣ Бонапарте отставкою Фуше.—Семейныя сцены.—Беременность супруги Лудовика Бонапарте. — Ложныя и безстыдные слухи, дошедшiе до Iозефины.—Огорченiе матери и супруги. —Предоставленiе наслѣдiя незаконнорожденному.—Объясненiе одного обстоятельства. — Извинительная мнительность. —Внутренность кабинета.—Отвѣтъ Перваго Консула Iозефинѣ. — Вспыльчивый упрекъ Iозефины Рёдереру. — Г-жа Бонапарте посѣщаетъ Рюель. — Продолжительный разговоръ на большой дорогѣ.—Возстановленiе престола и вѣроятность восшествiя на оный Бурбоновъ. — Перемѣна, происшедшая въ Наполеонѣ.—Королева и Императрица.— Дѣти и разводъ. — Разныя причины. — Снисходительные

законы и Церковь.—Сличеніе съ показаніемъ острова Св. Элены. — *Политическое плутовство.*—Разногласіе между мужемъ и женою. — Предоставленіе правоты Г-жѣ Бонапарте.

По вообще принятому Государственному правилу, Государь долженъ какъ можно рѣже перемѣнять своихъ Министровъ и то неиначе какъ по важнымъ причинамъ. Это въ особенности относится къ самовластнымъ правленіямъ гдѣ вся отвѣтственность великаго политическаго единства лежитъ только на главѣ Государства, между тѣмъ какъ колеса различныхъ управленій ввѣрены Министрамъ, которые отвѣтствуютъ въ томъ предъ однимъ только Государемъ. Притомъ же въ управленіи, опытность чрезвычайно много значитъ. Бонапарте держался этого правила, какъ будучи Первымъ Консуломъ, такъ и Императоромъ; онъ часто уступалъ причинамъ несправедливымъ, но никогда безъ причины не удалялъ Министровъ; даже неоднократно онъ оставлялъ ихъ долѣе чѣмъ бы слѣдовало въ высокомъ званіи, въ которое онъ ихъ возвелъ. Эта стойкость Наполеона имѣла различныя послѣдствія, ибо съ одной стороны она дала Г. Годену время учредить въ управленіи финансами порядокъ, никогда до него не существовавшій а съ другой допустила Г-на Декре привести въ безпримѣрное разстройство управленіе флотомъ.

Бонапарте видѣлъ въ людяхъ только средства и препятствія; 18 Брюмера, Фуше былъ средствомъ; Первый Консулъ началъ опасаться чтобы онъ не сдѣлался препятствіемъ и потому надобно было подумать о томъ чтобы удалить его. Искреннѣйшіе друзья Наполеона съ самаго начала противились вступленію Фуше въ Министерство; но чрезъ безкорыстные свои совѣты, они только сами попали въ немилость; такимъ важнымъ человѣкомъ сдѣлался Фуше.

И могло ли это быть иначе? Фуше находился въ связи съ Республикою чрезъ смерть Короля, на которую онъ подалъ свой голосъ; съ царствомъ Ужаса чрезъ кровавыя свои порученія въ Ліонѣ и въ Неверѣ; съ Консульствомъ чрезъ существенныя, хотя можетъ быть и преувеличенныя услуги; съ Наполеономъ такъ сказать чрезъ колдовство, которымъ онъ привязалъ его къ себѣ; съ Іозефиною чрезъ вражду къ ней братьевъ Перваго Консула. Кто бы тому повѣрилъ? Фуше имѣлъ въ числѣ самыхъ усердныхъ своихъ приверженцевъ враговъ Революціи: они осыпали его похвалами даже на счетъ главы Государства потому что хитрый Министръ, по расчету оказывалъ снисходительность и выставлялъ себя покровителемъ людей взятыхъ изъ сословій, пораженныхъ въ массѣ Проконсуломъ. Руководствуя мнѣніемъ, имѣя у себя въ рукахъ средства по произволу вну-

шать страхъ или привязывать къ себѣ деньгами,—онъ расположилъ это мнѣніе совершенно въ свою пользу и колеса, имъ движимыя, были столь многосложны, что Полицію скорѣе можно было назвать Полиціею Фуше, чѣмъ Полиціею Министра этой части. И такъ во всемъ Парижѣ, во всей Франціи вѣрили необычайному искуству Фуше, и были правы въ томъ отношеніи что никогда еще никто не умѣлъ столь искусно внушать о себѣ такое высокое понятіе; тайна Фуше есть тайна большей части тѣхъ, которыхъ называютъ Государственными людьми.

Какъ бы то ни было, а Первый Консулъ неблагопріятно смотрѣлъ на это искуственное вліяніе, которое Фуше составилъ себѣ въ его Правительствѣ. Съ нѣкотораго времени, къ отвращенію которое Фуше всегда внушалъ ему, присоединялись другія причины неудовольствія; будучи неоднократно обманываемъ донесеніями и тайными переписками, Бонапарте начиналъ презрительно пожимать плечами получая оныя и говорилъ мнѣ: «Повѣришь ли, Бурiеннъ, что я бывалъ обманываемъ этими вещами? Всѣ эти свѣдѣнія безполезны и позорны. Всѣ донесенія Префектовъ и Полиціи, всѣ перехваченныя письма, заключаютъ въ себѣ только ложь и глупость; нехочу больше получать ихъ.» Онъ говорилъ такъ, а самъ все еще хотѣлъ получать ихъ.

Однажды отставка Фуше была рѣшена; но, желая удалить его, Бонапарте, все еще находившійся подъ очарованіемъ и не смѣвшій дѣйствовать противъ него иначе какъ съ чрезвычайною осторожностью, началъ заговаривать объ уничтоженіи Министерства Полиціи для того чтобы этимъ прикрыть отрѣшеніе Министра. Первый Консулъ сказалъ Фуше, что это уничтоженіе, представляемое имъ еще въ отдаленіи, долженствовало болѣе чѣмъ что либо другое придать силы Правительству; ибо оно доказало бы внутреннюю безопасность и спокойствіе Франціи. Убѣжденный приведенными Наполеономъ доводами, Фуше не могъ представить противъ оныхъ достаточныхъ причинъ и удовольствовался однимъ только возраженіемъ, что по его мнѣнію, исполненіе этого намѣренія, въ существѣ хорошаго, должно отложить года на два. Бонапарте показалъ видъ что принимаетъ возраженіе Фуше. Этотъ послѣдній, столь же жадный къ деньгамъ, какъ Бонапарте былъ къ славѣ, утѣшалъ себя мыслью что въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ, доходы съ игорныхъ домовъ доставятъ ему горы золота. Ибо Фуше, хотя уже обладавшій огромнымъ состояніемъ, безпрестанно думалъ о томъ чтобы его увеличить, хотя и не умѣлъ самъ лично онымъ наслаждаться. Честолюбіе распространить предѣлы своего помѣстья Пон-Карре, не менѣе

было въ немъ сильно какъ у Перваго Консула честолюбіе отодвинуть границы Франціи.

Не только Первый Консулъ не любилъ Фуше, но утвердительно можно сказать что въ это время Полиція ему надоѣдала и препятсвовала; онъ считалъ ее опасною особенно въ такомъ Государствѣ гдѣ не было свободы тисненія; даже услуги, оказанныя Полиціею Первому Консулу, были такого свойства, что онѣ его устрашали, ибо тотъ, кто устроивалъ заговоръ противъ Директоріи въ пользу Консульства, могъ устроить заговоръ и противъ Консульства въ пользу всякаго другаго Правительства. Не нужно объяснять что я говорю здѣсь только о Полиціи политической а не о той охранительной Полиціи, которая необходима въ большихъ городахъ и которой почетная обязанность состоитъ въ томъ чтобы наблюдать за средствами къ сохраненію здравія и безопасности гражданъ.

Фуше, какъ видѣли, былъ Министромъ Полиціи съ 18 Брюмера; всѣ знавшіе вполнѣ характеръ Перваго Консула, не могли объяснить себѣ вліянія которое онъ дозволилъ ему взять надъ собою и которому самъ Бонапарте съ нетерпѣніемъ удивлялся. Онъ видѣлъ въ немъ точку, въ которой сосредоточивались всѣ выгоды приверженцевъ Революціи и негодовалъ за то; но повинуясь дѣйствію какого-то магни-

тизма, не могъ разрушить очарованія, подъ которымъ онъ находился. За глаза онъ говорилъ о Фуше съ запальчивостью, съ колкостью и недоброжелательствомъ; но въ присутствіи его, выраженія Бонапарте смягчались, если только онъ не имѣлъ причинъ всенародно изъявлять ему гнѣвъ свой какъ напримѣръ послѣ злодѣянія 3 Нивоза.

И такъ, принявъ рѣшительное намѣреніе уничтожить Министерство Полиціи, Бонапарте не хотѣлъ долѣе допускать отсрочки, которую онъ показалъ видъ будто бы считаетъ нужною — и 12 Сентября вечеромъ, мы отправились въ Морфонтенъ; тамъ провели мы слѣдующій день, что было въ Понедѣльникъ и тогда Первый Консулъ, вдали отъ Фуше и убѣждаемый совокупными просьбами Іосифа и Луціана,—подписалъ указъ объ уничтоженіи его званія. Когда на другой день, по возвращеніи въ Парижъ, Фуше пріѣхалъ въ Мальмезонъ, гдѣ мы находились, для обыкновенной своей работы, то Первый Консулъ занялся съ нимъ какъ всегда, не смѣя ничего сказать ему о его немилости и потомъ поручилъ Камбасересу объявить ему объ оной. Бонапарте, послѣ этого распоряженія, которое онъ такъ долго откладывалъ, еще старался смягчить суровость онаго особеннымъ вниманіемъ. Назначивъ Фуше Сенаторомъ, онъ сказалъ въ письмѣ своемъ Се-

нату, извѣщая его объ этомъ назначеніи: «Будучи Министромъ Полиціи при затруднительныхъ обстоятельствахъ, Гражданинъ Фуше «удовлетворилъ своими талантами, дѣятель«ностью и преданностью Правительству всему, «чего обстоятельства отъ него требовали. По«мѣщая его въ Сенатъ, я долгомъ считаю ска«зать, что еслибы иныя обстоятельства вновь «потребовали Министра Полиціи, то Правитель«ство не нашло бы никого другаго, болѣе до«стойнаго его довѣренности.» То что Первый Консулъ написалъ Сенату съ тѣмъ чтобы смягчить ударъ, поразившій Фуше, этотъ послѣдній счелъ извѣщеніемъ, даже обѣщаніемъ и съ тѣхъ поръ всѣ подземныя его батареи обратились къ тому чтобы принудить Бонапарте къ исполненію онаго. Ниже увидятъ, какъ Фуше достигъ своей цѣли.

Съ этой минуты Полиція, по соединеніи оной съ Юстиціею, была ввѣрена Ренье (*) Отвращеніе, которое Бонапарте питалъ къ Фуше, удивительнымъ образомъ ослѣпило его на счетъ способностей его преемника. Притомъ же какимъ образомъ вести рядомъ управленіе Юстиціею, основанное на правилахъ опредѣленныхъ, твердыхъ и неизмѣнныхъ, съ Полицейскимъ управленіемъ? Юсти-

(*) Г. Абріаль, Министръ Юстиціи, былъ помѣщенъ въ Сенатъ въ одно время съ Фуше Первый Консулъ, понималъ что это совокупленіе было большею немилостью чѣмъ самое лишеніе Министерства.

цiя никогда бы не долженствовала имѣть ничего общаго съ Полицiею, кромѣ развѣ осужденiя оной. Чего можно было ожидать отъ Ренье, обремененнаго двумя, несовмѣстными между собою должностями? чего бы можно ожидать даже отъ человѣка, одареннаго величайшими достоинствами? Ничего, совершенно ничего хорошаго.

. И точно,—что въ послѣдствiи случилось? то что я предвидѣлъ и что дозволилъ себѣ сказать Первому Консулу, который не хотѣлъ меня слушать. Фуше удержалъ у себя Полицiю тогда какъ Правительство оной уже не имѣло; отрѣшенный Министръ игралъ своимъ двустихiйнымъ преемникомъ держа самъ нити сокровеннаго управленiя, завлекалъ въ свои сѣти неопытность явнаго начальника этой части и сдѣлался необходимъ, если желали чтобы онъ не сдѣлался опаснымъ. Левъ, предавшись паническому страху, слѣпо кинулся въ сѣти лисицы.

Такова истинная исторiя отрѣшенiя Фуше; никто не былъ столько огорченъ онымъ, какъ Г-жа Бонапарте, узнавшая объ ней вмѣстѣ съ публикою. Iозефина при всѣхъ обстоятельствахъ защищала Фуше отъ нападковъ своего мужа; она думала что онъ одинъ изъ Министровъ говорилъ ему правду. Она имѣла столь высокое понятie объ искуствѣ Фуше въ упра-

вленіи Полиціею, что въ первый разъ когда я увидѣлъ ее наединѣ послѣ возвращенія нашего изъ Морфонтена въ Мальмезонъ, она сказала мнѣ: «Любезный Буріеннъ, скажите мнѣ искренно; не ужели чрезъ Полицію Монсея, Дюрока, Жюно и Даву Бонапарте будетъ въ состояніи узнавать о заговорахъ? Вы знаете лучше меня, что все это одни только подлыя шпіонства. Развѣ Савари не завелъ наконецъ также своей собственной Полиціи? Какъ все это меня устрашаетъ. Ахъ! милый мой, у меня отнимаютъ всѣ мои подпоры и окружаютъ меня только непріятелями! — Для оправданія вашихъ сожалѣній надобно еще удостовѣриться въ томъ, что Фуше никогда не находился въ согласіи съ Луціаномъ па счетъ развода.—О! этому я не вѣрю: Бонапарте его не любитъ и вѣрно сказалъ бы мнѣ объ этомъ тогда какъ я благопріятно о немъ отзывалась.—Вы увидите что братья наконецъ доведутъ его до своей цѣли.»

Я уже говорилъ объ огорченіяхъ Іозефины и о непріязни къ ней Іосифа, а особенно Луціана; а потому, описывая отрѣшеніе Фуше, я кстати разскажу здѣсь нѣкоторыя сцены, происшедшія въ Мальмезонѣ около этого времени. Бывъ повѣреннымъ обѣихъ сторонъ и невольнымъ участникомъ въ этихъ сценахъ, по прошествіи двадцати семи лѣтъ, я не имѣю ни-

какихъ выгодъ, никакихъ причинъ искажать истину оныхъ.

Супруга Лудовика Бонапарте была тяжела и беременность ея приближалась къ концу. Іозефина, хотя и нѣжно любившая дѣтей своихъ, не видѣла приближеніе эпохи разрѣшенія отъ бремени своей дочери съ участіемъ, столь свойственнымъ материнскому сердцу. Давно уже ей были извѣстны распространяемые клеветою слухи о мнимой связи Гортензіи съ Первымъ Консуломъ и это подлое обвиненіе заставляло ее проливать много слезъ. Бѣдная Іозефина дорого платила за блескъ, ее окружавшій! Зная сколь эти ненавистные слухи неосновательны, я старался ее утѣшить разсказывая какъ я повсюду, гдѣ могъ, опровергалъ ихъ безстыдство и лживость. Однакожъ Бонапарте, ослѣпленный любовью, обнаруживаемою ему тогда отъ всѣхъ, усиливалъ огорченіе жены своей чрезъ слѣдствія своего безразсуднаго упоенія: онъ старался увѣрить ее что эти слухи были распространяемы единственно отъ желанія Франціи видѣть у него наслѣдника; такъ что эти утѣшенія, даваемыя честолюбіемъ материнской скорби, увеличивали супружескія опасенія, и страхъ о разводѣ вполнѣ возвращался. Такимъ образомъ, въ своихъ сумазбродныхъ мечтахъ, Бонапарте представлялъ себѣ, что Франція добивается чести быть подъ владычествомъ незаконоро-

жденнаго, что представило бы странный способъ учрежденія наслѣдія.

Да будетъ мнѣ дозволено сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній на счетъ обстоятельства, которое до меня касается и которое заслуживаетъ краткаго объясненія: я читалъ въ одномъ сочиненіи будто бы одна особа, вышедшая отъ Перваго Консула послѣ разговора съ нимъ о пожизненномъ Консульствѣ и о наслѣдіи, увидѣлась съ Г-жею Бонапарте только что разставшеюся съ *Буріенномъ* и что Г-жа Бонапарте повела въ паркъ эту особу. Тамъ Іозефина, говоря о приверженцахъ наслѣдія, будто бы сказала: «Они хвалятся что преклонили на свою сторону Буріенна; мнѣ трудно этому повѣрить и надобно это хорошенько развѣдать.» Я никогда неопровергаю какого нибудь положительно разсказаннаго событія безъ положительныхъ же доказательствъ противнаго тому; почему я не оспориваю что Іозефина могла это сказать; но принимая это за истину, я вижу въ томъ только новое доказательство безпокойствъ и страховъ, тревожившихъ Іозефину. Если она только что со мною разсталась, то она вѣроятно разговаривала со мною о своихъ огорченіяхъ и ужъ конечно ей очень было извѣстно что я, не болѣе чѣмъ она, одобряю честолюбивые замыслы Перваго Консула; я не могъ съ моей стороны не знать, сколько спокойствіе жены его было тѣмъ возмущаемо,

потому что она всегда заводила разговоръ о своихъ роковыхъ предчувствiяхъ; дѣйствительно надобно было чтобы они слишкомъ ее занимали для того, чтобы она сдѣлалась, такъ сказать, равнодушною къ родамъ своей дочери. Притомъ же она очень меня знала, сказавъ: *мнѣ трудно этому повѣрить.*

Iозефина, которой мнительность, даже еще и нынче кажется мнѣ извинительною, не забыла моего поведенiя тогда какъ за два года предъ тѣмъ о тѣхъ же вопросахъ было разсуждаемо по случаю писемъ Лудовика XVIII къ Первому Консулу. Мнѣ, правда, очень извѣстно что эти вопросы, прежде робкiе, начали явнѣе показываться тогда какъ пожизненное Консульство поставило Бонапарте на ступени трона; я также не забылъ что въ эпоху неумѣстнаго изданiя Сравненiя между *Цесаремъ, Кромвелемъ и Бонапарте,*—Iозефина, вошедъ однажды къ намъ въ кабинетъ безъ доклада, что иногда съ нею случалось, когда по веселому расположенiю за завтракомъ она полагала это расположенiе продолжающимся,—тихонько подошла къ Бонапарте; сѣла къ нему на колѣна; слегка погладила его рукою по головѣ и по лицу; и считая эту минуту благопрiятною, сказала ему съ нѣжностью: «Прошу тебя Бонапарте, не дѣлайся Королемъ. Этотъ негодной Луцiанъ тебя къ тому побуждаетъ:

не слушай его.» Бонапарте овѣчалъ ей безъ досады и даже разсмѣявшись при послѣднихъ словахъ. «Ты помѣшалась, моя бѣдная Іозефина. Это все твои старыя вдовушки Сен-Жерменскаго предмѣстія, это твоя Ла Рошфуко наговорила тебѣ этихъ сказокъ.... полно мнѣ надоѣдать; оставь меня въ покоѣ.» Въ этотъ день величайшее согласіе царствовало въ Консульской четѣ, что я теперь привожу себѣ на память какъ минувшій сонъ, но помню что тогда необходимость быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ супружескихъ нѣжностей не составляла одной изъ самыхъ пріятныхъ обязанностей собственнаго Секретаря Перваго Консула.

То что Бонапарте сказалъ однажды женѣ своей дружескимъ голосомъ, я неоднократно слыхалъ его говорящаго безъ всякихъ шутокъ; пять или шесть разъ былъ я свидѣтелемъ такихъ споровъ. Нельзя также оспоривать вражды, царствовавшей между семействами Богарне и Бонапарте. Фуше, какъ я сказалъ, находился на сторонѣ Іозефины, а Луціанъ былъ злѣйшимъ изъ враговъ ея. Однажды Рёдереръ такъ вспыльчиво напалъ на Фуше въ присутствіи Г-жи Бонапарте, что она сказала ему съ чрезвычайною живостью: «Настоящіе враги Наполеона тѣ, которые внушаютъ ему мысли о наслѣдіи, о династіи, о разводѣ и о женитьбѣ!» Добрая Іозефина не могла удержаться отъ это-

го восклицанія зная что Рёдереръ питаетъ эти мысли, распространяя оныя чрезъ вліяніе Луціана.

Бывъ свидѣтелемъ этой сцены и всегда принимавъ живѣйшее участіе въ горестяхъ и предчувствіяхъ Іозефины, я открывалъ ей все что зналъ ибо она была неспособна измѣнять довѣренности, ею внушаемой. Я помню что однажды она посѣтила насъ въ нашемъ маленькомъ Рюельскомъ домикѣ; провожая ее пѣшкомъ по большой дорогѣ до кареты, которую она послала впередъ, я совершенно открылся ей объ опасеніяхъ, внушаемыхъ мнѣ честолюбіемъ Бонапарте, котораго я очень искренно любилъ, и о вѣроломныхъ совѣтахъ его братьевъ. «Если намъ не удастся,» сказалъ я ей, «отклонить Генерала отъ намѣренія сдѣлаться Королемъ, то будущее для него меня устрашаетъ. Если онъ возстановитъ Королевскій санъ, то это будетъ сдѣлано для Бурбоновъ, которые вновь взойдутъ на престолъ, имъ возстановленный. Конечно никто, не прослывъ безумцемъ, не въ состояніи опредѣлить всѣхъ послѣдствій, которыя можетъ произвести подобное событіе, но одного уже здраваго смысла достаточно для того чтобы посудить сколь долго эти послѣдствія будутъ опасны. По возстановленіи прежняго образа Правленія, занятіе престола будетъ уже только вопросомъ фамильнымъ, а не

6

Государственнымъ — о свободѣ или о Монархической власти. Но какой тогда причинѣ Францiя, преставъ быть свободною, не предпочтетъ древнiй родъ Королей своихъ? Вамъ вѣрно извѣстно, что черезъ два года послѣ вашего брака, по возвращенiи своемъ изъ Италiи, мужъ вашъ сказалъ мнѣ что онъ имѣетъ виды на Королевскiй санъ. Въ то время школьная наша дружба была еще въ полной своей силѣ; но вы знаете что льстецы очень съ тѣхъ поръ его перемѣнили, и что честолюбiе его съ каждымъ днемъ дѣлаетъ ее слабѣе; онъ выслушалъ тогда меня съ участiемъ, съ дружбою; согласился что это предпрiятiе слишкомъ отважно; онъ даже сказалъ мнѣ что онъ слишкомъ молодъ славою; но мысль эта тѣмъ не менѣе осталась врѣзанною въ умѣ его и около нея всѣ его предпрiятiя, всѣ его дѣйствiя, съ тѣхъ поръ вертѣлись. Происшедшее во Францiи въ его пользу движенiе, вручило ему власть. Съ тѣхъ поръ, надобно сознаться что Францiю нельзя узнать; онъ далъ дѣятельность и силу всему что находилось въ совершенномъ разстройствѣ; онъ довелъ общественное мнѣнiе къ мыслямъ о Монархическомъ правленiи, но постепенно; онъ началъ тѣмъ что былъ Консуломъ съ двумя ничтожными людьми; потомъ явилось знаменитое Сравненiе; за онымъ продолженiе Консульства на десятъ лѣтъ; теперь пожизненное

Консульство; ахъ! еслибъ онъ могъ на этомъ остановиться! Ему недостаетъ только одного пустаго титула; ни одинъ Государь въ Европѣ не имѣетъ столько власти какъ онъ. Я очень жалѣю, но право думаю что вы поневолѣ будете Королевою или Императрицею.»

Г-жа Бонапарте предоставила мнѣ волю говорить не прерывая меня; но когда я произнесъ слова: Королева, Императрица: «Боже мой, Бурiеннъ,» сказала она, «какъ я далека отъ того чтобы имѣть это честолюбiе; пусть я навсегда останусь женою Перваго Консула, вотъ все чего я желаю. А потому скажите ему все что вы мнѣ теперь говорили; постарайтесь чтобы онъ не сдѣлался Королемъ. — Времена слишкомъ перемѣнились,» возразилъ я. «Самые умные, самые твердые люди боролись съ постоянствомъ, съ мужествомъ противъ склонности его къ наслѣдiю; теперь все тщетно: онъ меня не послушаетъ; онъ непреклоненъ въ разсужденiяхъ своихъ о наслѣдственномъ правленiи; если сопротивленiе важно, то досада его выходитъ изъ границъ, слова его дѣлаются суровы и отрывисты и властолюбiе имъ одолѣваетъ.— Однакожъ, Бурiеннъ онъ имѣетъ къ вамъ такую довѣренность, что еслибъ вы еще разъ попытались.... —Я ужъ сказалъ вамъ, что онъ меня не послушаетъ. Притомъ же что я могу прибавить къ тому что я говорилъ уже ему при получе-

нія имъ писемъ Лудовика XVIII, представляя что онъ не имѣетъ дѣтей и что ему будетъ некому оставить престолъ, который по мнѣнію, питаемому имъ о братьяхъ, онъ конечно не для нихъ возстановилъ.» Тутъ Іозефина опять прервала меня. «Другъ мой,» сказала она, «когда вы упомянули о дѣтяхъ, не сказалъ ли онъ вамъ чего нибудь? Не говорилъ ли онъ вамъ о разводѣ?—Ни одного слова, могу васъ увѣрить.— Если его не будутъ къ тому побуждать, то я думаю что самъ онъ не рѣшится; вы знаете какъ онъ любитъ Евгенія и какъ добръ съ нимъ Евгеній! Какая разница съ Луціаномъ! Этого негоднаго Луціана Бонапарте слишкомъ много слушаетъ, а между тѣмъ всегда дурно объ немъ отзывается.—О томъ что Луціанъ говоритъ своему брату, я узнаю только отъ Наполеона, когда ему угодно что либо мнѣ сообщить; Луціанъ всегда избѣгаетъ свидѣтелей при разговорахъ своихъ съ вашимъ мужемъ; но могу васъ увѣрить что въ продолженіе двухъ лѣтъ я никогда не слыхалъ слова разводъ, выходящаго изъ устъ Генерала. — Надѣюсь на васъ, любезный Буріеннъ, что вы будете отклонять его отъ этого, также какъ вы тогда сдѣлали. — Не думаю чтобы онъ питалъ эту мысль; но еслибъ она возвратилась, то вы должны принять въ соображеніе что это будетъ уже совсѣмъ по инымъ причинамъ;

совершенно преданный выгодамъ своей политики и своего честолюбія, пересиливающимъ нынѣ въ немъ всѣ прочія чувства, онъ теперь ужъ не станетъ прибѣгать къ соблазну, къ тяжбѣ предъ судомъ; это будетъ дѣйствіемъ власти, которое снисходительные законы оправдаютъ и которое можетъ статься благословитъ самая Церковь.—Это правда; вы правы. Боже мой! какъ я несчастна!»

Таковъ былъ одинъ изъ разговоровъ, моихъ съ Г-жею Бонапарте о предметѣ, къ которому она часто возвращалась. Довольно любопытно сличить это съ тѣмъ, что сказалъ Наполеонъ на островѣ Св. Элены, говоря о первой женѣ своей. Наполеонъ какъ въ *Дневникѣ* написано, сказалъ что когда Іозефина наконецъ должна была отказаться отъ надежды имѣть дѣтей, то она часто намѣкала ему о *политическомъ плутовствѣ* и наконецъ явно ему оное предложила. Вѣрю что Наполеонъ это сказалъ, но не вѣрю, чтобы это была правда: Іозефина говорила мнѣ о столькихъ другихъ вещахъ, что конечно не умолчала бы и объ этомъ необычайномъ обстоятельствѣ. Нѣтъ, смѣю утверждать, что Іозефина никогда не дѣлала подобнаго предложенія. Читатели конечно не забыли сказаннаго мною о предложеніи, которое Луціанъ осмѣлился ей

самой сдѣлать и того, съ какимъ негодованіемъ это предложеніе было отвергнуто. Правда что я былъ свидѣтелемъ усилій, которыя дѣлала медицина для возвращенія Іозефинѣ признаковъ плодородія, которые перестали у нея оказываться; и помню что Бонапарте однажды съ восхищеніемъ объявилъ мнѣ что они опять показались. Я искренно его съ этимъ поздравилъ, но болѣе изъ вѣжливости чѣмъ въ надеждѣ увидѣть его отцемъ ребенка отъ Іозефины, ибо я очень помнилъ что Корвизаръ ручался мнѣ въ томъ что онъ достигнетъ этого чрезъ разныя медицинскія средства, но въ тоже время увѣрилъ меня что изъ этого ничего не произойдетъ. Медицина была единственнымъ *политическимъ плутовствомъ*, къ которому прибѣгала Іозефина; и на ея мѣстѣ, какая бы женщина не сдѣлала тогоже?

И такъ мужъ и жена касательно этого предмета находятся въ противорѣчіи; но на чьей сторонѣ правда? Не колеблясь предоставлю ее Іозефинѣ: дѣйствительно большая разница между женщиною, которая ввѣряетъ свои опасенія и надежды единственному свидѣтелю ея семейныхъ тайнъ и позднимъ объявленіемъ человѣка, который, видя ниспровергнутымъ огромное зданіе своего честолюбія, ни о чемъ болѣе не помышляетъ въ своемъ принужденномъ уединеніи, кромѣ какъ о сохраненіи зданія своей

славы, дабы на ономъ не осталось ни малѣйшаго пятнышка: — Наполеону слѣдовало бы вспомнить что Цесарь не хотѣлъ, чтобы жену его могли даже только подозрѣвать.

++

ГЛАВА IV.

Г. Фешъ сдѣланъ Кардиналомъ.—Возстановленіе Богослуженія. —Искуства и промышленость. — Выставка въ Луврѣ.— Видъ Парижа въ 1802 году.—Съѣздъ въ Тюлієри.—Посланники.—Многочисленныя представленія.—Венера Медиційская и Паллада Велетрійская. — Признаки всеобщаго благоденствія.—Курсъ фондовъ. — Снисходительность Римскаго Двора.—Молебствіе въ Туринѣ.—Новая Конституція Батавской Республики.—Министры, не подлежащіе отвѣтственности. — Бурбоны. — Разговоръ съ Г. Лафайетомъ.— Мнѣніе Перваго Консула объ Америкѣ и о Польшѣ. — Разномысліе Бонапарте съ Г. Лафайетомъ. — Порицаніе Конкордата —Размышленія Перваго Консула.

Г. Фешъ, который при возвращеніи нашемъ изъ Египта, когда мы принужденно приставали въ Аяччіо, размѣнялъ, нѣсколько съ большимъ учетомъ, Египетскіе цехины Генерала, — опять

сдѣлался Аббатомъ Фешемъ, какъ только Бонапарте Консулъ возстановилъ во Франціи алтари, ниспроверженные во время Революціи. 15 Августа 1802 года, онъ былъ посвященъ въ Эпископы а на слѣдующій годъ получилъ Кардинальскую шляпу; такимъ образомъ Бонапарте, воспользовавшись тѣмъ что одинъ изъ членовъ его семейства находился въ духовномъ званіи, возвелъ его въ высшій санъ Церкви; въ послѣдствіи онъ далъ Фешу Ліонское Архіепископство, которое Кардиналъ сей и нынѣ еще занимаетъ.

Первый Консулъ очень радовался тому что онъ, покрайней мѣрѣ хоть по наружности, восторжествовалъ надъ сопротивленіемъ, которое обнаружили его приближенные къ возстановленію вѣры; онъ съ удовольствіемъ читалъ донесенія о томъ, что церкви посѣщаются; наконецъ, въ продолженіе 1802 года, заботливость его распространилась на все, что могло содѣйствовать къ преобразованію нравовъ, болѣе развратныхъ при Директоріи, нежели какими они были въ продолженіе Ужаса.

Въ могучемъ своемъ шествіи, Первый Консулъ не пренебрегалъ никакими средствами, способными въ одно время и обратить на него взоры толпы и заслужить ему одобреніе разсудительныхъ людей. Онъ довольно любилъ искуства и полагалъ что промышленость должна

быть покровительствуема главою Правительства; но должно сознаться что самъ онъ отнималъ у этого покровительства дѣйствительность безпрестанными посягательствами своей власти на разсудительную свободу, которая есть душа всего.

Въ первые дополнительные дни конца X года т. е. въ началѣ осени 1802, согласно съ приказаніями, данными Первымъ Консуломъ Г. Шапталю, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, — въ Луврѣ была выставка произведеній промышлености; Бонапарте ходилъ смотрѣть выставленныя произведенія и какъ въ эту эпоху, онъ уже относилъ все къ себѣ — то онъ показалъ что гордится высокою степенью совершенства, до которой промышленость достигла во Франціи. Онъ въ особенности наслаждался удивленіемъ, возбуждаемымъ выставкою въ Луврѣ, во множествѣ иностранцевъ, которые по заключеніи мира стекались въ Парижъ.

Дѣйствительно въ продолженіе 1802 года, столица представляла совсѣмъ новый видъ для новаго поколѣнія. Склонность къ пышности и къ забавамъ начала обнаруживаться въ нравахъ, переставшихъ быть Республиканскими и множество Русскихъ и Англичанъ, разъѣзжавшихъ повсюду въ блистательныхъ экипажахъ, не мало содѣйствовало къ этому превращенію. Все народонаселеніе Парижа стекалось на Карусель-

ную площадь въ дни смотровъ, глядѣть на необычайное для нея зрѣлище богатыхъ иностранныхъ ливрей и покрытыхъ гербами каретъ. Во внутренности Тюлiери аудiенцiи были блистательны и многочисленны; имъ недоставало только названiя *царскихъ представленiй* (levers). Г. Морковъ, заступившiй мѣсто Г. Колычева въ званiи Посланника Россiи; Маркизъ Лукезини, Прусскiй Посланникъ и Лордъ Витвортъ, Англiйскiй Посланникъ, дѣлали Первому Консулу многочисленныя представленiя и онъ очень былъ радъ что дворъ его, который онъ намѣревался образовать, имѣлъ у себя передъ глазами образцы иностранныхъ царедворцевъ. Никогда еще, со времени съѣзда Государственныхъ Чиновъ, театры не были столь посѣщаемы и разныя собранiя столь многолюдны; никогда еще, съ той эпохи, Парижъ не являлся въ столь удовлетворительномъ видѣ. Первый Консулъ, съ своей стороны, не упускалъ никакихъ средствъ оказывать гостепрiимство въ своей столицѣ и дѣлать оную болѣе и болѣе достойною удивленiя путешественниковъ. Венера Медицiйская, похищенная изъ галереи Герцоговъ Тосканскихъ, украсила Луврскую галерею, а неподалеку отъ нея была поставлена въ тоже время Паллада Велетрiйская, прiобрѣтенiе болѣе законное ибо ее отрыли Французскiе Инженеры въ Велетри. Все процвѣтало благосостоянiемъ, которымъ

Бонапарте по справедливости гордился; притомъ же онъ съ удовольствіемъ взиралъ на такъ называемый имъ великій термометръ мнѣнія, на курсъ фондовъ; если онъ видѣлъ цѣну оныхъ удвоившеюся чрезъ Революцію 18 Брюмера и дошедшею въ эту эпоху отъ 7 франковъ до 16-ти; то эта двойная уже цѣна болѣе чѣмъ утроилась послѣ учрежденія пожизненнаго Консульства и Сенатскаго указа 4 Августа (*) ибо оная возвысилась тогда до 52 франковъ.

Между тѣмъ какъ Парижъ представлялся въ столь удовлетворительномъ видѣ, все было покойно во внутренности Франціи и внѣшнія дѣла казались обеспеченными. Римскій Дворъ,

(*) Сенатскій указъ 4 Августа былъ почти новою Конституціею, заключавшею въ себѣ 86 статей, раздѣленныхъ на 10 главъ а именно:

1. О избирательныхъ Коллегіяхъ и собраніяхъ.
2. О собраніяхъ областныхъ.
3. Объ окружныхъ и Департаментскихъ избирательныхъ собраніяхъ.
4. О Консулахъ.
5. О Сенатѣ, коего число членовъ не должно превышать 120-ти.
6. О Государственныхъ Совѣтникахъ, коихъ число не должно превышать 50-ти.
7. О Законодательномъ Корпусѣ.
8. О Трибунатѣ, уменьшенномъ до 50-ти членовъ.
9. О правосудіи и судилищахъ.
10. О правѣ помилованія.

Сверхъ перемѣнъ, сдѣланныхъ въ Конституціи, тѣмъ же указомъ было предоставлено Первому Консулу право назначенія себѣ наслѣдника.

который со времени Конкордата, можно сказать былъ преданъ Первому Консулу, не переставалъ при всѣхъ случаяхъ подавать примѣръ угожденія своего къ желаніямъ Франціи; онъ первый призналъ возведеніе Герцогства Тосканы въ Королевство Етрурію и учрежденіе Республикъ Гельветической, Цизальпинской и Батавской. Сему примѣру вскорѣ послѣдовала Пруссія а за нею и прочія Державы Европы.

Всѣ эти новыя Государства, Королевства или Республики, находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Франціи. Г. Шиммельпеннингъ, долго бывшій главою Батавскаго Правительства, пріѣхалъ въ Парижъ представителемъ онаго и планъ новой Конституціи, принятый для Батавской Республики, былъ болѣе дѣломъ Франціи, чѣмъ Голландіи. Піемонтъ, раздѣленный на шесть Департаментовъ, былъ присоединенъ къ къ Франціи и извѣстіе о благодарственномъ молебствіи, происходившемъ въ Туринѣ по случаю этого присоединенія, совершенно убѣдило Перваго Консула въ томъ, съ какою легкостью вся Италія нѣкогда преклонится подъ его иго. Островъ Эльба, сдѣлавшійся столь знаменитымъ чрезъ первое отреченіе Наполеона, былъ также пріобщенъ къ призраку Французской Республики. И такъ мы находились въ мирѣ со всѣми и все казалось содѣйствовало къ доставленію Первому

Консулу самовластія, о которомъ одномъ онъ только и помышлялъ. Мнѣ кажется что даже и незнавъ его сокровеннѣйшихъ думъ, я бы не ошибся на счетъ его замысловъ, ибо одинъ изъ отличительныхъ признаковъ его правленія не оставлялъ нималѣйшаго сомнѣнія на счетъ его воли. Еслибъ онъ хотѣлъ основать свободное Правительство то ужъ конечно онъ бы возложилъ на Министровъ Государственную отвѣтственность, между тѣмъ какъ они отвѣтствовали только предъ нимъ; онъ видѣлъ въ нихъ лишь орудія, которыя онъ могъ по произволу своему ломать. Одинъ этотъ признакъ достаточно уже обнаруживалъ его будущія намѣренія; а дабы еще болѣе выставить что Министры его не подлежатъ никакой отвѣтственности, то всѣ акты Правительства были подписываемы однимъ только Г-мъ Маре, Статсъ-Секретаремъ.

И такъ пожизненное Консульство было не что иное какъ скрытая Имперія и обладаніе онымъ не долго могло удовлетворять честолюбію Перваго Консула; братья его одержали верхъ и новая династія была рѣшена.

Не внутри Франціи могли сначала возникнуть затрудненія но должно было очень опасаться того, что иностранныя Державы, признавъ уже Консульское Правленіе и имѣвъ съ онымъ дѣло, покажутъ иное расположеніе, вѣроятную мнительность относительно Правительства, сдѣла-

вшагося вновь Монархическимъ. Вопросъ о Бурбонахъ оставался въ сторонѣ пока Франція была Республикою; напротивъ того, по возстановленіи престола, взоры могли обратиться на фамилію, занимавшую оный въ продолженіе столькихъ вѣковъ. Бонапарте вполнѣ почувствовалъ затруднительность своего положенія въ этомъ отношеніи, но онъ умѣлъ видѣть препятствія и оныхъ не устрашаться. Выше объяснено сколько препонъ принудили его отсрочить эпоху пожизненнаго Консульства и я описалъ въ концѣ предъидущей части гнѣвъ, который причинило ему письмо Лафайета при поданіи по сему предмету голоса. Первый Консулъ пересказывалъ мнѣ въ послѣдствіи разговоръ, который онъ имѣлъ съ этимъ человѣкомъ, знаменитымъ въ лѣтописяхъ свободы: можно судить о Г. Лафайетѣ разнымъ образомъ, но никто не откажется признать въ немъ большой стойкости правилъ. Между прочими предметами, у Перваго Консула съ Лафайетомъ зашла рѣчь о правленіи Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Г. Лафайетъ сказалъ Наполеону, что при учрежденіи сего союза былъ предложенъ вопросъ о томъ назначать ли Президента на всю жизнь; и хотя вопросъ сей, какъ извѣстно былъ рѣшенъ отрицательно, однакожъ Бонапарте изъ того только что оный былъ предложенъ, дѣлалъ выводы въ пользу своего пожизненнаго

назначенія, говоря что Американцы сами не-знали что дѣлали лишая себя того, что онъ считалъ единственнымъ средствомъ упрочить благосостояніе Государства. Онъ совершенно былъ убѣжденъ въ томъ что нельзя сдѣлать ничего хорошаго тамъ гдѣ нѣтъ единства власти и считалъ, можетъ быть основательно, способъ избранія употреблявшійся въ Польшѣ одною изъ причинъ содѣйствовашихъ къ уничтоженію сего Королевства. Дѣйствительно тамъ гдѣ есть избраніе въ высшій санъ, есть и пронырство, основанное на козняхъ партій и на проискахъ, всегда старающихся подстрекать къ участію Иностранныя Державы тогда какъ избирательный престолъ упразднится.

Какъ бы то ни было, а Первый Консулъ, врагъ всякой мысли о свободѣ, долго не могъ сойтиться съ Лафайетомъ, напитаннымъ этими понятіями; даже самый способъ возвращенія его во Францію, чрезвычайно какъ ненравился Наполеону. Дѣйствительно Г. Лафайетъ, считая или показывая видъ что считаетъ Францію свободною, возвратился въ Парижъ безъ паспорта и сказалъ: «Я выѣхалъ изъ моего отечества вмѣстѣ со свободою; въѣзжаю вмѣстѣ съ нею, ибо она опять возвратилась, поелику Наполеонъ первый ея охранитель. А между тѣмъ Наполеону очень непонравилось то,

что поборникъ Американской свободы возвратился безъ паспорта.

Нетолько на счетъ одного Консульскаго Правленiя въ соединенныхъ-Штатахъ, на счетъ двухгодоваго срока Президенства, и на счетъ новой свободы Францiи подъ Консульскимъ Правленiемъ, Г. Лафайетъ изъявилъ противорѣчiе мыслямъ Перваго Консула; онъ порицалъ и Конкордатъ; онъ желалъ чтобы Бонапарте, предоставя всѣмъ вѣроисповѣданiямъ равную свободу, поставилъ бы ихъ совершенно внѣ зависимости отъ Правительства и чтобы исповѣдающiе разныя вѣры, между собою согласились касательно учрежденiя богослуженiя и содержанiя для онаго духовенства. Я помню что при этомъ случаѣ Бонапарте сказалъ мнѣ: «Лафайетъ можетъ быть правъ въ теорiи; но что значитъ теорiя? глупость, когда ее хотятъ примѣнить къ массамъ людей; а притомъ онъ все воображаетъ себя въ Америкѣ! Какъ будто бы Французы Американцы! онъ можетъ быть и самъ не знаетъ что нужно для Францiи. Католическая вѣра въ ней господствуетъ и притомъ мнѣ нуженъ Папа: онъ будетъ дѣлать что я захочу. Лафайету вздумалось сказать будто бы я этимъ самъ себѣ поврежу. Увидимъ, увидимъ! «Мы точно увидѣли.

ГЛАВА V.

Военное правленіе.—Генералы дипломаты.—Ланнъ, говорящій Наполеону ты.—Несносная короткость.—Прекрасный характеръ Ланна.—Умыселъ удаленія.—Вѣроломный совѣтъ.—Ноельскій отель.—Казна Гвардіи.—Умышленная забывчивость.—Ланнъ у Генерала Лефебра.—Данные въ заемъ четыреста тысячъ франковъ.—Гнѣвъ Ланна.—Горькіе упреки.—Средство уплачивать долги и Португальское посольство.—Просьба о увольненіи.—Совѣты Корвизара.—Нечувствительность ко мнѣ Наполеона.—Долгая нерѣшимость.—Замедленное доставленіе денеги.—Г. Талейранъ въ кабинетѣ Перваго Консула.—Гнѣвъ Бонапарте.—Ушибенная рука.—Нестерпимая брань.—Неблагоразумный отвѣтъ.—Я прошуся въ отставку.—Записка Дюрока.—Согласіе на мое увольненіе.—Хладнокровіе съ моей стороны и новый порывъ гнѣва.—Мое прощанье.—Угрозы Трибунату.—Я завтракаю съ Наполеономъ.—Обѣщаніе расположенія.—Дюрокъ проситъ меня остаться.—Бонапарте преклоняетъ меня къ тому своею ласкою.—Отказъ мой на приглашеніе съ нимъ отобѣдать.—Временное примиреніе.

Бонапарте старался учредить во Франціи не одно только самовластное но и военное Правительство. Онъ думалъ что приказъ, подписанный его рукою имѣетъ волшебную власть превращать его Генераловъ въ дипломаты; почему онъ и назначалъ ихъ Посланниками, какъ будто бы желая показать чрезъ то Государямъ, при коихъ они находились, что онъ нѣкогда возметъ ихъ престолы приступомъ. Мы видѣли что Дюроку и Полковнику Себастіани были даны важныя порученія, отлично ими выполненныя; видѣли также назначеніе въ Лондонъ Посланникомъ Генерала Андреосси, въ противность мнѣнію Министра Внѣшнихъ Сношеній; такимъ же образомъ Брюнъ былъ посланъ въ Константинополь а Ланнъ въ Лиссабонъ. Это послѣднее назначеніе имѣло причины любопытныя тѣмъ, что онѣ вполнѣ выставляютъ характеръ Бонапарте, показывая въ тоже время къ какимъ средствамъ онъ прибѣгалъ желая удалить даже самыхъ вѣрныхъ друзей своихъ, когда присутствіе ихъ ему надоѣдало.

Бонапарте не говорилъ болѣе Ланну *ты*, но Ланнъ продолжалъ это дѣлать разговаривая съ нимъ и нельзя себѣ вообразить до какой степени эта настойчивость короткость въ обхожденіи одного изъ храбрѣйшихъ его сподвижниковъ, сдѣлалась ему несносною. Зная его грубую откровенность и великую смѣлость, не

покидавшую его ни въ городѣ, ни въ шумѣ битвъ, онъ уже 18 Брюмера опасался его упрековъ и для того сдѣлалъ его начальникомъ въ Парижѣ, удостовѣрясь тѣмъ что онъ не будетъ при немъ въ Сен-Клу. Съ этого времени и не смотря на безпрестанно возраставшее и становившееся взыскательнѣе величіе Перваго Консула, Ланнъ такъ хорошо удержалъ свой характеръ, что онъ остался одинъ, который смѣлъ еще обращаться съ Бонапарте какъ съ товарищемъ и безъ околичностей говорить ему правду. Этого было достаточно для того чтобы рѣшить удаленіе Ланна. Но подъ какимъ предлогомъ удалить побѣдителя Монтебельскаго? Предлогъ сей слѣдовало создать и при этомъ ковѣ, истинно дьявольскомъ, Бонапарте употребилъ въ дѣйствіе все хитрое искуство, коимъ онъ въ такой высшей степени обладалъ.

Ланнъ, беззаботный о завтрашнемъ днѣ, столько же расточительный на золото какъ и на кровь свою, тратилъ деньги безъ счету, давалъ много бѣднымъ Офицерамъ и своимъ солдатамъ которыхъ онъ любилъ какъ дѣтей; и отъ того Ланнъ, вмѣсто богатства, имѣлъ только долги. Когда ему были нужны деньги, что часто съ нимъ случалось, то онъ безъ околичностей являлся въ Тюлеріи и просилъ ихъ у Перваго Консула, который—надобно сознаться—никогда ему въ нихъ не отказывалъ. Зная

его положеніе, Бонапарте сказалъ ему однажды: «Вамъ надобно, милый мой, занять хорошую квартиру; поставить себя на такую ногу, которая была бы прилична вашему званію; наймите Ноельскій отель и уберите его попышнѣе.» Ланнъ, которому искренность не дозволяла думать что подъ этимъ скрывается какой либо умыселъ, послѣдовалъ совѣту Перваго Консула. Ноельскій отель былъ нанятъ и съ большимъ великолѣпіемъ меблированъ. Одіо поставилъ серебреный сервизъ, стоившій около двухъ сотъ тысячъ франковъ.

Генералъ Ланнъ, исполнивъ такимъ образомъ изъявленную ему волю Бонапарте, явился къ нему и потребовалъ четырехъ сотъ тысячъ франковъ для уплаты за издержки, сдѣланныя нѣкоторымъ образомъ поего приказанію. «У меня нѣтъ денегъ,» сказалъ ему Первый Консулъ. «Какъ нѣтъ денегъ? ну чтожъ мнѣ теперь дѣлать?—Справьтесь есть ли наличная сумма въ Гвардейскомъ казначействѣ. Возьмите сколько вамъ нужно; мы это устроимъ.»

Безъ всякой недовѣрчивости, Ланнъ отправился къ Гвардейскому Казначею, который сначала было затруднился, но скоро уступилъ, узнавъ что это дѣлается по волѣ Перваго Консула.

Не прошло двадцати четырехъ часовъ послѣ выдачи Ланну этихъ денегъ, какъ Казначей

получилъ отъ Генералъ-Интенданта Гвардіи приказъ представить ему для повѣрки сумму; росписка въ четыреста тысячъ франковъ, положенная вмѣсто денегъ, не была принята. Тщетно Казначей ссылался на приказаніе Перваго Консула: этотъ послѣдній вдругъ потерялъ память и совершенно забылъ происшедшее; однимъ словомъ Ланну слѣдовало внести въ Гвардейскую казну четыреста тысячъ франковъ, а у Ланна, какъ я сказалъ, были одни только долги. Онъ отправился къ Генералу Лефебру, который любилъ его какъ своего воспитанника и разсказалъ ему все происшедшее. «Простакъ ты,» сказалъ ему Лефебръ, «отъ чегожъ ты не пришелъ ко мнѣ?» зачѣмъ ты рѣшился быть должнымъ этому мерзавцу? На, возьми четыреста тысячъ франковъ; отнеси ихъ къ нему и пусть онъ убирается къ чорту.»

Ланнъ, въ бѣшенствѣ побѣжалъ къ Первому Консулу: «Какъ,» сказалъ онъ ему, «ты способенъ къ такой низости! поступать со мною такимъ образомъ? разставлять мнѣ такія подлыя сѣти послѣ того, что я для тебя сдѣлалъ? послѣ всей крови, пролитой мною въ угодность твоему честолюбію! Такъ вотъ награда, которую ты мнѣ готовилъ! Видно ты забываешь что 13 Вандеміера я сдѣлалъ больше чѣмъ ты? Помнишь ли ты Миллезимо? Я былъ Полковникомъ прежде тебя. Для тебя я опять сдѣ-

лался солдатомъ. Надобно было оставить меня Гренадеромъ. За кого я дрался при Бассано? Ты видѣлъ меня при Лоди, при Говерноло, гдѣ я былъ раненъ: а ты сыгралъ со мною такую штуку! безъ меня Парижъ взбунтовался бы 18 Брюмера; безъ меня ты не выигралъ бы Маренгскаго сраженія. Я одинъ; да я одинъ перешелъ чрезъ По при Монтебелло со всею моею Дивизіею; ты хотѣлъ приписать эту честь Бертье, который тамъ не былъ; я жертвовалъ собою для того чтобы видѣть себя уничтоженнымъ! этому не бывать. Мнѣ бы слѣдовало. . . . » Бонапарте слушалъ его неподвижный, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, и Ланнъ готовъ былъ вызвать его на поединокъ какъ въ самое это время, на крикъ его вбѣжалъ Жюно. Внезапное его присутствіе дало опомниться Первому Консулу и въ тоже время утишило ярость Генерала. «Когда такъ,» сказалъ ему Бонапарте, «то поѣзжайте въ Лиссабонъ: тамъ вы наживете денегъ и когда возвратитесь, то не будете имѣть ни въ комъ нужды для уплаты вашихъ долговъ.» Такимъ образомъ Бонапарте достигъ предположенной имъ себѣ цѣли. Ланнъ отправился въ Лиссабонъ, пересталъ тяготить его своею короткостью въ обхожденіи, а возвратясь не говорилъ уже Наполеону ты.

Признаюсь, что я не безъ намѣренія помѣстилъ здѣсь эту сцену Ланна съ Первымъ Кон-

суломъ; она естественнымъ образомъ приводитъ меня къ объясненію причинъ, по которымъ мы разстались съ Наполеономъ. Я попрошу у читателя позволенія войти касательно этого въ большія подробности, ибо столько было распространено ложныхъ слуховъ объ обстоятельствахъ, случившихся при нашемъ разставаньи или послѣ онаго, что мнѣ очень желательно описать дѣло во всей его точности. Вѣрный правилу, мною себѣ предписанному, я ничего не скрою.

Девять мѣсяцевъ уже тому просился я въ отставку. Безпрестанная работа сдѣлалась слишкомъ для меня утомительною. Здоровье мое отъ непомѣрныхъ занятій такъ разстроилось, что Корвизаръ, не перестававшій совѣтовать мнѣ дать себѣ отдыхъ, рѣшительно объявилъ мнѣ что я не долго устою противъ такихъ трудовъ. Корвизаръ вѣроятно говорилъ тоже и Первому Консулу, который однажды вовсе безъ участія сказалъ мнѣ: «Ну Буріеннъ, Корвизаръ говоритъ что тебѣ остается жить всего только годъ.» Это привѣтствіе было не слишкомъ лестно отъ школьнаго друга и я въ тоже время долженъ замѣтить, что предсказаніе Корвизара было вовсе не пустое.

Я твердо рѣшился послѣдовать совѣту Корвизара; родные мои безпрестанно меня уговаривали, но я все откладывалъ. Я не могъ

забыть дружество, которое только однажды нѣсколько разстроилось тогда какъ Іосифъ употребилъ противъ меня у Фуше средство, принадлежащее къ обязанностямъ этого Министра; меня также удерживало воспоминаніе о пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ тогда какъ я прибылъ къ побѣдителю Италіи; мнѣ больно было оставить человѣка, который оказалъ мнѣ столько довѣренности и съ которымъ я находился въ связи съ семи лѣтъ; всё это всегда пересиливало отвращеніе, внушаемое мнѣ многими вещами и безпрестанную досаду, производимую противорѣчіемъ моихъ личныхъ чувствъ съ работою, мнѣ поручаемою. Эти различныя отношенія держали меня въ безпрестанной нерѣшимости, изъ которой одинъ только какой либо непредвидѣнный случай могъ меня вывесть. Случай сей представился и вотъ какъ произошелъ первый между нами разрывъ.

27 Февраля, въ десять часовъ вечера, Бонапарте продиктовалъ мнѣ очень важную и очень нужную дипломатическую депешу къ Г. Талейрану. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ Министра Внѣшнихъ Сношеній пріѣхать на другой день въ Тюліери въ назначенный часъ. По заведенному порядку, я отдалъ пакетъ Дежурному Офицеру для отправленія къ Министру.

Это было въ Суботу. На другой день, въ Воскресенье, Г. Талейранъ пріѣхалъ въ Тюліери

около полудня. Первый Консулъ, тотчасъ начавъ съ нимъ говорить о вчерашней депешѣ, чрезвычайно какъ удивился узнавъ что Министръ получилъ ее только въ тотъ день утромъ. Позвонивъ въ колокольчикъ, онъ приказалъ меня позвать. Чрезвычайно раздосадованный, онъ дернулъ за снурокъ колокольчика съ такою торопливостью, что сильно ушибъ себѣ о каминъ пальцы. Я тотчасъ явился: «Отъ чего,» закричалъ онъ на меня съ запальчивостью, «отъ чего письмо мое не было вчера доставлено? —Не знаю; я тотчасъ отдалъ его тому, который долженъ былъ его отправить.—Поди справься и скорѣе воротись съ отвѣтомъ.» Тотчасъ все узнавъ, я опять вошелъ въ кабинетъ. «Ну Генералъ, тутъ никто не виноватъ: Г-на Талейрана не нашли ни въ Министерствѣ, ни въ Анжуйской улицѣ, ни въ тѣхъ домахъ, гдѣ могли предполагать что онъ находится.» Не зная на кого ему болѣе вскинуться, воздерживаемый хладнокровіемъ Г. Талейрана, но задыхаясь отъ гнѣва, Бонапарте встаетъ, выходитъ изъ кабинета, идетъ самъ въ караульную залу, зоветъ Дежурнаго Офицера и грубо на него кричитъ. Этотъ послѣдній, смущенный гнѣвомъ Перваго Консула, запинается, отвѣчаетъ дурно, и Бонапарте, еще болѣе раздраженный несвязностью отвѣтовъ Офицера, возвращается въ кабинетъ. Увидѣвъ его внѣ себя, я пошелъ

въ слѣдъ за нимъ и на возвратномъ пути старался его успокоить; я уговаривалъ его не дѣлать столько шуму изъ за вещи, которая притомъ и не была такъ очень важна. Не знаю должно ли было приписать запальчивость его крови, которая текла у него изъ руки и на которую онъ безпрестанно смотрѣлъ; но онъ затопалъ ногами съ такимъ неистовствомъ, въ какомъ я никогда его не видалъ; и вошедъ въ кабинетъ такъ сильно захлопнулъ за собою дверь, что еслибъ я находился отъ него немножко поближе, то мнѣ вѣрно бы разбило лице; вмѣстѣ съ этимъ движенiемъ, которое можно назвать судорожнымъ, онъ въ присутствiи Г. Талейрана нестерпимо меня обругалъ: «Оставь меня въ покоѣ!» вскричалъ онъ; «ты безмозглая скотина!!» — При этихъ неслыханныхъ словахъ признаюсь что гнѣвъ, обуявшiй Перваго Консула, вдругъ овладѣлъ мною: предавшись вспыльчивости, я также сильно отворилъ дверь какъ онъ ее захлопнулъ и совершенно забывшись, закричалъ ему: «Самъ ты во сто разъ болѣе меня скотина!» Сказавъ это ему, я опять затворилъ дверь и ушелъ на верхъ въ свою комнату, находившуюся надъ кабинетомъ.

Я столь же мало предвидѣлъ какъ и не желалъ бы, чтобы подобный случай разлучилъ меня съ Первымъ Консуломъ; но дѣло было

уже сдѣлано; я воспользовался онымъ даже не давъ себѣ времени подумать и, волнуемый еще гнѣвомъ, написалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ просьбу мою объ отставкѣ:

«Генералъ,

«Состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ «продолжать при васъ службу; почему покор«нѣйше прошу объ увольненіи меня.

«БУРІЕННЪ.»

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого я увидѣлъ изъ окна приведенныхъ на терасу верховыхъ лошадей. Это было въ Воскресенье и Бонапарте, противъ своего обыкновенія, вздумалъ выѣхать въ этотъ день верхомъ; Дюрокъ ему сопутствовалъ. Какъ только они уѣхали, я тотчасъ сошелъ въ кабинетъ и положилъ на столъ письмо мое. Воротясь въ четыре часа съ Дюрокомъ, Бонапарте тотчасъ его увидѣлъ: *А, а,* сказалъ онъ Дюроку не распечатывая еще конверта, *письмо отъ Буріенна!* и пробѣжавъ его, тотчасъ прибавилъ. *Онъ гнѣвается . . . . увольняю его!* Я оставилъ Тюлѣри въ ту самую минуту какъ онъ воротился; Дюрокъ прислалъ мнѣ туда, гдѣ я обѣдалъ слѣдующую записку:

«Первый Консулъ поручилъ мнѣ, любезный «Буріеннъ, сказать тебѣ что онъ соглашается «на твое увольненіе и проситъ тебя, чтобы ты «сдалъ мнѣ его бумаги. Обнимаю тебя:

«ДЮРОКЪ.»

«P. S. Я въ слѣдъ за симъ самъ къ тебѣ буду.»

Дюрокъ пришелъ за мною въ восемь часовъ вечера. Первый Консулъ былъ въ своемъ кабинетѣ тогда какъ мы вошли туда: я тотчасъ началъ объяснять Дюроку все, могущее познакомить его съ дѣлами. Разсерженный тѣмъ что я неговорю съ нимъ и хладнокровiемъ, съ которымъ я сдавалъ дѣла Дюроку, Бонапарте сказалъ мнѣ самымъ грубымъ голосомъ: *Чортъ побери, будетъ и этого . . . . оставь меня!* Соскочивъ съ лѣстницы, на которую я влѣзъ для того чтобы показать Дюроку мѣста бумагъ, я поскорѣе убрался вонъ, ибо и мнѣ ужъ это надоѣло.

Я остался еще два дня въ Тюлiери пока отыскалъ себѣ квартиру. Въ Понедѣльникъ я сошелъ къ Первому Консулу проститься; мы долго и очень дружески съ нимъ разговаривали: онъ сказалъ мнѣ что ему жаль со мною разставаться и что онъ сдѣлаетъ для меня все что можетъ: я выбиралъ себѣ многiя мѣста и наконецъ упомянулъ о Трибунатѣ. *Это мѣсто не по тебѣ*, сказалъ онъ, *это говоруны, разскащики, которыхъ я прогоню; всѣ волненiя въ Государствѣ происходятъ отъ болтовни Трибуната; не хочу болѣе имѣть его.* Онъ продолжалъ въ томъ же смыслѣ убѣдивъ меня въ безпокойствѣ, которое внушалъ ему Трибунатъ, заключавшiй въ числѣ своихъ чле-

новъ, людей съ большими талантами и отличныхъ свойствъ (*).

На другой день, во Вторникъ, Первый Консулъ пригласилъ меня къ себѣ завтракать. Послѣ завтрака, между тѣмъ какъ Наполеонъ съ кѣмъ-то разговаривалъ, Г-жа Бонапарте и Гортензія убѣждали меня показать нѣсколько сговорчивости, замѣтивъ мнѣ со всегдашнею ихъ ко мнѣ ласкою и благосклонностью, что я долженъ былъ это сдѣлать; онѣ говорили мнѣ что я также виноватъ тѣмъ что я забылся; я отвѣчалъ имъ что по моему мнѣнію этого ужъ нельзя поправить и притомъ что я дѣйствительно имѣлъ нужду въ покоѣ. Въ эту минуту Первый Консулъ кликнувъ меня, долго со мною разговаривалъ и возобновилъ обѣщаніе о своемъ ко мнѣ расположеніи.

Сошедъ въ пять часовъ, я собрался совсѣмъ оставить Тюлleри, какъ въ самую эту минуту меня кликнули къ Первому Консулу. Дюрокъ, находившійся въ комнатѣ предъ кабинетомъ, сказалъ мнѣ: «Любезный другъ, онъ хочетъ чтобы ты остался; прошу тебя не противься: сдѣлай мнѣ это удовольствіе. Я объявилъ ему что я не въ состояніи заниматься этимъ дѣломъ: я къ нему не привыкъ; и между нами будь сказано, оно слишкомъ для меня скучно.» Я во-

(*) Первый Консулъ началъ въ 1802 году уменьшеніемъ 50 членовъ; а позднѣе весь Трибунатъ былъ уничтоженъ.

шелъ въ кабинетъ не давъ отвѣта Дюроку; Первый Консулъ подошелъ ко мнѣ улыбаясь и сказалъ мнѣ взявъ меня за ухо, какъ-то бывало во времена его благосклонности: «*Ты все еще сердишься?*» и повелъ меня такимъ образомъ на мое обыкновенное мѣсто. «*Садись-ка тутъ.*» Надобно было знать его для того, чтобы посудить о моемъ положенiи. Онъ имѣлъ, когда хотѣлъ, увлекательную прелесть. Я не имѣлъ силы воспротивиться; не могъ ничего отвѣчать и принялся за мою всегдашнюю работу. Черезъ пять часовъ доложили ему что кушанье подано. — «Ты отобѣдаешь со мною?» сказалъ онъ мнѣ.—Никакъ не могу; меня ждутъ тамъ куда я собрался тогда какъ вы меня велѣли позвать; мнѣ нельзя туда не явиться.— Ну, я этому не противлюсь, только дай мнѣ слово, что ты будешь здѣсь въ восемь часовъ. —Даю вамъ его.» Такимъ образомъ я опять очутился собственнымъ Секретаремъ Перваго Консула и повѣрилъ искренности нашего примиренiя.

++

ГЛАВА VI.

Акты Консульскаго правленія.—Бонапарте и Лудовикъ XIV. —Великія эпохи.—Ничтожная власть двухъ другихъ Консуловъ.—Сен-Жерменское предмѣстіе. — Римскій дворъ и Почетный Легіонъ.—Государственный Совѣтъ.—Порученія, дѣлаемыя членамъ онаго.—Допускаемая свобода мнѣній.—Боязнь всенароднаго объявленія оной.—Названіе *подданныхъ*.—Слова Наполеона.—Мысль уничтожить Трибунатъ. —Рѣчь Г. Симеона.—Отвѣтъ Перваго Консула.—Назначеніе въ пробѣлъ.

Я теперь брошу взглядъ на важнѣйшіе акты Консульскаго правленія до назначенія Наполеона въ пожизненные Консулы. Не должно терять изъ вида что Бонапарте трудился только для себя и что, управляя Консульствомъ, онъ воздвигалъ Имперію. Доказательство тому находится во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣхъ его рѣчахъ, въ словахъ, произнесенныхъ имъ при разсужденіи о законахъ въ Государственномъ Совѣтѣ и наконецъ, въ вечернихъ его от-

кровенностяхъ. Въ этомъ отношенiи можно сказать, что исторiя не представляетъ другаго примѣра Имперiи, основанной подобно тому какъ была основана Имперiя Французская, ибо всѣ части оной образовались подъ завѣсою Республики. Наконецъ, безъ всякаго потрясенiя и въ краткiй четырехъ-лѣтнiй срокъ, изъ обломковъ наскоро составленной Республики основалось Правительство болѣе самовластное, нежели каковое было при Лудовикѣ XIV. Это произошло отъ многихъ причинъ и я имѣлъ случай увидѣть на дѣлѣ, сколь великое влiянiе постоянная воля одного человѣка можетъ производить на людей и на его вѣкъ. Время само по себѣ ничего не составляетъ; но наполняющiя оное событiя означаютъ великiя эпохи; намъ ничего неизвѣстно о вѣкахъ, въ которые царствовали беспечные Государи, между тѣмъ какъ Леонъ X, пробывъ только одиннадцать лѣтъ на Папскомъ престолѣ, далъ свое имя тому вѣку.

Бонапарте царствовалъ четырнадцать лѣтъ; ибо по всей справедливости можно полагать годы Консульства въ числѣ годовъ его царствованiя. Въ мысляхъ своихъ онъ дѣйствительно былъ Царемъ съ того самого дня, въ который онъ ночевалъ въ Люксембургѣ. Въ умѣ его господствовала мысль составить себѣ великое имя въ потомствѣ и создать правленiе по своему изволенiю, то есть такое, въ которомъ онъ, бу-

дучи главою Государства, составлялъ бы все. При Консульствѣ, власть двухъ другихъ Консуловъ такъ была ничтожна не смотря на Гвардію, которую они еще при себѣ имѣли, что Г. Талейранъ по волѣ Перваго Консула, былъ въ существѣ вторымъ лицемъ Консульскаго правленія.

Имя Г. Талейрана и древность дома Перигоръ, были достоинствомъ въ глазахъ Перваго Консула, и по непостижимой несовмѣстности, онъ столько же былъ защитникомъ равенства между людьми, сколько врагомъ свободы. Такова по крайней мѣрѣ была мысль его пока онъ былъ Консуломъ, ибо извѣстно, сколько со времени восшествія на Императорскій престолъ, его обольщало вліяніе, соединенное со знатными именами. Ниже увидятъ, какимъ образомъ сочиненія женщины, прославившейся умомъ своимъ, содѣйствовали къ поселенію въ умѣ Наполеона высокаго мнѣнія о могуществѣ Сен-Жерменскаго предмѣстія.

Не этого однакоже могущества онъ наиболѣе страшился; онъ поступалъ съ нимъ разборчиво и лучше желалъ преклонить его, чѣмъ побѣдить. Главнымъ же предметомъ его опасеній были люди Революціи; а онъ полагалъ въ числѣ ихъ всѣхъ тѣхъ, которые были сильно привержены къ правамъ и учрежденіямъ, созданнымъ Революціею. Причина этого была очень проста; дѣло шло именно о тѣхъ, которые—не желая

чтобы улучшенія, столь дорогою цѣною пріобрѣтенныя, были потеряны, противились пожизненному Консульству и въ особенности праву назначенія наслѣдника.

Однакожъ Первый Консулъ, повинуясь внушеніямъ своего честолюбія, безпрестанно занимался тѣмъ, чтобы сдѣлать оное законнымъ чрезъ органическія учрежденія. Конкордатъ примирилъ его съ Римскимъ дворомъ и съ людьми, сохранившими еще, къ счастію, набожныя чувства; исключеніе великаго числа эмигрантовъ изъ роковыхъ опальныхъ списковъ, преклонило на его сторону множество прежнихъ дворянъ и хотя прощеніе, дарованное лицамъ, не распространялось на возвращеніе имъ имѣній, но не смотря на то, послужило въ большую похвалу Первому Консулу.

Почетный Легіонъ, сначала дурно принятый, вскорѣ сдѣлался общимъ предметомъ желаній и честолюбія; порядокъ, заведенный въ наборахъ людей для сухопутной и морской службъ, упрочилъ силу армій, а учрежденіе новой военной школы подало этимъ арміямъ надежды имѣть Офицеровъ свѣдущихъ и достойныхъ оными начальствовать. Миръ, сколь оный ни долженствовалъ быть кратокъ, дозволилъ Первому Консулу заняться всѣми этими мѣрами внутренняго благосостоянія и онъ тогда усердно

присутствовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта.

Этотъ Совѣтъ, котораго какъ видѣли Бонапарте назначилъ меня членомъ и въ которомъ занятія мои не позволяли мнѣ присутствовать, былъ душою Консульскаго правленія. Не находясь въ засѣданіяхъ, я однакоже съ живѣйшимъ участіемъ слѣдовалъ за его дѣйствіями ибо Бонапарте, когда было разсуждаемо о важныхъ предметахъ, рѣдко не сообщалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ или на другой день утромъ мнѣнія, имъ предложенныя и тѣ, которыя онъ оспорилъ. Эти разсужденія очень его занимали, ибо Государственный Совѣтъ вообще былъ составленъ изъ людей самыхъ искусныхъ въ различныхъ отрасляхъ управленія и снисходительность,—хотя и господствовавшая въономъ,—часто не бывала единогласна, чему я уже представилъ доказательство, описавъ препятствія, встрѣченныя предложеніемъ объ учрежденіи Почетнаго Легіона.

Въ послѣдствіи моихъ Записокъ, я изложу мое мнѣніе о Государственномъ Совѣтѣ вообще; нынѣже ограничусь представленіемъ точнаго понятія о томъ, чѣмъ былъ этотъ Совѣтъ при Консульскомъ правленіи. Сначала въ немъ разсуждали откровенно, со свободою и какъ будто въ семьѣ о проэктахъ Правительства. По одобреніи сихъ проэктовъ, оные были передаваемы

Трибунату а потомъ Законодательному Корпусу. Но какъ Законодательный Корпусъ былъ безгласенъ, то дабы лучше понять что онъ значилъ въ Государствѣ, слѣдуетъ считать его высшимъ судилищемъ Законодательства предъ которымъ трибуны были адвокатами народа, а Государственные Совѣтники, обязанные поддерживать проэкты законовъ,—адвокатами Правительства. Одно это отношеніе достаточно объясняетъ непріязнь, которую Первый Консулъ питалъ противъ Трибуната равно какъ и то, что произошло съ Конституціею тогда какъ палата сія была исключена изъ оной самовластнымъ дѣйствіемъ Наполеона.

При Консульствѣ, Государственный Совѣтъ, былъ не однимъ только политическимъ Корпусомъ, но члены, оный составляющіе облекались и отдѣльною властью. Такимъ образомъ Первый Консулъ отряжалъ Государственныхъ Совѣтниковъ въ каждую военную Дивизію, въ коей находился апеляціонный судъ. Инструкціи, которыя Первый Консулъ давалъ имъ, были обширны и такъ сказать неограниченны: они долженствовали осматривать всѣ отрасли управленія, повѣрять казну высшихъ финансыхъ чиновниковъ; совѣщаться съ Генералами и съ Начальниками войскъ о разныхъ предметахъ службы, съ главными сборщиками податей о Государственныхъ доходахъ и наконецъ

съ Префектами и съ Инженерами Путей Сообщенія о необходимыхъ исправленіяхъ, коихъ требовали дороги и каналы, равно какъ о различныхъ, мѣстныхъ улучшеніяхъ. Эти отряжаемые чиновники освѣдомлялись также о господствующемъ въ мѣстахъ, ими осматриваемыхъ, мнѣніи касательно политики Правительства; такъ что сближенныя и сравненныя ихъ донесенія представляли Первому Консулу полную картину Франціи какъ въ политическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ такъ и касательно вещественныхъ частей ея управленія. Но и при этомъ случаѣ мѣра, столь превосходная въ существѣ своемъ, сдѣлалась пагубною для Государства. Первому Консулу мало говорили истины, или лучше сказать, такъ ее изукрашивали дабы представить оную въ видѣ, наиболѣе ему пріятномъ, что ее совершенно нельзя было узнать; ибо думали угодить ему и не ошибались, изображая ему расположеніе умовъ менѣе такимъ, каковымъ оно дѣйствительно было, чѣмъ такимъ, каковымъ онъ желалъ его видѣть; такимъ образомъ слѣдствіемъ этихъ донесеній были новые выводы въ пользу его честолюбія.

Надобно однакоже замѣтить, что въ разсужденіяхъ Государственнаго Совѣта, Первый Консулъ не страшился свободы мнѣній; даже часто онъ поощрялъ ее; ибо хотя и твердо рѣшась

дѣлать только то, что ему было угодно, онъ любилъ чрезъ это научаться; и трудно себѣ вообразить сколько въ два года, генiй его сдѣлалъ навыка къ гражданскимъ и законодательнымъ дѣламъ. Но эта свобода мнѣнiй, терпимая имъ въ Совѣтѣ, была ему несносна въ Трибунатѣ. Это происходило отъ того что засѣданiя Трибуната были всенародны; между тѣмъ какъ сужденiя Совѣта сохранялись въ тайнѣ, а Бонапарте болѣе всего страшился всенародности. Когда ему случалось сообщить Законодательному Корпусу или Трибунату какiе либо неважные законы, то онъ очень былъ тѣмъ доволенъ, называя это костьми, которыя онъ бросалъ имъ поглодать.

Между предметами, представленными на разсужденiе Совѣту и Государственнымъ Палатамъ былъ одинъ, подавшiй поводъ къ пренiю по весьма странной причинѣ: дѣло шло о словѣ, очень прилично употребленномъ относительно Россiи въ 3-й статьѣ договора сей Державы съ Францiею, но которое при Консульскомъ правленiи походило на пророчество или лучше сказать на преждевременное объявленiе; упоминалось о *подданныхъ* обоихъ Правительствъ. Это названiе *подданными*, примѣненное къ тѣмъ, которые считали себя гражданами Французской Республики, показалось щекотливымъ, въ особенности Трибунату. Шенье былъ въ числѣ

тѣхъ, которые съ наибольшимъ жаромъ возстали противъ введенія этого названія въ словарь новаго Правительства; онъ сказалъ что Французскія арміи пролили кровь свою съ тѣмъ чтобы Французы были гражданами а не подданными. Но рѣчь Шенье только безъ пользы раздражила Перваго Консула ибо договоръ, который по тогдашнему порядку слѣдовало представить Государственнымъ Палатамъ, былъ одобренъ Трибунатомъ единогласно за исключеніемъ четырнадцати голосовъ, и число черныхъ шаровъ по соразмѣрности, было еще гораздо меньше того въ Законодательномъ Корпусѣ; чтоже было дѣлать съ уполномоченными и ораторами народа, которые соглашались признать себя подданными еще прежде чѣмъ они таковыми сдѣлались? То что сдѣлалъ Первый Консулъ: въ самомъ дѣлѣ превратить ихъ въ подданныхъ, а онъ того только и желалъ.

Это преніе прошло почти незамѣтнымъ образомъ; но оно очень не понравилось Первому Консулу, который въ тотъже вечеръ изъявилъ мнѣ все свое неудовольствіе: «Изъ чего бьются эти говоруны,» сказалъ онъ, «они хотятъ быть гражданами! . . . . Зачѣмъ они не умѣли быть ими. Мое Правительство должно было договариваться на равной ногѣ съ Россіею. Иностранные Дворы сочли бы меня куклою еслибъ я уступилъ глупымъ притязаніямъ Трибуната.

Эти люди до такой степени мнѣ надоѣдаютъ, что меня право беретъ охота разомъ съ ними кончить.» Я старался успокоить Перваго Консула давая ему почувствовать сколько такое опрометчивое дѣйствіе можетъ повредить ему: «Да, ты правъ,» прибавилъ онъ, «но будь покоенъ, они ничего не потеряютъ тѣмъ что подождутъ!» Этого рода обѣщаніе было не изъ числа тѣхъ, въ которыхъ Первый Консулъ не держалъ своего слова и онъ очень доказалъ это Трибунату.

При важномъ вопросѣ о пожизненномъ Консульствѣ, Бонапарте былъ однакоже болѣе доволенъ Трубунатомъ чѣмъ въ приведенномъ мною случаѣ, благодаря взятой уже имъ предосторожности, исключить изъ онаго тѣхъ членовъ, которые показали наиболѣе сопротивленія посягательствамъ его власти. Трубунатъ опредѣлилъ предложить Первому Консулу блистательный залогъ народной признательности и сообщить это опредѣленіе особеннымъ посольствомъ Сенату. Ни одного голоса не было подано противъ этого предложенія, сдѣланнаго бывшимъ тогда Президентомъ Трибуната Шабо де л'Аліе, который для сего сошелъ на минуту со своихъ креселъ.

Въ бумагахъ моихъ нахожу я слѣдующее привѣтствіе, сдѣланное отъ имени Трибуната Первому Консулу Г-мъ Симеономъ.

«Никогда еще поздравленія Трибуната не были дѣлаемы при обстоятельствахъ, столь достопамятныхъ. Это уже не блистательная но кровавая и горькая жатва лавровъ—а сладкіе плоды знаменитой войны, приведенные въ зрѣлость миромъ. Рядомъ съ представленною намъ вчера ораторами Правительства великолѣпною картиною положенія, въ которое миръ сей приводитъ Европу, — мы можемъ поставить изображеніе внутренности Республики, столь украшенное сравненіемъ съ прошедшимъ, столь счастливое залогами и надеждами на будущее.

«Новое поприще отверзается предъ Французскимъ народомъ. Тотъ же геній и тоже искусство поведутъ вождей его, тѣже усилія будутъ имъ содѣйствовать, таже преданность туда за нимъ полѣдуетъ.

«Много заслугъ оказали Отечеству арміи, которыя спасли его, защитили, увеличили. Тотъ кто столько разъ водилъ ихъ къ побѣдѣ имѣетъ тѣже права на народную признательность. Эти права повсюду начертаны. Я читаю ихъ на знаменахъ этихъ храбрыхъ солдатъ, столь гордящихся славою своего Генерала; они запечатлѣны на вершинахъ Альпъ, равно какъ въ долинахъ Италіи.

«Не одна побѣда начертала ихъ. Другіе памятники объ оныхъ свидѣтельствуютъ.

«Кто усмирилъ Вандею, прекратилъ послѣднія

онамъ; успокоилъ совѣсти, возвратилъ вѣроисповѣданію свободу а семействамъ, милыхъ имъ и несчастныхъ членовъ?

«Спѣшу кончить опасаясь чтобы не сочли похвалою воздаваемую мною одну только справедливость,— и изображу въ короткихъ словахъ глубокое чувство, которое могла бы заглушить одна только неблагодарность.

«Мы ожидаемъ чтобы первое сословіе Государства сдѣлалось объявителемъ сего общаго чувства, которое Трибунату дозволено только желать и по объявленіи онаго утвердить его своими голосами. Каково бы оно ни было, Гражданинъ Первый Консулъ, а оно присовокупитъ къ вашимъ почестямъ столь драгоцѣнныя для великой души, свидѣтельства всенародной признательности. Вы будете принадлежать Французскому народу еще чрезъ эти узы, гораздо болѣе могущественныя чѣмъ власть и почести; оно крѣпче чѣмъ когда либо привяжетъ ваше счастіе къ счастію народа и вашу славу къ его свободѣ.»

Я можетъ быть не выписалъ бы отъ слова до слова приведенную мною рѣчь, еслибы не счелъ ее чрезвычайно любопытною въ томъ отношеніи, что по выраженію чувствъ Палаты, которой Первый Консулъ наиболѣе страшился, можно было посудить до какой степени долженствовали простираться угожденія для того чтобы

удовлетворить его. По обыкновенію своему въ подобныхъ случаяхъ, Бонапарте сыгралъ свою ролю со всѣмъ искуствомъ, къ которому онъ былъ способенъ и сказавъ депутаціи сколь онъ тронутъ и даже признателенъ за чувства Трибуната, онъ прибавилъ: «Я не желаю иной славы кромѣ той что я вполнѣ исполнилъ обязанность, на меня наложенную. Не домогаюсь другой награды кромѣ любви моихъ согражданъ и счастливымъ себя сочту если они вполнѣ убѣдятся въ томъ что бѣдствія, ими претерпѣваемыя, всегда будутъ для меня наиболѣе чувствительными; что жизнь дорога мнѣ только по услугамъ, которыя я могу оказать Отечеству; что самая смерть не будетъ для меня горька, если мои послѣдніе взоры увидятъ благоденствіе Республики столь же утвержденнымъ какъ ея слава.»

Эти слова конечно были прекрасны; но дѣйствія, за оными послѣдовавшія, достаточно объяснили смыслъ ихъ. Впрочемъ Первый Консулъ, вошедъ обратно въ кабинетъ, былъ очень веселъ и сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, Трибунатъ предлагаетъ мнѣ назначеніе въ пробѣлѣ, я ужъ буду знать какъ вписать его; это мое дѣло!»

✦✦✦

ГЛАВА VII.

Бонапарте и власть. — Блистательное доказательство.—Голова Наполеона.—Сенаторы въ Тюлерія.—Лапласъ и Ласепедъ. —Преданность Камбасереса. — Странность одного Сенатскаго Указа.—Неудовольствіе Перваго Консула.—Двусмысленныя слова. — Испрашиваніе народнаго мнѣнія.—Причины моего неприсутствія въ Государственномъ Совѣтѣ. —Рёдереръ и Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. — Замѣчанія Дюбуа. — Консульскій указъ.—Г. де Вобланъ.—Письменный отвѣтъ.—Адресъ Трибуната.—Дурно принятые совѣты. —Желанія Франціи.

Читатели видѣли приступъ, сдѣланный къ полученію пожизненнаго Консульства; посмотримъ теперь какъ было поведено дѣло, какъ разыграли піесу и какъ герой драмы, въ пользу котораго давалось представленіе, оста-

вался сколь можно долѣе за кулисами. Судя по всенароднымъ рѣчамъ Перваго Консула, можно было подумать, что онъ хочетъ сдѣлать съ властью какъ онъ сдѣлалъ касательно Сен-Клудскаго Дворца, т. е. отказаться отъ предлагаемаго а потомъ взять предложенную вещь.

Вотъ какъ дѣло происходило:

Трубунатъ изъявилъ свое неопредѣлительное желаніе предложить Первому Консулу *блистательное доказательство* народной признательности. И такъ оставалось узнать въ чемъ будетъ состоять это *блистательное доказательство.* Бонапарте очень зналъ чего ему хотѣлось, но не хотѣлъ сказать того утвердительно и хотя, въ порывахъ нетерпѣнія, причиняемаго ему медленностью Государственныхъ Палатъ и нерѣшительностью нѣкоторыхъ изъ членовъ оныхъ, онъ часто говорилъ что сядетъ на коня и обнажитъ мечъ, но онъ преодолѣлъ себя до такой степени что только при довѣрчивыхъ разговорахъ изъявлялъ свое негодованіе а по наружности напротивъ того показывалъ видъ что самъ онъ дѣйствуетъ по принужденію, и вовсе не хочетъ похищать себѣ пожизненную власть, противную Конституціи; а уступаетъ только потребностямъ Франціи и не рѣшился бы поработить Отечество иначе какъ отъ избытка любви своей къ оному. Такое соображеніе не могло бы родиться и созрѣть въ обыкновенномъ умѣ, но у

Бонапарте была не такая голова какъ у другихъ; слѣдовало имѣть очень сильную волю для того чтобы столь долго обуздывать врожденную его смѣлость, проистекавшую болѣе отъ его темперамента, чѣмъ отъ характера. Признаюсь, что знавъ его хорошо, я всегда болѣе удивлялся въ немъ тому что онъ имѣлъ твердость не дѣлать, чѣмъ тому что онъ когда либо свершалъ самаго отважнаго.

Сообразно съ принятымъ порядкомъ, предложенiе Трибуната было сообщено Сенату. Съ той поры Сенаторы, на которыхъ Бонапарте наиболѣе надѣялся, стали часто являться въ Тюлiери. Лапласъ, котораго Наполеонъ счелъ такимъ дурнымъ Министромъ и Ласепедъ, оспоривали другъ у друга нальму преданности, которой еще преимущественнѣе сихъ двухъ знаменитыхъ ученыхъ удостоились двое товарищей Перваго Консула. Камбасересъ, довольный степенью влiянiя своего на главу Правительства, послѣ того какъ ему удалось исходатайствовать позволенiе чтобы курьеры возили лакомые припасы для стола его,—болѣе всѣхъ прочихъ показывалъ усердiя къ выполненiю тайныхъ желанiй Перваго Консула. Такъ какъ по извѣданiи умовъ въ предуготовительныхъ собранiяхъ, предшествовавшихъ общему сужденiю въ Сенатѣ, удостовѣрились, что большинство голосовъ не согласится на то дабы *блистательнымъ дока-*

зательствомъ было пожизненное Консульство, —то положили чтобы докладчикъ ограничился требованіемъ временнаго продолженія сана Перваго Консула въ пользу Бонапарте. Ласепедъ, бывшій тогда докладчикомъ, сообразно съ симъ ограничилъ отсрочку десятью годами, долженствовавшими считаться съ окончанія десяти лѣтъ, опредѣленныхъ Конституціею. Не помню кто изъ Сенаторовъ, первый сдѣлалъ предложеніе пожизненнаго Консульства; но очень знаю, что Камбасересъ употребилъ всю власть свою у членовъ Сената, на коихъ онъ имѣлъ вліяніе для того чтобы доставить успѣхъ этому предложенію. Изъ лести ли, или по убѣжденію, Второй Консулъ старался поддерживать въ своемъ товарищѣ или лучше сказать въ своемъ повелителѣ, мысль о полномъ успѣхѣ. Бонапарте, слушая его, качалъ головою съ видомъ сомнѣнія и говорилъ мнѣ потомъ: «Они конечно позаупрямятся, но наконецъ должны же будутъ согласиться.»

Въ Сенатѣ ходатайствовали о томъ чтобы предложеніе о пожизненномъ Консульствѣ было доложено прежде предложенія о десяти-лѣтней отсрочкѣ; но это было тщетно и по принятіи послѣдняго изъ этихъ предложеній нечего уже было разсуждать о первомъ.

Въ изданномъ отъ Сената указѣ, было нѣчто, весьма любопытное. Сенатъ говорилъ въ немъ

отъ имени Французскаго народа и, какъ было сказано: «дабы изъявить признательность *Консуламъ* Республики,» продолжали десятью годами срокъ Консульства для одного только Перваго Консула. Дѣйствительно продолженіе власти, предоставленное въ пользу Камбасереса и Лебрёна, было бы для нихъ только горькою насмѣшкою, ибо они оба знали что думать о срокѣ этого новаго договора Бонапарте съ Республикою.

Первый Консулъ, очень недовольный рѣшеніемъ Сената, скрылъ однакоже свое неудовольствіе подъ двусмысленными словами: когда Тронше, бывшій тогда Президентомъ Сената, представъ предъ него съ депутаціею, прочелъ ему Сенатскій указъ о продолженіи срока Консульству, то онъ отвѣтсвовалъ:

«Сенаторы, почетное доказательство уваженія, заключающееся въ опредѣленіи вашемъ 18 числа, будетъ всегда запечатлѣно въ моемъ сердцѣ.

«Воля народа облекла меня въ верховный санъ. Я бы не счелъ себя обеспеченнымъ въ его довѣріи, еслибъ актъ, меня въономъ оставляющій не былъ утвержденъ его же волею.

«Въ три послѣдніе года, фортуна улыбалась Республикѣ; но фортуна непостоянна и сколько людей, осыпанныхъ ею дарами, въ послѣдствіи лишились оныхъ.

«Польза моей славы и моего счастія казалось

полагала срокъ моей общественной службѣ въ ту минуту какъ миръ свѣта объявленъ.

«Но слава и счастіе гражданина должны умолкнуть тогда какъ выгоды Государства и всеобщее благоволеніе его призываютъ.

«Вы полагаете что я обязянъ народу новымъ пожертвованіемъ; я сдѣлаю оное если желаніе народа повелитъ то что вы мнѣ предлагаете.»

Такимъ образомъ Бонапарте скрылъ свое обманувшееся честолюбіе подъ хитрыми словами, подъ ложнымъ видомъ уваженія къ волѣ народа, коего онъ будто бы хотѣлъ спросить мнѣнія. Настоящій смыслъ этихъ словъ не былъ понятъ всѣми, и дѣйствительно его могли угадать только посвященные въ тайну его замысловъ. Онъ не принялъ предложеніе Сената потому что желалъ бо́льшаго; потому что отказъ его, послѣ того какъ была рѣчь о пожизненномъ Консульствѣ, придавалъ *блистательному доказательству*, опредѣленному Трибунатомъ, совсѣмъ иной видъ, возстановляя оное въ первоначальномъ его смыслѣ. Такимъ образомъ, вопросъ, сдѣлавшись опять новымъ, долженствовалъ быть рѣшеннымъ только народомъ и такъ какъ народъ имѣлъ право отказывать въ томъ, что Сенатъ предлагалъ, — то онъ по этому же имѣлъ право давать то, чего Сенатъ не предлагалъ. Таковы были расчеты Бонапарте и въ этомъ-то смыслѣ онъ говорилъ

мнѣ о Сенатскомъ указѣ и объ отвѣтѣ своемъ депутацiи Сената.

По учрежденiи сего такимъ образомъ, слѣдовало обратиться къ Государственному Совѣту дабы узнать, какой будетъ избранъ способъ для истребованiя голосовъ народа, какiе вопросы ему будутъ предложены, и наконецъ когда именно слѣдуетъ собрать голоса его. Для сего Государственный Совѣтъ собрался въ чрезвычайное засѣданiе 10 Маiя.

Я не присутствовалъ въ засѣданiяхъ Государственнаго Совѣта, хотя Бонапарте уже довольно давно назначилъ меня членомъ онаго. Безпрестанныя занятiя въ кабинетѣ, не дозволили бы мнѣ въ немъ засѣдать, хотя бы даже приличiя, коихъ требовало положенiе мое при Первомъ Консулѣ и не полагали тому непреодолимой препоны; и признаюсь что я вовсе объ этомъ не жалѣлъ, ибо мнѣ часто бы пришлось находиться тамъ въ затрудненiи; я бы не могъ всегда удерживаться отъ изложенiя въ Совѣтѣ мнѣнiй, сообразныхъ съ тѣми, которыя я предлагалъ въ уединенiи кабинета, гдѣ оныя не всегда хорошо были принимаемы. Что произошло бы, еслибъ они стали доходить до ушей Перваго Консула! Но если я не присутствовалъ въ Совѣтѣ, то по положенiю моему обязанъ былъ знать обо всёмъ, что тамъ происходило важнаго.

Въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, Бонапарте хотѣлъ устранить себя отъ всякаго явнаго на оное влiянiя; но его два товарища дѣйствовали за него съ бо́льшимъ усердiемъ, чѣмъ какое онъ бы могъ показать самъ; имъ сильно помогали многiе члены Совѣта, между коими въ особенности отличались Рёдереръ и Ренiо де Сен-Жанъ д'Анжели. Замѣчанiе, сдѣланное Префектомъ Полицiи Дюбуа, также имѣло много влiянiя на рѣшенiе этого дѣла. Дюбуа объявилъ что изъ ежедневно получаемыхъ имъ донесенiй оказывается, «что мнѣнiе публики вообще противно Сенатскому указу и что повсюду громко требуютъ, чтобы Генералъ Бонапарте былъ сдѣланъ Консуломъ на всю жизнь съ предоставленiемъ ему права избрать себѣ наслѣдника.» Это объявленiе не могло не имѣть большаго вѣса въ устахъ человѣка, который лучше всѣхъ долженъ былъ знать общее мнѣнiе; однакожъ въ Совѣтѣ обнаружилось нѣкоторое сопротивленiе но безъ досады, и все разсужденiе было тихо, даже холодно, какъ мнѣ сказывалъ одинъ членъ Совѣта. Сильное большинство голосовъ перевѣсило въ пользу Перваго Консула; а онъ, пребывая вѣрнымъ своему плану, всегда готовый польстить владычеству народа, которое внутренно ненавидѣлъ, издалъ слѣдующее опредѣленiе, послужившее объясненiемъ отвѣта его Сенату.

«Консулы Республики,

«Принимая въ соображеніе что рѣшимость Перваго Консула, есть блистательная дань уваженія, принесенная имъ владычеству народа; что народъ, при объявленіи своего мнѣнія на счетъ драгоцѣннѣйшихъ его выгодъ, не долженъ быть ограниченъ ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ симиже выгодами, опредѣляютъ слѣдующее:

СТАТЬЯ I-я. «Французскому народу предло«жится слѣдующій вопросъ:

«Будетъ ли Наполеонъ Бонапарте Консуломъ «на всю жизнь?

Ст. II-я. «Въ каждомъ приходѣ будутъ откры«ты подписки, въ которыя граждане пригла«шаются вносить свое мнѣніе касательно этого «вопроса.

Ст. III-я. «Подписные листы будутъ находить«ся въ канцеляріяхъ всѣхъ присутственныхъ «мѣстъ и судовъ, у всѣхъ Меровъ и у всѣхъ «Нотаріусовъ.

Ст. IV-я. «Срокъ для поданія голосовъ въ «каждомъ Департаментѣ назначается три недѣли «считая со дня полученія въ Префектурѣ сего «опредѣленія и семь дней съ того числа какъ «списокъ съ онаго придетъ въ каждый при«ходъ.»

Въ этомъ опредѣленіи, политика Перваго Консула является въ новомъ видѣ и сіяетъ всѣмъ своимъ блескомъ. Сей часъ только онъ

отказался отъ меньшаго для того, чтобы получить большее; а теперь онъ заставлялъ предлагать себѣ большее для того чтобы блеснуть своею умѣренностью, принявъ меньшее. Государственный Совѣтъ утвердилъ объявленное Префектомъ Полиціи мнимое желаніе народа, предоставляющее Первому Консулу право назначить себѣ наслѣдника, но Первый Консулъ самъ не хотѣлъ получить онаго; въ слѣдствіе чего Второй Консулъ, представляя на другой день Государственному Совѣту выше приведенное опредѣленіе, не пропустилъ выставить эту высокую умѣренность, не дозволявшую предполагать даже тѣни какой либо скрытной мысли честолюбія. Такимъ образомъ Сенатъ остался въ сторонѣ, а опредѣленіе Консуловъ было въ тоже время сообщено Законодательному Корпусу и Трибунату.

Въ Законодательномъ Корпусѣ, Г. де Вобланъ отличился между тѣми депутатами, которые превознесли поведеніе Привительства и онъ произнесъ хвалебную рѣчь депутаціи Законодательнаго Корпуса къ Первому Консулу. Высказавъ что слѣдовало умственному существу, называемому Правительствомъ, онъ обратился къ лицу одного Перваго Консула,—способъ лести, не бывшій до тѣхъ поръ въ употребленіи и вовсе не неугодный тому, для котораго къ оному прибѣгли (*). Рѣчь Г. Воблана была предвари-

(*) Смотри въ приложеніяхъ рѣчь Г. Воблана.

тельно сообщена Первому Консулу, который приготовилъ слѣдующій отвѣтъ, составленный имъ кажется съ Г-мъ Маре, ибо я не помню, чтобы Бонапарте мнѣ его диктовалъ. Онъ отвѣтствовалъ:

«Чувства, вами выраженныя и это торжественное посольство служатъ Правительству драгоцѣннымъ залогомъ уваженія Законодательнаго Корпуса.

«Я былъ призванъ къ верховному правительственному сану при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ народъ не могъ взвѣсить въ тишинѣ размышленія достоинства своего выбора.

«Тогда Республика была раздираема междоусобіемъ; непріятель угрожалъ границамъ; не существовало болѣе, ни безопасности, ни Правительства. Въ такомъ опасномъ положеніи, выборъ сей могъ быть только необдуманнымъ слѣдствіемъ опасеній.

«Нынѣ миръ возстановленъ со всѣми Державами Европы; граждане представляютъ собою картину соединеннаго семейства и опытъ показалъ имъ настоящую цѣну сдѣланнаго ими перваго выбора Правительства. Пусть они объявятъ свою волю со всею искренностью, со всею независимостью: она будетъ исполнена: каковъ бы ни былъ мой жребій—Консулъ или Гражданинъ а я буду существовать лишь для величія и благоденствія Франціи.»

Изъ отвѣта Перваго Консула на рѣчь Законодательнаго Корпуса видно что она ему понравилась; кромѣ лестнаго отдѣленія его особы отъ Правительства, никакакой совѣтъ, никакое замѣчаніе не умѣряло въ оной полноты похвалъ. Не таковъ былъ адресъ Трибуната (*). Послѣ похвалъ, требуемыхъ обстоятельствомъ, Трибунатъ излагалъ въономъ рядъ надеждъ, которыя, при сравненіи ихъ съ послѣдовавшими событіями, кажутся явнымъ противорѣчіемъ того что произошло: Трибунатъ не имѣетъ нужды въ ручательствахъ ибо понятія Бонапарте слишкомъ возвышенны, слишкомъ великодушны для того, чтобы онъ когда либо уклонился отъ свободномысленныхъ правилъ, произведшихъ Революцію и основавшихъ Республику: онъ слишкомъ любитъ истинную славу для того, чтобы когда либо злоупотребленіемъ власти помрачить необъятную славу, имъ пріобрѣтенную: народъ, призвавшій его къ Правительству, свободенъ и великодушенъ; онъ уважитъ, онъ утвердитъ его свободу. Онъ отличитъ своихъ истинныхъ друзей, которые станутъ говорить ему правду отъ льстецовъ, которые будутъ стараться обмануть его. Бонапарте наконецъ, окружитъ себя людьми благонамѣренными, которые, участвовавъ въ Революціи, найдутъ выгоды въ томъ, чтобы ее поддерживать.

(*) Смотри въ концѣ книги.

На эту улыбающуюся картину будущаго, на эти столь скоро сбывшіяся пророчества и на многія другія прекрасныя вещи, Первый Консулъ отвѣтствовалъ: «Это изъявленіе пріязни Трибуната драгоцѣнно Правительству. Соединеніе всѣхъ сословій Государства есть единственная порука прочности и благополучія. Дѣйствія Правительства будутъ постоянно направлены къ выгодамъ народа, отъ коего проистекаютъ всѣ власти и для коего трудятся всѣ благомыслящіе люди.»

Вотъ однакоже какъ управляютъ народами и какъ составляются Правительства. Впрочемъ я долженъ сказать одну вещь, которая кажется мнѣ неоспоримою: что съ той минуты какъ Бонапарте, искусно достигъ того что положили спросить мнѣнія народа на счетъ пожизненнаго Консульства, — онъ не могъ уже сомнѣваться въ благопріятной развязкѣ этого дѣла; не только по причинѣ способовъ вліянія, которые были въ рукахъ Правительства, и которые агенты его умѣли распространять отъ средоточія на всѣ отрасли но и по тому что это было почти всеобщее желаніе. Республиканцы уже не иначе какъ съ робостью обнаруживали свои правила, которыхъ очарованіе прекратилось; приверженцы Монархіи, неразбиравшіе кто будетъ царствовать, видѣли почти свершившіяся свои надежды въ пожизненномъ Консульствѣ;

воспоминаніе о Бурбонахъ существовало еще въ нѣсколькихъ сердцахъ, вѣрныхъ несчастію; но общая громада людей держала сторону Перваго Консула и внѣшнія его дѣйствія при этомъ новомъ шагѣ его къ престолу, покрывались такимъ благоразуміемъ, что можно было вѣрить его искренности. И впрочемъ, если я и нѣкоторые другіе, болѣе или менѣе были свидѣтелями его хитростей и высокаго шарлатанства, то Франція видѣла его славу и съ признательностью наслаждалась благодѣяніями мира, ей имъ дарованными. Одобреніе народа скоро осуществило надежды Перваго Консула, и такимъ образомъ основалось пожизненное Консульство.

++

ГЛАВА VIII.

Пребываніе въ Мальмезонѣ.—Поклоненіе отвагѣ.—Прогулка въ паркѣ.—Разговоръ.—Неожиданный вопросъ о Бурбонахъ.—Отрицательный отвѣтъ.—Изъясненіе.—Важность агентовъ.—Лудовикъ XVIII.—Замыслы. — Разница въ Наполеонѣ относительно двухъ оппозицій. — Новыя козни Луціана.—Циркуляръ безъ подписи.—Книжка Камилла Жордана.—Жестокая выходка противъ свободы тисненія.— Запрещеніе книжки.—Негодованіе нѣкоторыхъ членовъ Сената за сдѣланную имъ потачку.—Принужденное уничиженіе товарищей Наполеона.—Одобреніе передѣлки Конституціи.— Неоспоримый доводъ. — Новый Сенатскій указъ. — Пышныя слова Наполеона о свободѣ и равенствѣ.—Г. Бартелеми.—Дипломатическій корпусъ.—Большіе покои. — Печаль Іозефины. —Мнѣніе Камбасереса на счетъ чувствъ, обнаруженныхъ Первымъ Консуломъ.

Когда, для пожизненнаго Консульства, осталось ожидать только народныхъ голосовъ, на счетъ коихъ не существовало никакого сомнѣ-

нія, то Первый Консулъ отправился на нѣсколько дней въ Мальмезонъ. Онъ почти всегда имѣлъ привычку дѣлать это послѣ событія, выходившаго изъ обыкновенной черты управленія. Тамъ онъ размышлялъ о томъ что онъ сдѣлалъ и какъ, не знаю по какому-то предопредѣленію, самыя отважныя дѣла его всегда увѣнчевались успѣхомъ, то онъ утверждался въ увѣренности о своемъ счастіи и въ нѣкоторомъ родѣ поклоненія, оказываемаго имъ отвагѣ. Пока страсть его побуждала, то онъ видѣлъ одну только цѣль; но по достиженіи цѣли, онъ разсматривалъ препятствія, которыя могли ему встрѣтиться.

Въ день пріѣзда нашего въ Мальмезонъ, около половины Маія, когда дни начали становиться длинными, тотчасъ по выходѣ изъ за стола Бонапарте сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, пойдемъ проходиться.» Я вышелъ съ нимъ вмѣстѣ и мы пошли гулять по парку. Онъ былъ очень невеселъ и въ продолженіе двухъ или трехъ минутъ не произнесъ ни одного слова. Незная предмета, о которомъ онъ задумался, и желая прервать молчаніе, пріятнымъ для него образомъ, я заговорилъ съ нимъ о томъ какъ легко ему удалось уничтожить послѣдній Сенатскій указъ. Онъ едва показалъ видъ что меня слушаетъ, такъ сильно занимали его собственныя его мысли; потомъ, вдругъ остановясь: «Буріеннъ,»

сказалъ онъ мнѣ, «думаешь ли ты что искатель короны Франціи откажется отъ правъ своихъ если я предложу ему значительное вознагражденіе или даже область въ Италіи?» Удивленный этимъ внезапнымъ вопросомъ о предметѣ, котораго я вовсе не ожидалъ — я отвѣчалъ ему что я этого не полагаю; что дѣйствительно мало есть вѣроятности къ возвращенію Бурбоновъ во Францію пока онъ будетъ главою Правительства, но что они должны были считать свое возвращеніе вѣроятнымъ. — «Какимъ это образомъ? — Генералъ, по самой простой причинѣ! Развѣ вы не видите всякой день что ваши агенты, ваши Префекты скрываютъ отъ васъ истину и льстятъ вашимъ желаніямъ чтобы выставить себя передъ вами; не гнѣваетесь ли вы, когда истина наконецъ до васъ доходитъ?—Ну такъ чтоже!—Какъ что, Генералъ; точно тоже должно быть съ агентами Лудовика XVIII во Франціи; въ порядкѣ вещей, въ природѣ человѣческой, чтобы они поддерживали въ Бурбонахъ мысль о возможности возвращенія, хотя бы только для того, чтобы заставить повѣрить ихъ искуству и приносимой ими пользѣ.—Это справедливо; ты правъ; мысль твоя хороша. Но будь покоенъ, я ихъ не боюсь. Притомъ же можетъ быть это еще можно какъ нибудь уладить; я подумаю; мы посмотримъ.» Разговоръ на этомъ пресѣкся и читатели увидятъ

ниже что мысль, родившаяся въ головѣ Наполеона, не осталась безъ плода.

Я помню что въ этомъ же разговорѣ, обратясь къ томуже предмету, о которомъ я сначала старался завести рѣчь, Первый Консулъ съ необычайною кротостью, приведшею меня въ изумленіе отозвался о тѣхъ, которые объявили себя въ Совѣтахъ противъ пожизненнаго Консульства. Я даже не могъ скрыть передъ нимъ моего удивленія и напомнилъ ему сколь различно онъ судилъ о тѣхъ, которые противились возведенію его въ Консулы. «Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго,» сказалъ онъ мнѣ, «можно быть очень честнымъ человѣкомъ и любить Республику такою, какъ я ее сдѣлалъ; это лишь вопросъ относительно формы; я на нихъ не сержусь и притомъ что они могутъ сдѣлать? Но тогда это была большая разница: я имѣлъ дѣло только съ Якобинцами, съ терористами, съ бродягами, съ бездѣльниками, хотѣвшими воспрепятствовать мнѣ исторгнуть Францію изъ позора, въ который ввергла ее Директорія. Теперь я на нихъ не сержусь, повторяю тебѣ; а притомъ они у меня въ рукахъ; по неволѣ пойдутъ!» Мы видѣли, какъ они пошли.

Въ промежутокъ времени, отъ актовъ Государственныхъ Палатъ относительно пожизненнаго Консульства до полученія собранныхъ

голосовъ, Луцїанъ возобновилъ свои козни или лучше сказать, придалъ имъ новую дѣятельность, стараясь чтобы вопросъ о назначенїи наслѣдника былъ включенъ при подаванїи голосовъ и очень многїе Префекты представили Г. Шанталю, бывшему тогда Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, полученные имъ безъ подписи циркуляры: всѣ они доносили о дурномъ успѣхѣ этихъ циркуляровъ, сообщенныхъ именитымъ лицамъ ихъ Департаментовъ. Все это произошло отъ Луцїана и я на этотъ разъ не узналъ опредѣлительно, было ли это сдѣлано имъ съ согласїя его брата какъ при изданїи знаменитой книжки, мною описанной; ибо Первый Консулъ ничего мнѣ объ этомъ не сказалъ; думаю однакожъ что Наполеонъ не совершенно былъ этого чуждъ; ибо циркуляръ былъ написанъ перомъ Рёдерера по наущенїю Луцїана, а Рёдереръ находился тогда въ большой милости въ Тюлїери. Помню что однажды Бонапарте съ сильною досадою говорилъ мнѣ о книжкѣ, изданной Камилломъ-Жорданомъ. Она была написана по случаю собиранїя голосовъ народа о пожизненномъ Консульствѣ. Камиллъ-Жорданъ писалъ почти въ томъ же смыслѣ, какой имѣло письмо Г. Лафайета, помѣщенное въ концѣ четвертой части сихъ Записокъ. Онъ однакоже неизъявлялъ нерѣшимости, а подавалъ голосъ свой въ пользу Перваго Консула и

вмѣсто того чтобы требовать предварительныхъ условій, довольствовался по примѣру Трибуната изъясненіемъ ручательствъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ чести Перваго Консула. Между прочимъ требовалъ онъ прекращенія самовластныхъ заключеній; отвѣтственности агентовъ Правительства и независимости въ порядкѣ судопроизводства. Эти требованія были еще бездѣлками въ сравненіи съ великимъ преступленіемъ Камилла-Жордана, который требовалъ также и свободы тисненія.

Первый Консулъ, пробѣжавъ роковую книжку, осыпалъ бранью сочинителя оной: «Какъ,» сказалъ онъ, «скоро ли я раздѣлаюсь съ этими подстрекателями? Съ говорунами, которые видятъ политику на бумагѣ какъ свѣтъ на картѣ! Право, стоитъ только дать имъ волю и все пойдетъ славно! Камиллъ-Жорданъ, съ которымъ я такъ хорошо обошелся въ Ліонѣ! Онъ также требуетъ свободы тисненія! Нѣтъ, ужъ конечно они ее не получатъ! Все равно было бы тотчасъ сѣсть въ карету и ѣхать жить на мызу за сто миль отъ Парижа.» Послѣ этой выходки, первымъ дѣломъ Наполеона въ пользу свободы тисненія было запрещеніе на книжку, въ которой Камиллъ-Жорданъ старался превознесть выгоды онаго. Всякая гласность, посредствомъ ли слова или чрезъ сочиненія, была страшилищемъ Бонапарте; и отсюда произошла сильная

ненависть его къ адвокатамъ, къ ораторамъ и къ писателямъ.

Однакожъ не одинъ Камиллъ-Жорданъ прибѣгалъ тогда къ тщетнымъ усиліямъ остановить Бонапарте на пути его честолюбія. Во Франціи было еще много людей, которые съ восторгомъ привѣтствовали зарю Французской Революціи, гнушались потомъ ея сатурналіями и злодѣйствами и, обратясь съ этими же понятіями къ надеждамъ, при началѣ ими себѣ составленнымъ, мечтали о возможности учрежденія во Франціи истинно Конституціоннаго Правительства. Даже въ самомъ Сенатѣ было нѣсколько человѣкъ, которые негодовали на всегдашнюю потачку Сената и громко говорили о необходимости передѣлать Конституцію, приспособивъ ее къ пожизненному Консульству; многіе даже думали предоставить тоже право какъ и Первому Консулу, его двумъ товарищамъ, дабы тѣмъ обеспечить продолженіе Консульскаго правленія; но что можно было для нихъ сдѣлать противъ ихъ собственной воли? Одною только мыслью объ этомъ, ихъ принудили показать предъ Первымъ Консуломъ еще болѣе уничиженія, еще болѣе усердія къ утвержденію ему одному торжества, изъ боязни чтобы онъ не имѣлъ повода предположить въ нихъ нехотѣніе, котораго они вовсе не имѣли.

Намѣреніе передѣлать Конституцію не было

изъ числа тѣхъ, которыя могли устранить Наполеона. Онъ одобрялъ эту мысль и снисходительно ей улыбался; это доставляло ему случай дать новыя приманки свободы тѣмъ, которые не имѣли довольно дальновидности для того чтобы читать въ будущемъ; притомъ же онъ очень зналъ, что никакая перемѣна не сдѣлается иначе, какъ въ пользу его власти. И въ самомъ дѣлѣ, что можно было противопоставить его влiянiю? Къ своей собственной силѣ, онъ прибавилъ новую силу, доставленную ему собранными голосами народа. Еслибъ кто нибудь заговорилъ о желанiи народа, то онъ могъ отвѣчать: «Вотъ оно! посмотрите: три миліона пятьсотъ семдесятъ семь тысячъ двѣсти пятьдесятъ девять граждaнъ подали голоса свои; сколько же изъ этого числа подано ихъ въ мою пользу? Вы видите: три миліона триста шестьдесятъ восемь тысячъ сто восемдесятъ пять. Сравните; не выходитъ и одного голоса противъ сорока пяти. Я долженъ повиноваться волѣ народа.» И Бонапарте вѣрно бы прибавилъ: «А притомъ, кто же такіе подали противъ меня голоса? Идеологи, адвокаты, говоруны, якобинцы и расточители казны при Директоріи.» Что возражать на такіе доводы? И не должно полагать, что я выдумалъ слова, вложенныя мною здѣсь въ уста Бонапарте; онъ неоднократно произносилъ ихъ.

По полученіи собранныхъ голосовъ, Сенатъ принужденнымъ нашелся поправить единственную ошибку, сдѣланную имъ предъ Первымъ Консуломъ, торжественно поднеся ему новый указъ слѣдующаго содержанія:

«СТАТЬЯ I-я. Французскій народъ назначаетъ а Сенатъ провозглашаетъ Наполеона Бонапарте пожизненнымъ Консуломъ.

Ст. II-я. Статуя мира, держащая въ одной рукѣ лавръ побѣды, а въ другой опредѣленіе Сената возвѣститъ потомству признательность націи.

Ст. III-я. Сенатъ представитъ Первому Консулу изъявленіе довѣренности, любви и удивленія Французскаго народа.»

Бонапарте отвѣчалъ депутаціи Сената въ присутствіи дипломатическаго Корпуса, коего пріемный день былъ избранъ для того чтобы доставить Посланникамъ возможность сообщить своимъ дворамъ, что въ Европѣ стало однимъ Государемъ больше. Вотъ отвѣтъ его, въ которомъ замѣтны еще громкія слова свободы и равенства.

«Жизнь гражданина принадлежитъ его отечеству. Народъ Французскій желаетъ чтобы жизнь моя была вполнѣ ему посвящена. . . . . Повинуюсь его волѣ. . . .

«Давъ мнѣ новый, долговременный залогъ своей довѣренности, онъ налагаетъ на меня

обазанность утвердить систему его законовъ предусмотрительными учрежденіями.

«Моими усиліями, вашимъ содѣйствіемъ граждане Сенаторы, содѣйствіемъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, довѣренностью и волею сего безчисленнаго народа, — свобода, равенство и благоденствіе Франціи обеспечатся отъ прихотей судьбы и отъ неизвѣстности будущаго. Лучшій изъ народовъ, будетъ счастливѣйшимъ, какъ онъ наиболѣе того достоитъ и благоденствіе его будетъ споспѣшествовать благоденствію цѣлой Европы.

«Довольный тогда тѣмъ что я, по приказанію того, отъ котораго все происходитъ, былъ призванъ для водворенія вновь на землѣ правосудія, порядка и равенства,— я встрѣчу последній часъ мой безъ сожалѣнія и безъ страха на счетъ мнѣнія грядущихъ поколѣній.

«Сенаторы, прімите благодарность мою за столь торжественный вашъ поступокъ. Сенатъ пожелалъ того что народъ Французскій захотѣлъ и чрезъ то онъ тѣснѣе присоединился ко всему, что остается сдѣлать для счастія отечества.

«Мнѣ пріятно видѣть тому удостовѣреніе въ рѣчи столь отличнаго Президента (*).»

Въ день этого представленія, кромѣ Дипломатическаго Корпуса, былъ большой съѣздъ

(*) Г. Бартелеми. Смотри рѣчь въ концѣ книги.

Генераловъ, Офицеровъ и высшихъ сановниковъ Правительства; все въ большихъ покояхъ Тюлїери имѣло видъ праздника и торжества; но не то происходило въ комнатахъ Іозефины, которая не переставала видѣть въ каждомъ шагѣ, приближавшемъ Перваго Консула къ престолу, —шагъ, отдаляющій его отъ нея. Печальная, снѣдаемая скорбью, она принуждена была принимать у себя вечеромъ гостей, что исполнила съ обыкновенною своею пріятностью. Однакожъ разговоръ былъ въ этотъ вечеръ совершенно важнаго содержанія: толковали только объ утренней церемоніи; о счастіи, обеспеченномъ Франціи въ продолженіе всей жизни Перваго Консула; вспоминали слова его, превозносили ихъ; каждый изъявлялъ свое удивленіе къ великому мужу, который хотѣлъ всѣмъ быть обязаннымъ одобренію народа; Первый Консулъ наслаждался торжествомъ своимъ съ искуснымъ видомъ скромности, между тѣмъ какъ прозорливый Камбасересъ, въ многочисленномъ кругу, ограничивалъ нѣсколько свое удивленіе, говоря что Первому Консулу казалось не слѣдовало бы обнаруживать такихъ, слишкомъ народныхъ чувствъ.

ГЛАВА IX.

Недовольные.—Состязание предательства. — Непозволительныя сходбища.—Пренебрежение Министра Полиции. — Доносы малыхъ Полиций.—Духовный фанатизмъ и национальныя имѣния. — Странная противоположность въ Наполеонѣ.—Важные труды.—Докладъ Гражданскаго Уложения.—Усердное посѣщение Первымъ Консуломъ Государственнаго Совѣта.—Продолжительныя засѣдания.—Знание людей и науки управления.—Посѣщение Сената. — Умышленная оппозиция.—Возвращение въ Тюлери.—Старшинство, предоставленное Сенату предъ Государственнымъ Совѣтомъ. — Прибавление преимуществъ. — Ложные слухи о Министерствахъ.—Жалобы на Луциана.—Нѣмота, призванная странною и поддержанная.—Учреждение Сенаторствъ.

При какомъ бы то ни было Правительствѣ, а невозможно чтобы не существовало недовольныхъ. Правда что въ эпоху Пожизненнаго Консульства число ихъ было весьма незначительно

въ общемъ итогѣ; но они сбирались, волновались, вели переписку и мечтали о возможности ниспровергнуть Консульское правленіе. Этотъ разрядъ людей, которыхъ во всѣ времена означаютъ именемъ недовольныхъ, составляется вообще изъ людей мало достойныхъ которые, преувеличивая предъ собою услуги, можетъ быть ими оказанныя, принуждаютъ къ неблагодарности непомѣрностью своихъ требованій и потомъ слагаютъ на Правительство вину несчастія, до котораго ихъ довело собственное ихъ безпутство. Эти люди не опасны; ненависть ихъ испарятся въ пустомъ крикѣ и никогда не должно страшиться тѣхъ, которые безпрестанно болтаютъ. Если на своихъ сходбищахъ они и доходятъ до того чтобы составить планъ, и рѣшиться на какой либо замыселъ, то будучи большею частью побуждаемы нищетою къ замѣчанію ошибокъ Правительства—они не могутъ устоять противъ приманки золота, представляющаго имъ дѣло совсѣмъ въ иномъ видѣ и надежда примириться съ фортуною учреждаетъ между заговорщиками этого рода состязаніе предательства.

Въ первую половину 1802 года, были сборища недовольныхъ, которыя Фуше тогдашній Министромъ Полиціи зналъ и пренебрегалъ; онъ не считалъ что это стоитъ быть доводимымъ до ушей Перваго Консула; напро-

тивъ того всѣ прочія малыя Полиціи оспоривали другъ у друга удобозахватываемую добычу и дабы выказать себя предъ Первымъ Консуломъ, представляли ему эти ничтожныя сходбища слѣдствіемъ обширнаго заговора противъ его Правительства. На этихъ сходбищахъ было говорено, что его надобно похитить и свергнуть потому что онъ хотѣлъ возстановить прежній образъ правленія; его упрекали въ томъ что онъ призвалъ обратно священниковъ, что считали вѣрнымъ признакомъ скораго возвращенія духовнаго изувѣрства; онъ открылъ эмигрантамъ врата Франціи, слѣдовательно онъ имѣлъ намѣреніе уничтожить дѣйствительность продажи національныхъ имѣній. Штабъ-Офицеры, даже нѣкоторые Генералы, произносили такія рѣчи; а этого было достаточно для того чтобы *подлыя шпіонства,* какъ говорила Госпожа Бонапарте, признать вдругъ глубокомысленными соображеніями, коимъ Франція долженствовала быть обязанною своимъ спокойствіемъ, а Первый Консулъ своею безопасностью. Въ доносщикахъ не было недостатка; ихъ преувеличенныя донесенія представляли Первому Консулу; чрезъ посредство Жандармовъ задержали нѣсколько человѣкъ безъ вѣдома Министерства Полиціи и Даву, допросивъ самъ нѣсколькихъ плѣнниковъ, вообразилъ себя спасителемъ Перваго Консула. Всё это казалось жал-

кимъ. При этихъ обстоятельствахъ, Наполеону — по чудной странности его характера, надоѣдала важность, которую усиливались придать этимъ, вовсе неопаснымъ заговорамъ; но не смотря на то, онъ принималъ донесенія и сочинителей оныхъ такъ, какъ будто бы самъ онъ полагалъ въ томъ нѣкоторую важность. Это происходило отъ того, что онъ считалъ Фуше неполучающимъ надлежащихъ свѣдѣній и очень былъ доволенъ въ чемъ нибудь поймать его; но когда онъ приказывалъ кликнуть къ себѣ Министра Полиціи, то сей послѣдній говорилъ ему что это пустяки, недостойные минуту занимать его; потомъ онъ сверхъ того говорилъ Первому Консулу всё то, что ему было уже донесено, прибавлялъ подробности, ему неизвѣстныя и разсказывалъ, какимъ образомъ и чрезъ кого Бонапарте былъ извѣщенъ.

Эти безполезныя сплетни малыхъ Полицій, не мѣшали Первому Консулу заниматься важными трудами. Съ Марта мѣсяца 1802 года, онъ очень усердно присутствовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Выше сказано, что уже съ того времени какъ мы жили въ Люксембургѣ, онъ занялся составленіемъ новаго свода законовъ дабы замѣнить онымъ безобразные сборники Революціонныхъ учрежденій и возстановить порядокъ вмѣсто какого-то безначалія, овладѣвшаго законодательствомъ. Люди

самые свѣдущіе въ наукѣ законовѣдѣнія содѣйствовали этой огромной работѣ, произведшей *Уложеніе*, названное тогда *Гражданскимъ* а въ послѣдствіи *Наполеоновымъ*. По окончаніи работы по сему важному предмету, Бонапарте назначилъ Коммисію для доклада онаго. Эта Коммисія, подъ предсѣдательствомъ Камбасереса, состояла изъ Гг. Порталиса, Мерлена де Дуе и Тронше. Въ продолженіе всего времени пока било сужденіе объ этомъ предметѣ, Государственный Совѣтъ вмѣсто того чтобы по обыкновенію, сбираться три раза въ недѣлю, имѣлъ каждый день засѣданія, которыя вмѣсто всегдашнихъ двухъ или трехъ часовъ, стали продолжаться по пяти и даже по шести часовъ. Первый Консулъ принималъ такое участіе въ этихъ важныхъ разсужденіяхъ, что желая поговорить еще объ оныхъ вечеромъ, онъ часто оставлялъ у себя обѣдать многихъ членовъ Совѣта. Въ этихъ-то Государственныхъ разговорахъ я наиболѣе удивлялся разнообразности Наполеонова генія, или лучше сказать того высокаго инстинкта, который сообщалъ ему способность, въ туже минуту обозрѣвать съ настоящей точки предметъ, повидимому вовсе для него чуждый. Это происходило отъ того, что онъ обладалъ въ высшей степени знаніемъ человѣка и науки управленія, и все что было необходимо для подчиненія людей уставамъ

Правительства сообщало уму его мгновенное вдохновенie.

Первый Консулъ занимался не одними важными разсужденiями, происходившими въ Государственномъ Совѣтѣ. Черезъ нѣсколько времени послѣ назначенiя его пожизненнымъ Консуломъ, онъ захотѣлъ свершить царское дѣло и тогда только въ первый разъ, явился предсѣдательствовать въ Сенатъ. Первый Консулъ сдѣлалъ это не внезапно; онъ заранѣе къ тому приготовился и захотѣлъ сдѣлать торжественнымъ это посѣщенie Главы Государства первой Палаты онаго. Не хотѣли уже прибѣгать къ пустымъ церемонiямъ, употребленнымъ при перемѣщенiи Правительства изъ Люксембурга въ Тюлiери: все отзывалось Царскимъ величieмъ какъ въ наружныхъ признакахъ власти такъ и въ самовластныхъ дѣйствiяхъ оной. Въ этотъ день я воспользовался, очень рѣдкою для меня минутою свободы для того чтобы посмотрѣть Консульскiй поѣздъ. Поѣздъ сей совершенно походилъ на Королевскiй. Первый Консулъ заранѣе приказалъ Полицiи, чтобы дорога, по которой онъ поѣдетъ, была съ утра занята стражею. При въѣздѣ своемъ въ Тюлiери, Бонапарте приказалъ поставить Гвардiю въ одинъ рядъ по обѣ стороны, только во внутренности двора; отправляясь въ Сенатъ, онъ захотѣлъ чтобы войска стояли въ двѣ шеренги

по обѣимъ сторонамъ отъ воротъ Тюлерійскихъ до Люксембурга. Въ первый разъ также Наполеонъ, присвоивъ себѣ преимущество, предоставляемое прежнимъ уставомъ только Королю Французскому, сѣлъ въ карету, запряженную осмью лошадями. Множество каретъ ѣхало за его каретою, окруженною Генералами и Адъютантами верхомъ. Лудовикъ XIV, не съ такою торжественностью отправлялся въ Королевское засѣданіе въ Парламентъ съ какою Бонапарте ѣхалъ въ Сенатъ. Онъ явился тамъ Царемъ и десять Сенаторовъ сошли ему на встрѣчу до нижнихъ ступеней Люксембургской лѣстницы.

Цѣлью посѣщенія Первымъ Консуломъ Сената, было представленіе оному пяти проэктовъ Сенатскихъ указовъ (*). Около половины Августа происходила эта торжественная церемонія. Три Консула прибыли туда вмѣстѣ.

Бонапарте возвратился оттуда съ Г. Лебрёномъ въ сопровожденіи тогоже поѣзда, а Камба-

(*) Эти Сенатскіе указы имѣли предметомъ: 1. Засѣданія Сената и предписываемый для онаго церемоніялъ. 2. Порядокъ распредѣленія пяти участковъ, долженствовавшихъ возобновляться въ Законодательномъ Корпусѣ и при назначеніи членовъ, которые выбудутъ изъ Трибуната въ продолженіе четырехъ лѣтъ. 3. Какъ поступать въ случаѣ распущенія Законодательнаго Корпуса и Трибуната. 4. Назначеніе двадцати четырехъ городовъ Франціи, коихъ Меры долженствовали присутствовать при церемоніи произнесенія присяги наслѣдникомъ, котораго назначитъ Первый Консулъ. 5. Присоединеніе Острова Эльбы къ Французской Республикѣ.

сересъ остался въ Сенатѣ, въ коемъ онъ предсѣдательствовалъ. Проэкты пяти Сенатскихъ указовъ были приняты за исключенiемъ небольшаго ограниченiя сдѣланнаго въ томъ, который опредѣлялъ Сенатскiй церемонiялъ; но это ограниченiе было только развязкою комедiи, заранѣе приготовленной. Въ указѣ предлагалось, дабы въ случаѣ прiѣзда Консуловъ въ Сенатъ, депутацiя изъ десяти членовъ встрѣчала ихъ внизу лѣстницы, какъ это было сдѣлано въ тотъ день для Перваго Консула; но братья Наполеона Iосифъ и Луцiанъ, принявъ на себя видъ оппозицiи, воспротивились этому предложенiю, говоря что какъ Второй и Третiй Консулы сами принадлежатъ къ Сенату, то они и не могутъ быть приняты съ такою почестью товарищами. Эта небольшая комедiя политической вѣжливости была прекрасно сыграна.

Посѣщенiе Наполеономъ Сената заключало въ существѣ своемъ нѣчто важное, произведя перемѣщенiе въ старшинствѣ различныхъ властей, составлявшихъ Правительство: до тѣхъ поръ Государственный Совѣтъ считался въ общемъ мнѣнiи гораздо выше Сената; знали что обо всѣхъ важныхъ Государственныхъ дѣлахъ разсуждалось, въ Совѣтѣ; но какъ Первый Консулъ являлся туда безъ церемонiи, то торжественность, обнаруженная имъ при посѣщенiи Сената придавала этому сословiю, — которое

дѣйствительно долженствовало быть первымъ въ Государствѣ—значительное первенство, тѣмъ болѣе очевидное что за нѣсколько дней предъ тѣмъ, Сенатъ явясь въ Тюлери депутаціею, въ первый разъ удостоился почести старшинства. Это очень непонравилось нѣкоторымъ Государственнымъ Совѣтникамъ, но Бонапарте вовсе не обратилъ вниманія на досаду, ими ощущенную. Угадавъ по инстинкту что Сенатъ легче будетъ исполнять его волю чѣмъ прочія Правительственныя мѣста, Бонапарте занялся увеличеніемъ его правъ даже на счетъ правъ Законодательнаго Корпуса. Эти посягательства одной власти на права другой, сдѣланныя съ одобренія Перваго Консула, подали поводъ къ слухамъ о большой перемѣнѣ, долженствовавшей произойти въ распорядкѣ высшаго управленія. Въ Парижѣ говорили, что число Министерствъ ограничится тремя; что Луціанъ, Іосифъ и Г. Талейранъ раздѣлятъ между собою различные Департаменты. Эти распространившіеся слухи не имѣли никакого основанія. Первый Консулъ зналъ объ оныхъ изъ донесеній Полиціи и при этомъ случаѣ сказалъ мнѣ, что онъ не только не имѣетъ такой мысли, но что онъ скорѣе былъ бы расположенъ увеличить число Министерствъ, чѣмъ уменьшить оное; что онъ дѣйствительно сдѣлалъ, ибо наименовалъ Министра Казначей-

ства а въ послѣдствіи раздѣлилъ на двѣ части Военное Министерство. Луціанъ содѣйствовалъ къ распространенію этихъ ложныхъ слуховъ и тѣмъ увеличилъ неудовольствіе, причиняемое Первому Консулу его поведеніемъ; письма, получаемыя нами изъ Мадрита, дѣйствительно были наполнены на него жалобами и нѣкоторыя соблазнительныя сцены, извѣстныя всему Парижу, какъ напримѣръ—похищеніе жены одного лимонадчика, очень сердили Наполеона, которому казалось гораздо труднѣе управлять своимъ семействомъ чѣмъ Франціею.

Дѣйствительно Франція съ чрезвычайною готовностью покорялась игу, налагаемому на нея Первымъ Консуломъ. Съ какимъ искуствомъ онъ передѣлывалъ все, введенное Революціею! Не пропуская никогда никакого средства къ достиженію своей цѣли, онъ любилъ противопоставлять тѣмъ, которыхъ онъ называлъ Якобинцами, мнѣнія людей 1789 года; даже и тутъ находилъ онъ слишкомъ много свободномыслія; его однакоже поражала странность нѣмоты Законодательнаго Корпуса, который онъ называлъ своимъ собраніемъ глухо-нѣмыхъ. Но какъ странность сія была для него благопріятна, то онъ оставилъ въ томъ же видѣ этотъ Корпусъ, надъ которымъ онъ смѣялся всякой разъ какъ говорилъ объ немъ. Вообще не должно смѣшивать сужденій Наполеона съ его поступками: про-

зорливый умъ его удивительно какъ умѣлъ оцѣнивать то что было хорошо; но потребности его положенія въ тоже время показывали ему то что было для него полезно.

Сказанное мною о Сенатѣ, естественнымъ образомъ доставляетъ мнѣ случай поправить ошибку, часто дѣлаемую въ Парижскихъ разговорахъ. Напрасно вмѣняли нѣкоторымъ особамъ въ заслугу отказъ ихъ вступить въ Сенатъ; это говорили о Г. Дюсисѣ, о Г. Лафайетѣ и о бывшемъ Маршалѣ Рошамбо: отказовъ такого рода вовсе не было ими сдѣлано; но вотъ что могло содѣйствовать къ распространенію этихъ слуховъ и къ тому чтобы имъ вѣрили. Бонапарте могъ сказать и дѣйствительно говаривалъ многимъ людямъ у себя въ гостиной и въ кабинетѣ. «Вамъ бы слѣдовало быть Сенаторомъ. . . Такой человѣкъ какъ вы долженъ бы быть Сенаторомъ.» Но отъ этихъ вѣжливыхъ словъ, еще очень было далеко до назначенія. Для вступленія въ Сенатъ предписывались законныя формы, отъ коихъ никто не могъ быть уволенъ; слѣдовало быть представленнымъ отъ Сената и никому не случилось отказаться отъ вступленія въ Сенатъ изъ тѣхъ кто былъ представленъ этимъ сословіемъ, которому Бонапарте придалъ новую важность учрежденіемъ Сенаторствъ. Это учрежденіе было сдѣлано не прежде какъ въ началѣ 1803 года, но

послѣ сказаннаго мною о старшинствѣ, данномъ Сенату предъ Государственнымъ Совѣтомъ, мнѣ кажется приличнымъ замѣтить что учрежденiе Сенаторствъ въ округѣ каждаго апеляцiоннаго суда, было новымъ отнятiемъ должностей, принадлежавшихъ до сего Государственному Совѣту, поелику Сенаторы, объѣзжая свои Сенаторства, очевидно замѣняли отряжаемыхъ прежде по областямъ Государственныхъ Совѣтниковъ.

++

ГЛАВА X.

Упоеніе великихъ мужей.—Вредная преданность и несчастное усердіе. — Гг. Маре, Шампаньи и Ровиго. — Истинныя услуги Г. Талейрана. — Замедленіе въ исполненіи приказаній. —Фуше и Революція.—Роялистскій Комитетъ.—Гг. Клермонъ-Галлерандъ и Ройе-Колларъ. — Хартія, составленная при Консульствѣ.—Поѣздка въ Кобленцъ. — Исключенная изъ Записокъ статья.—Домогательства Роялистскаго Комитета у Іозефины.—Герцогиня де Гишъ. — Статуя и подножіе.—Госпожа де ла Валіеръ, соч. Г-жи Жанлисъ.— Почетный Легіонъ и гвоздики. — Вліяніе Сен-Жерменскаго предмѣстія.—Необдуманный поступокъ. — Негодованіе Лудовика XVIII. — Благоразумный совѣтъ Аббата Андре — Совѣщаніе въ Нёльи. — Удовольствіе Роялистскаго Комитета.—Письмо его къ Лудовику XVIII.

Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ изреченій, когда либо произнесенныхъ, конечно могутъ называться слова Аѳинянина, сказавшаго: «Жалуюсь на Филиппа пьянаго, Филиппу трезвому.»

Здѣсь идетъ дѣло не о томъ грубомъ пьянствѣ, которое унижаетъ человѣка до состоянія скота, — но объ упоеніи, которое производитъ фортуна и которое обдаетъ какимъ-то чадомъ умъ честолюбцевъ. Посредственные люди не подвергаются этому упоенію; они даже едва могутъ постигать его; между тѣмъ какъ точно правда, что чадъ славы и честолюбіе приводятъ временно въ какое-то опьяненіе самыя отлично устроенныя головы и что Бонапарте, при всемъ могуществѣ его генія, иногда уклонялся съ пути здраваго разсудка; ибо хотя воображеніе его никогда ему не измѣняло, но разсудокъ часто погрѣшалъ.

Считаю долгомъ въ особенности обратить вниманіе читателей на сдѣланное мною замѣчаніе: оно объясняетъ и можетъ быть въ въ тоже время извиняетъ Перваго Консула въ тѣхъ дѣлахъ, за которыя его наиболѣе упрекали. Дѣятельность ума его не допускала никакого промежутка между рожденіемъ и исполненіемъ его мысли; но когда потомъ онъ размышлялъ о первомъ дѣйствіи своей непреклонной воли, то разсудокъ его, болѣе спокойный, уничтожалъ то что было сдѣлано первымъ движеніемъ; и потому то, чѣмъ болѣе слуги Наполеона были ему преданы, тѣмъ хуже они ему служили; и по несчастію слѣпая преданность сдѣлалась какъ будто заразительною бо-

лѣзнью, которая постигла всѣхъ, его окружавшихъ. Достовѣрно однакоже, что лучшій способъ услуживать Первому Консулу, былъ тотъ чтобы никогда не слушаться этого перваго движенія, исключая поля битвы, гдѣ его соображенія были столькоже счастливы какъ быстры; я представилъ тому уже много доказательствъ говоря о статьяхъ, которыя онъ диктовалъ мнѣ для Монитёра и которыя онъ рвалъ поутру поразмысливъ о нихъ ночью. Немедленное повиновеніе такъ много вредило Наполеону при тысячѣ случаевъ, что я долгомъ считаю объ этомъ распространиться. Такимъ образомъ можно сказать что съ намѣреніями, конечно похвальными,—Гг. Маре, Шампаньи и Ровиго показывали усердіе столь преувеличенное, что оно часто дѣлалось пагубнымъ. Этому-то роковому усердію можно приписать большую часть зла, сдѣланнаго Наполеономъ и великій вредъ, причиненный имъ самому себѣ. Доказательствомъ тому служитъ, что по сдѣланіи зла, Бонапарте сильно тѣмъ огорчался; какъ часто говаривалъ онъ мнѣ что Маре одаренъ *несчастнымъ усердіемъ;* это было употребляемое имъ выраженіе. Бонапарте не зналъ что иногда усердіе, оказываемое могущественнымъ людямъ, есть не что иное какъ форма, въ которую облекается подлость.

Г. Талейранъ, почти одинъ изъ Министровъ

не льстилъ Наполеону и безспорно лучше всѣхъ служилъ и болѣе всѣхъ былъ полезенъ, какъ Первому Консулу, такъ и Императору. Когда Бонапарте говорилъ Г. Талейрану: «Напишите то-то и отправьте сейчасъ съ нарочнымъ курьеромъ,» то Министръ сей имѣлъ привычку не торопиться, потому что онъ довольно хорошо проницалъ характеръ Перваго Консула и умѣлъ различать то что ему внушали страсти отъ того, что одобрилъ бы его разсудокъ; словомъ сказать онъ обращался отъ Филиппа пьянаго къ Филиппу трезвому. Упомянутые мною выше три Министра отъ того вредили ему во многихъ случаяхъ, что не дѣлали этого различія; и онъ по несчастію видѣлъ волю свою исполненною тогда какъ уже было поздо перемѣнять приказанное. Когда Г. Талейрану случалось замедлять исполненіе приказа, то Бонапарте нисколько за то не досадовалъ и къ похвалѣ его я долженъ сказать, что онъ никогда не дѣлалъ ни малѣйшаго упрека за такое замедленіе. Когда на другой день послѣ приказанія, отданнаго этому Министру въ минуту гнѣва,—Г. Талейранъ являлся работать съ Первымъ Консуломъ, то послѣдній спрашивалъ у него: «Ну что, отправилиль вы курьера?—Нѣтъ еще,» отвѣчалъ Министръ, «я не хотѣлъ сдѣлать этого не показавъ вамъ прежде письма моего.» Тогда, большею частью случалось, что

Первый Консулъ прибавлялъ: «Обдумавъ это хорошенько, я полагаю что лучше вовсе не посылать.» Вотъ какъ слѣдовало поступать съ Бонапарте.

Сто разъ говаривалъ онъ мнѣ, послѣ замедленія въ отправкѣ депешей, сдѣланнаго Г-мъ Талейраномъ или послѣ того какъ я самъ дозволялъ себѣ отсрочивать исполненіе приказа, отданнаго его гнѣвомъ, а не сердцемъ или разсудкомъ; сто разъ говаривалъ онъ мнѣ: «Хорошо, очень хорошо; ты меня понимаешь. Талейранъ также меня понимаетъ; вотъ такъ должно мнѣ служить; прочіе не даютъ мнѣ времени для размышленія; они слишкомъ торопливы!» Дѣйствительно вотъ какимъ образомъ могли быть полезнымъ славѣ Бонапарте нельстя его страстямъ. Прочіе его Министры, кромѣ Фуше, напротивъ того, если онъ приказывалъ имъ отправить курьера на другой день утромъ, то готовы были послать его въ тотъ же вечеръ. Это конечно показывало усердіе; но не имѣлъ ли Первый Консулъ причины говорить, что это усердіе было несчастно?

Гг. Талейранъ и Фуше были нѣкоторымъ образомъ при Первомъ Консулѣ представителями: первый—Конституціоннаго Собранія съ частичкою прежняго правленія а второй—Конвента во всей его грубости. Бонапарте видѣлъ въ Фуше цѣлую Революцію въ образѣ чело-

вѣка; и дѣйствительно влiянiе Фуше было не что иное, какъ влiянiе самой Революцiи. Революцiя была одною изъ великихъ вещей, наиболѣе поразившихъ пылкое воображенiе Бонапарте и онъ думалъ что содержитъ ее подъ надзоромъ, пока Фуше управлялъ его Полицiею; почему Первому Консулу, какъ уже выше сказано, очень дорого стоило, удалить его отъ оной. Я такъ былъ обремененъ работою, что не имѣлъ тогда времени размыслить объ ужасномъ множествѣ вещей, происходившихъ предъ моими глазами; но въ послѣдствiи, обратясь на досугѣ къ прошедшему, столь исполненному событiй, я заключилъ что Бонапарте ошибался относительно Фуше на счетъ пользы, которую могъ доставить ему этотъ Министръ. Конечно присутствiе Фуше въ управленiи удерживало тѣхъ Революцiонныхъ людей, которые наиболѣе были преданы Министерству Полицiи; но Фуше имѣлъ къ нимъ слабость. Онъ чувствовалъ что чрезъ нихъ онъ держится на своемъ мѣстѣ подобно тѣмъ древнимъ *Кондотiери*, которыхъ желали имѣть за себя для того чтобы не имѣть ихъ противъ себя и которые въ существѣ были могущественны только служащими подъ ихъ знаменами воинами, коими они могли располагать. Таковъ былъ Фуше, и Бонапарте, съ своей стороны, совершенно понималъ его положенiе. Онъ обуздывалъ войско,

удерживая предводителя онаго въ своей службѣ до тѣхъ поръ пока это было нужно. Но одна вещь успокоивала его и ручалась ему за Фуше: тотъ кто подалъ голосъ на смерть Короля Франціи; тотъ кто управлялъ людьми, также въ оной участвовавшими, представлялъ Наполеону лучшее ручательство противъ замысловъ Роялистовъ къ возстановленію въ пользу Борбоновъ престола, на который онъ хотѣлъ взойти. Такимъ образомъ, по разнымъ причинамъ, Бонапарте и Фуше имѣли общія выгоды быть противъ Дома Бурбоновъ и честолюбіе властелина опиралось на боязнь, предполагаемую имъ въ Министрѣ.

Первый Консулъ зналъ о существованіи въ Парижѣ Роялистскаго Комитета, которому было поручено сноситься съ Лудовикомъ XVIII; этотъ Комитетъ былъ составленъ изъ людей, которыхъ не должно смѣшивать съ другими низшими агентами, неприносившими никакой пользы и думавшими только о томъ чтобы выставлять самихъ себя. Между этими послѣдними находилось множество двуличныхъ проныръ, которые будучи самозванцами служили въ существѣ только Наполеону, подобно Мелясову шпіону при Маренго. Они называли себя агентами Лудовика XVIII потому что находились въ перепискѣ съ нѣкоторыми пройдохами эмигрантства и успѣвали иногда съ обѣихъ

сторонъ получать деньги. — Роялистскій Комитетъ, собственно такъ называемый, былъ совсѣмъ дѣло иное: онъ составлялся изъ людей, напитанныхъ правилами благоразумной свободы и которыхъ преданность къ Бурбонскому Дому была слѣдствіемъ просвѣщеннаго патріотизма. Это были: Маркизъ Клермонъ-Галлерандъ, Аббатъ Монтескіу, Гг. Бекке и Ройе-Коларъ. Существованіе сего Комитета началось уже съ давней эпохи. Почтенные люди, мною наименованные, имѣли опредѣленный планъ, непріязненный самовластію Бонапарте и основанный на томъ, что они считали пользою Франціи; зная высокую мудрость Лудовика XVIII, равно какъ мнѣнія, объявленныя и поддержанныя имъ при Собраніи Нотаблей, они хотѣли отдѣлить сего Государя отъ эмигрантовъ вообще и показать его народу какъ человѣка, могущаго быть главою разсудительнаго Конституціоннаго правленія. Бонапарте, которому часто при мнѣ объ этомъ было говорено, ничего такъ не боялся какъ этихъ мыслей о свободѣ, соглашенныхъ съ Монархіею; онъ называлъ ихъ бреднями а членовъ Комитета мечтателями, но тѣмъ не менѣе страшился торжества ихъ понятій. Даже, какъ онъ мнѣ самъ признавался, желая предупредить вліяніе, которое могъ пріобрѣсть Роялистскій Комитетъ, онъ оказывалъ снисходительность тѣмъ эмигрантамъ, коихъ мо-

нархическія понятія были несовмѣстны съ подобными мыслями. Онъ счелъ что чрезъ присутствіе эмигрантовъ, не знавшихъ другой власти кромѣ неограниченной, съ какими понятіями имъ естественнымъ образомъ слѣдовало возвратиться въ отечество,—онъ подавитъ вліяніе, которое могли пріобрѣсть внутренніе Роялисты и посему дозволилъ имъ всѣмъ возвратиться во Францію.

Я помню что читалъ въ это время запрещенную статью, въ которой излагались правила сего Принца; она была подписана Г-мъ Андре, который свидѣтельствовалъ о вѣрности ея съ подлинникомъ; и правила, предложенныя въ этой статьѣ, были почти во всемъ сходны съ тѣми, которые послужили основаніемъ Хартіи. При такой цѣли Роялистскаго Комитета, въ 1792 году, слѣдовательно прежде злодѣянія 21 Генваря, Лудовикъ XVI, знавшій мнѣнія Г. Клермонъ-Галлеранда, послалъ его въ Кобленцъ къ Принцамъ, сказать имъ отъ имени его и отъ Королевы, что эмиграція ихъ губитъ. Я это основательно знаю и съ увѣрительностью говорю; могу даже прибавить что это обстоятельство было помѣщено Г-мъ Клермонъ-Галлерандомъ въ его Запискахъ и что статья относительно посылки его въ Кобленцъ, исключена изъ рукописи прежде поступленія оной въ печать. Для чего это исключеніе? въ слѣд-

ствіе какого вліянія оно сдѣлано? это знают и не знают.

При Консульском Правленіи, Роялистскій Комитет не устроивал заговоров; он находился, если можно так выразиться, в уповании. Всѣ усилія его ограничивались тѣм чтобы преклонить на свою сторону людей, имѣвших по предположеніям, наиболѣе вліянія у Перваго Консула, надѣясь постепенно довести его до того чтобы сам он пожелал возвращенія Бурбонов. Особенно вокруг Госпожи Бонапарте были устроиваемы батареи и, читатели видѣли, что не тщетно. Приближенныя к Іозефинѣ дамы поддерживали ее в понятіях о славѣ, о блистательной знаменитости, о высоких общественных отличіях,—если могущественная рука, оковавшая Революцію, возстановит престол, его ниспровергнутый. Даже я сам, и уж конечно невинным образом попал, сам того не зная, в сообщники друзей престола; ибо того, чего они хотѣли для выгод Бурбонов, я тогда пламенно желал для пользы Бонапарте; это видно во многих мѣстах в моих Записках. Между дамами общества Г-жи Бонапарте, многія дѣйствовали с большим усердіем при своих посѣщеніях; я украдкою узнал от Іозефины об этих толках в ея гостиной. Бонапарте ничего не замѣчал ибо, находясь всегда в своем

кабинетѣ или въ Совѣтѣ, онъ слишкомъ былъ озабоченъ стараніемъ учредить свое Правительство на прочныхъ основаніяхъ, для того чтобы заниматься женскою болтовнею; притомъ же, какъ жена его никогда нескрывала отъ него мыслей своихъ о Монархіи, то приказавъ наблюдать за ея обществомъ, онъ бы не узналъ объ немъ болѣе того, что ему и такъ сказывали. Впрочемъ тѣ дамы, которыя поддерживали въ Іозефинѣ благопріятныя для Бурбоновъ мысли, рѣдко бывали въ ея гостиной; онѣ бо̀льшею частью посѣщали ее по утрамъ и если нѣкоторыя изъ нихъ оставались на вечеръ, когда туда приходилъ Первый Консулъ, то можно себѣ представить, что онѣ остерегались говорить при немъ что либо, могущее показаться ему противнымъ. Въ эту эпоху устроили ковъ, котораго Герцогиня де Гишъ была орудіемъ; но какъ подробности этого дѣла мнѣ мало извѣстны то я и ограничиваюсь только тѣмъ что упоминаю объ ономъ.

Старались, преклонивъ Г-жу Бонапарте въ пользу Бурбоновъ, ослѣпить въ тоже время Перваго Консула блистательными предложеніями; хотѣли поднести ему мечь Конетабля Дюгеклена, и воздвигнутая въ честь его статуя, свидѣтельствовала бы предъ глазами потомства и о его славѣ, никакимъ пятномъ не помраченной и о признательности Бурбоновъ; но онъ слушалъ эти дошедшія

до него предложенія какъ пустыя рѣчи и не вѣрилъ ихъ искренности; онъ однажды торжественно объяснился на этотъ счетъ въ разговорѣ съ Лафайетомъ. «Они предлагаютъ мнѣ статую,» сказалъ онъ, «но на какомъ ее поставятъ пьедесталѣ; изъ него легко можно сдѣлать мнѣ темницу.» Я не самъ слыхалъ этихъ словъ отъ Бонапарте, но могу ручаться за достовѣрность оныхъ, судя по источнику, изъ котораго они до меня дошли.

Въ это время, когда много говорили въ Роялистскихъ обществахъ и въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи, котораго Люинскій отель былъ главною квартирою о возможности возвращенія Бурбоновъ;—появленіе одной книги обратило мысли публики къ блистательной эпохѣ царствованія Лудовика XIV: эта книга была *Госпожа де ла Валіеръ,* историческій романъ, изданный въ эпоху Консульства Г-жею Жанлисъ, недавно возвратившеюся во Францію. Бонапарте прочиталъ ее и мнѣ послѣ говорили что очень остался ею доволенъ; но мнѣ ни слова объ ней не сказалъ. Уже черезъ нѣсколько времени послѣ того, онъ началъ жаловаться на дѣйствіе, которое эта книга производила въ Парижѣ особенно своими картинками, изображавшими сцены изъ жизни Лудовика XIV и которыя толпами сбѣгались смотрѣть на выставкахъ. Полиція получила приказъ запретить ихъ и

безпрекословно повиновалась, ибо это уже не была Полиція Фуше, который видѣлъ ее съ высока и не любилъ употреблять ее на бездѣлки; при этомъ случаѣ я вспомнилъ, что вскорѣ по учрежденіи почетнаго Легіона, какъ это была пора цвѣтовъ, то молодые люди въ Парижѣ стали для забавы носить въ петличкѣ красную гвоздику, которая издали нѣсколько обманывала. Бонапарте, узнавъ объ этомъ, принялъ шутку сію очень неблагосклонно, послалъ за Фуше и хотѣлъ чтобы брали подъ стражу всѣхъ, позволявшихъ себѣ обращать такимъ образомъ въ посмѣяніе его новый орденъ: Фуше удовольствовался отвѣтомъ, что онъ посмотритъ что они будутъ дѣлать осенью и Первый Консулъ понялъ, что часто сообщаютъ важность пустякамъ, если ихъ удостоиваютъ слишкомъ большаго вниманія.

Однакожъ, не смотря на досаду, причиненную Наполеону усердіемъ, съ которымъ бѣгали смотрѣть картинки романа Г-жи Жанлисъ, онъ не разсердился на эту знаменитую женщину, о которой весьма выгодно отозвались ему Гг. де Фонтанъ и Фьеве, и которая писала къ нему многія письма. Этотъ родъ переписки не входилъ въ кругъ моихъ занятій, а потому я самъ не видалъ писемъ Г-жи Жанлисъ; я узналъ только отъ Г-жи Бонапарте, что въ нихъ заключалось множество собственныхъ именъ, и

имѣю причины думать, что они не мало содѣйствовали къ преувеличенью мнѣнія Перваго Консула о Сен-Жерменскомъ предмѣстіи, котораго, не смотря на все свое могущество, онъ имѣлъ слабость бояться.

Сен-Жерменское предмѣстіе казалось Первому Консулу главнымъ вертепомъ Роялистскаго мнѣнія; и онъ видѣлъ что многочисленныя исключенія изъ списка эмигрантовъ увеличили его недовольными и хулителями потому что имѣнія эмигрантовъ не возвращались ихъ прежнимъ владѣльцамъ даже и тогда, еслибъ оныя не были проданы и что въ извѣстномъ кругу общества очень любили обращать въ посмѣяніе неловкость Республиканскихъ вельможъ, сравнивая ихъ съ вельможами прежняго двора. Жены иныхъ Генераловъ нѣсколько разъ были пристыжаемы за незнаніе ими утонченнаго свѣтскаго обхожденія; во многихъ собраніяхъ съ пренебреженіемъ говорили о такъ называемыхъ временщикахъ, о людяхъ, которые по выраженію Талейрана, не умѣютъ ходить по паркету. Все это подавало поводъ къ жалобамъ на Сен-Жерменское предмѣстіе, между тѣмъ какъ братья Наполеона старались еще болѣе раздражить его противъ всего, возбуждавшаго въ немъ воспоминаніе о Бурбонахъ, безпрестанно твердя ему, а въ особенности Іосифъ, что Сен-Жерменское предмѣстіе его

презираетъ; они имѣли существенную нужду въ его честолюбіи: Наполеонъ могъ обойтись безъ престола для того чтобы увѣковѣчить свою славу и блистать яркимъ блескомъ; но что сталось бы съ его семействомъ, коему предназначалось блистать только чрезъ отраженіе? Посему они всѣми возможными средствами поддерживали родъ неопредѣлительнаго безпокойства, внушаемаго Первому Консулу однимъ именемъ Бурбоновъ.

Таково было расположеніе Наполеона и таково было состояніе общества въ продолженіе 1802 года. Ужъ конечно имя Бурбоновъ имѣло большую надъ нимъ силу, когда оно могло вовлечь его въ самый неблагоразумный поступокъ цѣлой его жизни. Оставя семь мѣсяцевъ безъ отвѣта первое письмо Лудовика XVIII, выше помѣщенное, отвѣчавъ наконецъ на второе его письмо какъ Царь подданному,—Бонапарте до такой степени замечтался, что въ свою очередь написалъ къ Лудовику XVIII предлагая ему отказаться въ его пользу отъ престола своихъ предковъ съ полученіемъ за то въ вознагражденіе Княжества въ Италіи или значительнаго содержанія ему и его семейству. Надѣюсь что читатели помнятъ первый приступъ, сдѣланный мнѣ касательно сего Первымъ Консуломъ при прогулкѣ нашей въ Мальмезонскомъ паркѣ и отвѣтъ, данный ему мною въ чрезвычайномъ

моемъ удивленiи. Этому-то отвѣту долженъ я приписать утаенiе имъ отъ меня необдуманнаго его поступка и мнѣ повсему кажется, что письмо его должно счесть слѣдствiемъ одного изъ частныхъ совѣщанiй его съ Луцiаномъ; незная однакожъ объ этомъ письмѣ ничего положительнаго кромѣ того, что оно дѣйствительно было написано, я представляю мое мнѣнiе только какъ вѣроятную догадку. Но я имѣлъ случай достовѣрно узнать любопытныя подробности о томъ, что произошло въ Митавѣ при врученiи Наполеонова письма Лудовику XVIII-му.

Принцъ сей очень уже сердился на Бонапарте за медленный отвѣтъ на первое письмо его и за содержанiе сего поздняго отзыва. Но прочитавъ второе письмо, въ которомъ Бонапарте требовалъ, чтобы онъ отказался отъ правъ своихъ на Французскую корону, — лишенный престола Король ощутилъ такое сильное негодованiе, что онъ тотчасъ начерталъ нѣсколько строчекъ, живо изображавшихъ весь гнѣвъ, который можетъ объять душу Государя при подобномъ предложенiи. Отзывъ, наскоро начертанный Лудовикомъ XVIII въ первомъ движенiи гнѣва, не походилъ на благородное, горделивое письмо, которое получилъ Бонапарте и которое будетъ ниже помѣщено. Это послѣднее оканчивается счастливо приведеннымъ

девизомъ Франциска 1-го: *Всё потеряно кромѣ чести.* Но первый отзывъ былъ запечатлѣнъ еще болѣе рыцарскимъ негодованіемъ; въ немъ былъ не одинъ девизъ Франциска 1-го а и способъ, которымъ онъ хотѣлъ рѣшить свою брань съ Карломъ V-мъ. Добрый Король, въ пылу гнѣва, писалъ опершись на ефесъ меча своего; но Аббатъ Андре, къ которому Лудовикъ XVIII имѣлъ большую довѣренность, увидѣвъ этотъ отзывъ, успѣлъ, не безъ труда, успокоить Короля, который тогда написалъ слѣдующее письмо:

«Я не равняю Г-на Бонапарте съ тѣми, ко«торые ему предшествовали; уважаю его храб«рость и воинскіе таланты; я благодаренъ ему «за многія распоряженія его правительства, ибо «добро, которое сдѣлаютъ моему народу, всегда «будетъ для меня драгоцѣнно.

«Но онъ ошибается думая склонить меня къ «отреченію отъ правъ моихъ; напротивъ того, онъ «бы самъ подтвердилъ ихъ, еслибъ они могли «быть сомнительны, поступкомъ, нынѣ имъ «сдѣланнымъ.

«Не знаю воли Божіей касательно меня и «моего народа; но помню обязанности, на меня «наложенныя. Какъ Христіанинъ я исполню «долгъ мой до послѣдняго издыханія; какъ по«томокъ Лудовика Святаго я буду умѣть даже «въ оковахъ сохранить къ самому себѣ уваже-

«нie; какъ преемникъ Франциска 1-го я хочу «всегда быть въ правѣ сказать вмѣстѣ съ нимъ: «*Всё потеряно кромѣ чести.*»

ЛУДОВИКЪ.»

Митава, 1802.

По полученiи въ Парижѣ письма Лудовика XVIII-го, Роялистскiй Комитетъ собрался, очень затрудняясь тѣмъ что съ нимъ дѣлать. Послѣ долгаго совѣщанiя въ Пёльи, предложили обратиться къ Третьему Консулу, съ которымъ Аббатъ Монтескiу сохранилъ сношенiя послѣ Конституцiоннаго Собранiя; это мнѣнie было принято. По воспоминанiю о томъ какъ онъ началъ свое поприще при Канцлерѣ Мопу, Роялисты всегда ставили его отдѣльно отъ прочихъ. Что касается до меня, я всегда видѣлъ въ немъ очень хорошаго человѣка, добраго гражданина, любящаго равенство и желающаго поддерживать оное посредствомъ самовластiя что было очень по мыслямъ Наполеону. И такъ къ Г-ну Лебрёну отправился Аббатъ Монтескiу и Третiй Консулъ взялся представить письмо Наполеону. Бонапарте принялъ письмо съ какимъ-то равнодушiемъ, о которомъ я еще и теперь не могу

сказать, истинное ли оно было, или притворное. Онъ очень мало говорилъ со мною о неудачѣ переговоровъ съ Лудовикомъ XVIII потому что онъ въ этомъ отношеніи болѣе всего страшился болтовни своихъ братьевъ, которые устроивали вокругъ его какое-то движеніе, бывшее, какъ онъ зналъ, не безъ вліянія, и онъ во многихъ случаяхъ доказалъ то изъявленіемъ имъ своего гнѣва.

Безспорно что письмо Лудовика XVIII-го ознаменовано благородствомъ, которому нельзя довольно надивиться и теперь можно сказать что Бонапарте, поступкомъ своимъ, оказалъ истинную услугу Лудовику XVIII-му доставя ему случай представить свѣту одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ исторіи лишеннаго престола Государя. Это письмо, коего содержаніе сдѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ Парижскихъ обществахъ, заслужило всеобщее одобреніе тѣхъ, которые сохранили еще воспоминаніе о Бурбонахъ и въ особенности Роялистскаго Комитета. Почтенные члены сего Комитета, гордясь такимъ величіемъ въ характерѣ злополучнаго Монарха, возвращенію коего они посвящали свои великодушныя усилія, отвѣтствовали ему посланіемъ въ родѣ манифеста, которому время придало еще болѣе занимательности, ибо событія оправдали благопріятныя предсказанія, въ ономъ заключающіяся. Думаю

что не безъ живѣйшаго участiя прочтутъ этотъ документъ, одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ въ новѣйшей исторiи; вотъ онъ:

«ГОСУДАРЬ,

«Совѣтъ Вашъ получилъ, сообщенное ему по «Вашему повелѣнiю, свѣдѣнiе о предложенiяхъ «Перваго Консула и не можетъ не изъявить «В. В. удивленiя, внушеннаго ему отвѣтомъ, «столь достойнымъ потомка Людовика Святаго «и Генриха IV-го. Если съ одной стороны, слуги «В. В. скорбѣютъ о злой судьбинѣ, преслѣдую«щей Васъ даже въ самой оградѣ чести и по«видимому угрожающей вамъ даже въ уедине«нiи частной жизни, — то съ другой стороны «мужество ихъ и надежды одушевляются видя «сколь В. В. вѣрны памяти столькихъ Госуда«рей, своихъ предковъ и Францiи, которая нѣ«когда станетъ вновь просить у Августѣйшаго «Вашего Дома спокойствiя и счастiя. Восторже«ствуйте надъ обольщенiемъ и надъ силою— «могуществомъ того великодушiя, коимъ Прови«дѣнiе одарило сердца Государей, имъ создан«ныхъ. Сiе-то Провидѣнiе, въ противоположно«сти положенiй, какой исторiя не представляетъ «примѣра, благоволило унизить всемогуще«ство предъ истиннымъ величiемъ, лишеннымъ «подпоры; и оно тѣмъ возвѣщаетъ что судьбы «В. В. и Вашего Дома еще не свершились; что «вѣтръ, погнувшiй сей древнiй дубъ, не по-

«трясъ его корней; что желѣзо, отсѣкшее его «вѣтви, только увеличило крѣпость самаго «древа. Не мы будемъ представлять В. В. тщет«ныя надежды, основанныя на внутреннихъ или «на внѣшнихъ волненіяхъ и на средствахъ воз«буждать оныя. В. В. довольно извѣстно, и это «есть наше главное право на Вашу довѣренность, «что мы не возсылаемъ обѣтовъ о посредни«чествѣ иностранной политики и что наши «свойства, правила и обязанности, равно отда«ляютъ насъ отъ духа заговоровъ и мятежей. «Но мы скажемъ В. В. что совѣты разсудка «согласуются со внушеніями чести; что преду«смотрительность предписывала рѣшимость, ими «Вамъ внушенную и что спасеніе Франціи бу«детъ цѣною твердости, съ коею В. В. при «оной удержитесь. И дѣйствительно, какими «причинами можно было прикрасить сдѣланное «В. В. предложеніе? Хотѣли ли тронуть Ваше «великодушіе и любовь Вашу къ Вашему на«роду показавъ вамъ спокойствіе Франціи за«висящимъ отъ пожертвованія Вашими закон«ными правами? Но, Государь, гдѣ арміи, опу«стошающія наши земли? Гдѣ партіи, призы«вающія имя В. В? Гдѣ козни, устроиваемыя «подъ сѣнію сего священнаго имени? Льется «ли еще кровь и предстоитъ ли еще остана«вливать оную? Нѣтъ. Франція отдыхаетъ въ «глубокомъ мирѣ съ тѣхъ поръ какъ мужъ,

«столь же необычайный какъ и его судьбина «пріялъ бразды правленія. Одни наслаждаются «спокойствіемъ безъ воспоминаній и безъ предвидѣнія; другіе, сохраняя В. В. преданность «свою въ судахъ, въ лагеряхъ и въ совѣтахъ, «полагають что они Вамъ повинуются покоряясь сей временной власти, коей они признають необходимость и которую кажется «воздвигла сама десница Божія для уничтоженія правилъ и примѣровъ Революціи. И такъ «къ будущему устремлены всѣ наши попеченія. «Какое слово произнесть, на какую власть сослаться при видѣ столь неимовѣрной смѣны «однихъ другими, людей и событій? и когда «обломки Республики, названной нетлѣнною, «лежать разбросанныя вмѣстѣ съ обломками «Монархіи! Какая же эта будущность, коей благоденствіе можетъ утвердиться только рѣшительнымъ отреченіемъ В. В. и Принцевъ Вашего Дома? Мы можемъ искать ее только въ «томъ, что есть; ибо отъ В. В. не потребують «составленія оной изъ неизвѣстныхъ началъ. «Начиная съ эпохи 18 Брюмера на той самой «почвѣ, которая до тѣхъ поръ пожирала и зиждителей и ихъ произведенія, менѣе чѣмъ въ «три года воздвиглись двѣ Конституціи; безъ «сомнѣнія послѣдней изъ нихъ предоставлено «преимущество удержать будущее; и поелику «Первый Консулъ безспорно посвятилъ оной

«всѣ свои мысли, то мы должны думать, что «В. В. предлагаютъ, какъ залогъ спокойствія и «счастія, правила, на коихъ она основываетъ «передачу власти: то есть что В. В. предлагаютъ, «обеспечить Франціи, сколько сіе отъ Васъ зави- «ситъ, вмѣсто Монархическаго наслѣдственнаго «правленія, ограниченнаго основными законами «—военное, избирательное правленіе, безъ гра- «ницъ и безъ предѣловъ. Довести вопросъ до «этого вывода, значитъ рѣшить его. Дѣйстви- «тельно слѣдуетъ дѣлать выборъ между самымъ «лучшимъ и самымъ худшимъ изъ Правительствъ; «между тѣмъ, которое составляло славу Фран- «ціи и тѣмъ, которое было стыдомъ и бичемъ «Рима; между тѣмъ, которое дало первой семде- «сятъ Монарховъ въ тринадцать столѣтій и «тѣмъ, которое дало послѣднему такое же число «деспотовъ въ полтора вѣка; между тѣмъ, кото- «рое совокупляетъ выгоды Государства съ вы- «годами Главы онаго и тѣмъ, которое ихъ раз- «дѣляетъ; между тѣмъ, которое погашаетъ пре- «ступное честолюбіе и тѣмъ, которое возжи- «гаетъ оное въ сердцахъ самыхъ недостойныхъ «людей; между тѣмъ, для котораго война есть «почти всегда бѣдствіе и тѣмъ, для коего она «почти всегда необходима. И что вышло бы, «еслибъ мы примѣнили эту паралель къ положе- «нію Европы и показали бы всѣ троны утвер- «жденными возстановленіемъ Монархіи во Франціи

«и безпрестанно унижаемыми и угрожаемыми «зрѣлищемъ избирательнаго правленія, основан«наго на ея развалинахъ?—Нѣтъ Государь, не «совмѣстно было бы съ благостью В. В. и съ «привязанностью, Вами къ намъ сохраняемою, «одобрить порядокъ вещей, столь пагубный для «Вашего народа, и еслибъ ему не предстояло «другихъ препятствій кромѣ правъ В. В. и «Августѣйшаго Вашего рода, то отказаться отъ «оныхъ было бы дѣломъ гнѣва и мести про«тивъ Французскаго народа. Но, Государь, бу«дущность, на которую мы обратили Ваши взо«ры, къ счастью существуетъ только въ Кон«ституціи, столь же непрочной столь же тщет«ной какъ и тѣ, которыя оной предшествовали; «и если мы остановились на этомъ мечтатель«номъ предположеніи, то единственно потому что «одно только оно предъявлено, потому что отъ «имени одного только онаго возможно обратиться «къ патріотизму и къ разсудку В. В. Тщательное «разсмотрѣніе послѣдствій Революціи приводитъ «къ другимъ вѣроятностямъ; мы представимъ «ихъ В. В. — Поелику Революція имѣла цѣлью «только разрушеніе общественнаго зданія и по«елику она его дѣйствительно во всѣхъ частяхъ «разрушила, то можно сказать что Революція «свершилась. Но такъ какъ Франція не погибла, «то нѣтъ эпохи, въ которую можно было бы «сказать что Революція упрочилась. Напротивъ

«того, каждый день послѣ ея свержпенія озна-«меновывался уничтоженіемъ какого либо изъ ея «правилъ. Побѣжденная и обезоруженная 18 Брю-«мера, она болѣе уже не существуетъ, потому «что перестали въ нея вѣровать. Мнѣнія, при-«знаныя ею почетными, причтены къ возмути-«тельному ученію; учрежденія, наиболѣе ею «оскорбленныя, съ блескомъ вновь появляются: «свойство вещей, не погибающее въ полити-«ческихъ переворотахъ, постепенно опять при-«водитъ оныя и безмятежно становитъ ихъ на «прежнія мѣста. И такъ оно приводитъ вновь «наслѣдственную Монархію, которая есть до-«полненіе, ручательство и связь всѣхъ прочихъ. «Скажутъ ли что Франція изгнала ее? Но она «также изгнала богослуженіе и самую вѣру; «она изгнала единство власти и подвергла кин-«жаламъ Республиканцевъ всѣхъ тѣхъ, которые «дерзнули бы на то, что Бонапарте исполнилъ. «Однакожъ она безропотно повинуется правле-«нію, гораздо болѣе самовластному, чѣмъ ка-«ково было правленіе Королей ея. Необходи-«мость наслѣдія становится ощутительною; «это слово почти у всѣхъ на языкѣ. Не-«ужели шагъ, который остается сдѣлать для «того чтобы найти его въ единственномъ семей-ствѣ, обладающемъ правами на оное, столь же «труденъ, столь же необычаенъ какъ тѣ, коихъ «мы были свидѣтелями; и устоятъ ли препят-

«ствія противъ времени, никогда не пребывающаго въ бездѣйствіи. Уже оно преодолѣло мнѣнія; каждый день оно преодолѣваетъ виды, «предразсудки, опасенія, которыя отдаляютъ «еще Бурбоновъ. Самое диктаторство, исшедшее «изъ Революціи, подъ какимъ бы названіемъ «оное ни существовало, не только не есть пре«града между ими и престоломъ ихъ предковъ, «но напротивъ того, оно прокладываетъ имъ къ «нему путь. Чрезъ него народъ опять привы«каетъ къ повиновенію; армія покорятся чи«нопочитанію; приведенныя въ безсиліе партіи «забываютъ даже имена свои и съ трудомъ «узнаютъ другъ друга. Если, побѣдивъ всѣ со«противленія, оно само предастся въ руки за«коннаго Короля, то оно свершитъ все для сча«стія Франціи и для своей собственной славы. «Еслиже Провидѣніе назначило ему конецъ прежде «чѣмъ оно достигнетъ той цѣли, для коей оно «существуетъ, то честолюбіе тщетно будетъ «стараться поднять его; презрѣнныя его усилія «докажутъ только что нѣтъ другаго Бонапарте «и что подобная этой власть не можетъ пережить «потребностей и обстоятельствъ, коихъ она была «дѣломъ. Въ эту рѣшительную эпоху, Франція бу«детъ имѣть Короля или раздробится а за нею «и всѣ Европейскія Монархіи. Въ эту-то эпоху «должно поставить себя для того чтобы по на«длежащему сообразить всѣ нынѣшнія отношенія.

«Кто захочетъ стать Королемъ Франціи? какая «фамилія дерзнетъ оспоривать у древняго рода «Гуго-Капетовъ наслѣдственныя права на уваженіе и повиновеніе народа? Какова бы она ни была, а она не будетъ имѣть правъ происхожденія «и ей придется противостать правамъ потомковъ «тридцати Монарховъ. Предоставимъ Франціи, «когда придетъ время рѣшить между ими; довольно замѣтить, что отнынѣ поступокъ Перваго Консула и отвѣтъ Вашего Величества «прибавятся на вѣсахъ.

«Благоволите В. В. милостиво принять наши «поздравленія и благоговѣйныя чувства. Намъ «пріятно думать что поступокъ, о которомъ «идетъ рѣчь, предвѣщаетъ другіе, еще болѣе «важные. Каковъ бы ни былъ промежутокъ, долженствующій раздѣлить ихъ, — продолжайте «Государь царствовать посредствомъ законовъ до «тѣхъ поръ пока законы и сила соединятъ свое «владычество; и послѣ данныхъ повелителямъ «народовъ столь благородныхъ уроковъ, да будетъ предназначено Вашему Величеству представить имъ и знаменитые примѣры.»

++

ГЛАВА XI.

День послѣ впаденія моего въ немилость.—Предчувствіе будущаго.—Причины возвращенія мнѣ пріязни.—Моя искренняя печаль.—Притворное участіе.—Предложеніе помощника.—Г. Менневаль. — Несчастное со мною приключеніе.—Мнѣніе Герцога Ровиго о мнѣ, о положеніи моемъ при Наполеонѣ и о причинахъ впаденія моего въ немилость.—Ссылка на Г. Барбе-Марбуа въ подтвержденіе несправедливаго обвиненія.—Письмо Г. Марбуа.—Доказательства лживости изложеннаго обо мнѣ мнѣнія. — Изреченіе Бонапарте, слишкомъ для меня лестное.—Ненависть его Министровъ и слѣдствія оной. — Злоба и зависть.—Участіе въ подрядѣ.—Дѣйствія клеветы. — Предлогъ разлуки моей съ Наполеономъ.

Обращаюсь теперь къ частнымъ обстоятельствамъ, послѣдовавшимъ за первымъ впаденіемъ моимъ въ немилость, о которомъ я говорилъ

выше. На другой день по вступленіи моемъ въ должность, я вошелъ по обыкновенію въ комнату Перваго Консула и разбудилъ его въ семь часовъ утра. Онъ не показалъ никакой досады и обошелся со мною точно такъ, какъ будто бы между нами ничего не произошло; я съ моей стороны также сталъ съ нимъ совершенно попрежнему кромѣ того, что жалѣлъ о принятіи вновь должности, сдѣлавшейся слишкомъ для меня тягостною. Пришедъ въ кабинетъ, онъ началъ говорить со мною о своихъ намѣреніяхъ съ обыкновенною довѣрчивостью и я увидѣлъ множество писемъ, оставленныхъ Наполеономъ нераспечатанными въ продолженіе нѣсколькихъ дней, въ которые я не занимался своею должностью.

Въ эпоху этой первой размолвки, за которою послѣдовало примиреніе,—вопросъ о пожизненномъ Консульствѣ не былъ еще рѣшенъ, что произошло 2 Августа, а тогда былъ еще конецъ Февраля. По методѣ, которой я намѣревался слѣдовать при сочиненіи этихъ Записокъ, мнѣ бы не должно говорить объ этомъ прежде ибо читатель конечно замѣтилъ, что я гораздо менѣе заботился о соблюденіи порядка времени, чѣмъ о сближеніи происшествій, связанныхъ между собою отношеніями сходства или подобія. Записнымъ авторамъ, пишущимъ книги съ книгъ принадлежитъ приводить въ

порядокъ историческія событія, которыя они соединяютъ такимъ образомъ, чтобы составить правильное цѣлое, подчиненное сколько возможно, требованіямъ хронологіи; но мнѣ кажется совсѣмъ другое дѣло, когда человѣкъ, много видѣвшій, уступаетъ желанію разсказывать то что онъ видѣлъ; книга его, по моему мнѣнію, была бы очень скучна, еслибъ воспоминанія выходили изъ его памяти одно за однимъ съ утомительною правильностью. Не знаю не ошибаюсь ли я, но мнѣ всегда казалось что читатель походитъ на путешественника, для котораго длинная дорога сокращается если она представляетъ ему разнообразныя мѣстоположенія и неожиданныя перемѣны въ почвѣ.

Да простятъ мнѣ эти краткія размышленія, но я счелъ ихъ необходимыми для изъясненія переходовъ отъ одной эпохи къ другой, коихъ я вовсе не стараюсь избѣгать; посему я не раздѣлю происшедшихъ въ разное время обстоятельствъ разрыва моего съ Первымъ Консуломъ, хотя бы потомъ воспоминанія мои и привели меня къ какимъ нибудь событіямъ, происшедшимъ въ промежуткахъ этой драмы, продолжившейся болѣе полугода.

И такъ я вошелъ съ Первымъ Консуломъ въ такую же короткость, какъ прежде; такъ покрайней мѣрѣ было нѣсколько времени; но

я вскорѣ замѣтилъ что послѣ сцены, которой Г. Талейранъ былъ свидѣтелемъ, пребываніе мое въ Тюліери есть только временное. Я увидѣлъ что въ первую минуту Бонапарте пожертвовалъ своимъ оскорбленнымъ самолюбіемъ необходимости, которую — безъ хвастовства могу сказать—онъ имѣлъ во мнѣ; и что наконецъ принужденное предпочтеніе, имъ мнѣ отдаваемое, происходило единственно отъ того, что онъ не имѣлъ человѣка, который бы могъ меня замѣнить; ибо Дюрокъ, какъ выше видѣли, показалъ сильную неохоту къ принятію этой тягостной должности. Бонапарте не могъ одинъ управиться со всѣми бумагами и показалъ видъ будто бы онъ забылъ происшедшее, дабы въ первое время, дѣла его не остановились отъ моего внезапнаго удаленія. И такъ я не долго былъ въ заблужденіи касательно моего новаго положенія; я находился какъ въ карантинѣ, долженствовавшемъ кончиться выходомъ моимъ изъ гавани чрезъ неопредѣленное время.

Тогда-то Бонапарте употребилъ всѣ хитрости и ласки, которыя всегда такъ ему удавались, и въ этотъ разъ удались для того чтобы выйти изъ затрудненія, въ которое привела его моя отставка и удержать меня при себѣ. Беру въ свидѣтели всѣхъ моихъ знакомыхъ что я чрезвычайно какъ печалился и даже отчаявался будучи принужденъ опять приняться за мою

тягостную работу. Здоровье мое очень отъ нея пострадало. Я имѣлъ въ Корвизарѣ весьма искуснаго совѣтника, но могъ исполнять его наставленія только по ночамъ. Вступить опять въ мою должность, значило отказаться отъ всякой надежды на спокойствіе и даже на здоровье.

Черезъ нѣсколько времени, Первый Консулъ сказалъ мнѣ съ видомъ участія и добродушія, которыми я однакоже не былъ обманутъ: *Бѣдный мой Бурiеннъ, ты дѣйствительно не можешь всего дѣлать. Работа увеличивается, она еще болѣе увеличится, ты знаешь что говоритъ Корвизаръ; у тебя есть семейство, я хочу поберечь твое здоровье а не убить тебя работою: у тебя будетъ помощникъ. Iосифъ, которому я объ этомъ говорилъ, согласенъ уступить мнѣ своего Секретаря, которымъ онъ очень доволенъ. Находясь у тебя подъ начальствомъ, онъ будетъ переписывать тебѣ бумаги; ты поручишь ему все, отъ чего ты можешь себя избавить безъ вреда моей службѣ. Покрайней мѣрѣ это доставитъ тебѣ большое облегченіе.*—«Я очень радъ имѣть помощника,» отвѣчалъ я ему, «онъ привыкнетъ къ вашимъ дѣламъ и можетъ со временемъ замѣнить меня.»

Iосифъ дѣйствительно далъ своему брату Г. Менневаля, молодаго человѣка весьма хорошо воспитаннаго, трудолюбиваго, тихаго и скромнаго; онъ мнѣ очень понравился. Я никогда не

имѣлъ причинъ на него жаловаться и сожалѣть о времени, съ нимъ проведенномъ.

Я вскорѣ замѣтилъ что Первый Консулъ старается образовать Г. Менневаля, пріучить его къ своей работѣ и къ своимъ обыкновеніямъ. Не въ состояніи будучи никогда простить мнѣ того, что я осмѣлился оставить его, тогда какъ онъ достигъ столь высокой степени могущества, онъ ждалъ только случая меня за то наказать. Я воспользовался случаемъ дабы съ нимъ разстаться а онъ не пропустилъ несчастнаго обстоятельства для того чтобы меня удалить.

Я объясню несчастіе, со мною приключившееся и которое скорѣе долженствовало бы доставить мнѣ утѣшеніе и помощь Перваго Консула чѣмъ подвергнуть меня его немилости.

Разрывъ мой съ нимъ былъ перетолкованъ очень неправильно; я не стану опровергать всѣхъ заблужденій, объ этомъ предметѣ напечатанныхъ. Приведу только читанное мною въ Запискахъ Герцога Ровиго; онъ говоритъ такимъ образомъ.

«Жизнь Наполеона была безпрерывнымъ тру-«домъ. Онъ имѣлъ при себѣ Секретаремъ Г-на «Буріенна, бывшаго другомъ его дѣтства и ко-«торый раздѣлялъ съ нимъ всѣ труды его. Онъ «часто звалъ его по нѣскольку разъ ночью, и «сверхъ того требовалъ чтобы онъ являлся къ

«нему въ семь часовъ утра. Бурїеннъ прихо-«дилъ всегда съ журналами, уже имъ просмо-«трѣнными.

«Бурїеннъ имѣлъ чрезвычайную память; онъ «говорилъ и писалъ на многихъ языкахъ, владѣя «перомъ столь быстро что поспѣвалъ за рѣчью. «Кромѣ этихъ преимуществъ, онъ зналъ дѣла «управленія, общественное право и по своей «дѣятельности, по своей преданности, былъ для «Перваго Консула необходимымъ человѣкомъ. «Мнѣ извѣстны разные способы, доставившіе «ему неограниченную довѣренность его повели-«теля; но не могу съ тою же увѣренностью го-«ворить о винѣ, чрезъ которую онъ лишился «ея.

«Бурїеннъ имѣлъ много непріятелей: онъ на-«жилъ ихъ себѣ своимъ характеромъ, а еще бо-«лѣе своимъ мѣстомъ. Одни завидовали довѣрію, «которымъ онъ пользовался у Правительства; «другіе были недовольны тѣмъ что онъ не по-«свящалъ себя ихъ услугамъ; многіе даже при-«писывали ему неуспѣхъ поданныхъ ими просьбъ. «На него нельзя было напасть со стороны его «искуства и скромности: начали наблюдать за «его привычками. Узнали что онъ занимается «финансовыми оборотами: нападеніе сдѣлалось «легко; его обвинили въ похищеніи казны. Это «значило тронуть самую чувствительную струну. «Первый Консулъ ничего такъ не гнушался

«какъ противозаконныхъ средствъ къ пріобрѣ-
«тенію золота. Одного голоса однакожъ было
«недостаточно для того чтобы погубить чело-
«вѣка, котораго онъ привыкъ любить и ува-
«жать: нашлись и другіе. Основательны или лож-
«ны были эти обвиненія, а достовѣрно, что всѣ-
«ми средствами старались довести ихъ до ушей
«Перваго Консула.

«Средство, употребленное съ наибольшею
«дѣйствительностью, состояло въ перепискѣ, ко-
«торую завели, какъ съ самимъ обвиненнымъ,
«такъ и съ тѣми лицами, съ которыми находили
«выгоду ввести его въ сношенія; эта переписка
«была таинственная и относилась къ дѣйствіямъ,
«въ которыхъ его хотѣли обвинить. Такимъ то
«образомъ неоднократно, для доведенія лжи до
«главы Правительства, пользовались средствомъ,
«назначеннымъ для узнанія истины. Въ цар-
«ствованіе Лудовика XV и даже при Регентствѣ
«былъ учрежденъ на почтѣ надзоръ не за всѣ-
«ми письмами, но за тѣми, которыя имѣли ка-
«кія либо причины подозрѣвать. Ихъ распеча-
«тывали, и если не находили нужнымъ уничто-
«жать оныя, то списавъ съ нихъ копіи отправ-
«ляли безъ задержанія по принадлежности. При
«такомъ учрежденіи человѣкъ, доносящій на
«другаго, можетъ придать вѣсъ своему доносу.
«Ему стоитъ только отдать на почту нѣсколь-
«ко писемъ, сочиненныхъ такъ чтобы оныя под-

«тверждали мнѣнiе, которому онъ хочетъ до-«ставить вѣру. Самый честный человѣкъ, мо-«жетъ такимъ образомъ попасть въ бѣду чрезъ письмо, котораго онъ не читалъ или даже, ко-«торое онъ не понялъ.

«Я самъ это испыталъ. Я завелъ переписку «о небываломъ дѣлѣ. Письма были распечата-«ны и копiи мнѣ сообщены, ибо тогдашняя «моя должность того требовала. Но когда онѣ «ко мнѣ доходили, то я имѣлъ уже въ рукахъ «подлинники, полученные обыкновеннымъ пу-«темъ. При докладѣ о послѣдствiяхъ этихъ опы-«товъ, я воспользовался случаемъ, дабы дать «почувствовать, сколь опасно вѣрить слѣпо свѣ-«дѣнiямъ, почерпнутымъ изъ такого источника. «И дѣствительно подъ конецъ стали уже мало «обращать вниманiя на этотъ способъ получе-«нiя извѣстiй. Но къ нему имѣли полную до-«вѣренность въ ту эпоху, когда Бурiеннъ по-«палъ въ немилость. Враги его не пропустили «онымъ воспользоваться. Они очернили его «предъ Г-мъ Барбе-Марбуа, который придалъ «обвиненiю вѣсъ своей честности. Мнѣнiе сего «строгаго сановника и еще другiя обстоятель-«ства заставили Перваго Консула рѣшиться у-«далить отъ себя своего Секретаря.»

Похищать казну могутъ только тѣ, у кото-рыхъ она въ рукахъ. Но какъ я никогда не имѣлъ порученiя принимать казенныя деньги

или распоряжать ими, никогда не получалъ и не распредѣлялъ государственныхъ доходовъ и всегда былъ чуждъ всякой отчетности, то обвиненіе въ похищеніи казны и не могло быть никогда противъ меня сдѣлано. Герцогъ Ровиго пишетъ однакоже *что я подвергся этому обвиненію, которому Г. Барбе-Марбуа придалъ вѣсъ своей честности и что мнѣніе сего строгаго сановника заставило Перваго Консула рѣшиться удалить отъ себя своего Секретаря.*

«Непостижимое показаніе Г. Ровиго, столь мало согласующееся съ предшествующими оному похвалами, не могло быть слѣдствіемъ какого либо противъ меня предубѣжденія; ибо я имѣю доказательства что онъ уважалъ меня болѣе чѣмъ кто либо другой. Это клевѣта, которая не можетъ быть изобрѣтена Г-мъ Ровиго, но онъ написалъ ее по слухамъ. Какъ бы то ни было, а это странное обвиненіе доставило почтенному сановнику, — коего Герцогъ Ровиго слишкомъ необдуманно произнесъ имя, — случай представить публикѣ новое доказательство любви своей къ истинѣ.

Я еще только изъ журнальныхъ объявленій зналъ о *Запискахъ Герцга Ровиго*, когда семейство мое сообщило мнѣ письмо, присланное на мое имя отъ Г. Барбе-Марбуа. Оно заключало въ себѣ слѣдующее:

«Милостивый Государь,

«Я недавно прочиталъ во вновь вышедшихъ «Запискахъ, слѣдующую статью (тутъ переписана выше помѣщенная мною выписка). Это «показаніе ложно и я считаю себя обязаннымъ «справедливости предъ вами, Милостивый Государь и предъ самимъ собою, объявить что «я тогда не зналъ и теперь еще не знаю при«чинъ вашего удаленія.

«Прошу васъ принять увѣреніе и проч.

МАРБУА.»

Не думаю что нужно говорить еще болѣе для моего оправданія; мнѣ достаточно этого благороднаго и добровольнаго поступка Г-на Марбуа для того чтобы опровергнуть нескромное обвиненіе въ похищеніи казны, выставленное Герцогомъ Ровиго при исчисленіи настоящихъ причинъ разлуки моей съ Первымъ Консуломъ.

Г. Ровиго говоритъ также что непріятели мои были многочисленны. Я дѣйствительно имѣлъ скрытными соперниками при дворѣ всѣхъ тѣхъ, которые находили выгоды въ томъ чтобы Государь не имѣлъ при себѣ человѣка преданнаго его славѣ а не тщеславію, однимъ словомъ искренняго повѣреннаго. Бонапарте, по случаю какого-то неудовольствія противъ одного изъ Министровъ, имѣлъ неосторожность сказать въ присутствіи многихъ особъ, въ числѣ

которыхъ находился Г. Маре. *Еслибъ я нашелъ другаго Бурiенна, то мнѣ бы вѣхъ васъ было не надо.* Этого было слишкомъ достаточно для того чтобы ополчить противъ Секретаря всѣхъ завистниковъ довѣренности, которою онъ пользовался. Узнавъ объ этихъ словахъ, я позволилъ себѣ сдѣлать Первому Консулу замѣчанiе; но ударъ былъ нанесенъ; вражда скрытно дѣйствовала и козни увеличивались. Зависть, столь же внимательная, какъ и вѣроломная, утаиваетъ хорошее и увеличиваетъ дурное, если оно существуетъ; еслижъ его нѣтъ, то она его выдумываетъ. На языкѣ клеветниковъ наука растенiй есть изысканiе ядовъ. Злоба и зависть съ жестокимъ искуствомъ воспользовались несостоятельностью одного Парижскаго торговаго дома,—въ которомъ у меня были довольно значительныя суммы,—для того чтобы раздражить противъ меня Перваго Консула; и, уже внутренно оскорбленный тѣмъ что я хотѣлъ его оставить,—онъ наконецъ рѣшился пожертвовать необходимостью, которую онъ во мнѣ имѣлъ, новому неудовольствiю.

Торговый домъ, бывшiй тогда однимъ изъ самыхъ именитыхъ, между прочими оборотами, принялъ на себя разныя поставки для армiи. Съ вѣдома Министра Бертье, заключившаго подрядъ, я со своими деньгами вошелъ въ долю по этимъ поставкамъ. Къ несчастiю торговый

домъ сей, кромѣ подрядовъ занимался безъ моего вѣдома биржевыми оборотами. Неумѣнье прикащиковъ этого дома присоединилось къ постояннымъ причинамъ убытка, въ который всегда вводитъ эта игра, и торговый домъ, гдѣ я былъ участникомъ, оказался несостоятельнымъ на нѣсколько миліоновъ. Это произвело такую молву, что Первый Консулъ, имѣвшій всегда ложное понятіе объ общественныхъ фондахъ, повѣрилъ что происшедшее въ эту эпоху небольшое пониженіе курса было слѣдствіемъ этой несостоятельности. Ему внушили будтобы меня винять въ томъ, что я употребляю во зло мое положеніе для того чтобы подстрекать къ оборотамъ, основаннымъ на возвышеніи и пониженіи курса. И хотя я дѣйствительно терялъ, не только деньги, положенныя мною въ торговый домъ, оказавшійся несостоятельнымъ, но сверхъ того и чрезъ поручительство мое за этотъ домъ, данное съ тѣмъ чтобы помочь оному въ дѣлахъ его, — а я подвергся гнѣву Перваго Консула, который объявилъ мнѣ *что онъ не имѣетъ болѣе нужды въ моей службѣ*. Я бы могъ, еслибъ хотѣлъ, укротить это негодованіе, напомнить Первому Консулу что онъ не въ правѣ порицать меня за принятіе участія въ этомъ подрядѣ, тогда какъ самъ онъ счелъ позволительнымъ выговорить въ пользу брата своего Іосифа 1,500,000 франковъ съ по-

ставки продовольствія для флота. Но читатели видѣли, что съ нѣкотораго времени Г. Менневаль началъ уже замѣнять меня. И такъ этого случая только и было нужно для того чтобы Первый Консулъ рѣшился совершенно обойтись безъ услугъ моихъ.

Я объявилъ настоящую причину нашей разлуки. Вызываю кого угодно привести какое либо обстоятельство, относительно къ похищенію казны, которое выставилъ Герцогъ Ровиго, или къ какому нибудь другому лихоимству. Я многихъ опредѣлилъ къ мѣстамъ; я содѣйствовалъ къ исключенію изъ списка эмигрантовъ множества людей до изданія знаменитаго Сенатскаго указа 6 Флореаля X года; не боюсь ничьего показанія противъ моего поведенія. Даже не полагаюсь въ этомъ и на признательность ибо опытъ доказалъ мнѣ что это пустое, ничего не означающее слово.

++

ГЛАВА XII.

Воспоминанія.—*Приписка* Г. Барбе-Марбуа.—Тайна писемъ.—*Черный* кабинетъ. — Извлеченія изъ писемъ на почтѣ при Консульствѣ.—Сообщеніе оныхъ Министрамъ.—Отвращеніе къ скрытнымъ доносамъ.—Письмо, врученное Наполеону въ засѣданіи Совѣта.—Удаленіе мое въ Сен-Клу.—Приказаніе, данное мною Ландуару. — Письмо Г. Менневаля.—Сожалѣніе Наполеона. — Второе письмо Г. Менневаля.—Дружественное мое къ нему расположеніе. — Осмидневная борьба между дружбою и самолюбіемъ.—Ласковый пріемъ Перваго Консула.—Рѣчи, сообщенныя мнѣ Г-жею Бонапарте. — Офиціяльное отрѣшеніе. — Письмо Бонапарте.—Мелкое мщеніе.—Мебели мои въ Рюелѣ.—Переписка Дюрока.—Великія дѣйствія Консульскаго Правленія.—Желаніе ѣхать въ Англію.—Отказъ.—Ложное предположеніе.—Осмотръ моихъ бумагъ. — Совѣтъ Дюрока. — Письмо отъ меня Первому Консулу. — Неудачная попытка новой клеветы.—Обнаруженная истина.

Тому кто видѣлъ много вещей, не смотря ни накакую память, невозможно чего нибудь не забыть; но часто бываетъ что въ умѣ на-

шемъ пробуждаются воспоминанія, которыя мы считали погибшими и которыя были только временно погребены въ памяти; страница книги, какая нибудь рѣчь, часто одно слово достаточны тогда для того чтобы обновить эти воспоминанія со всею свѣжестью того времени, къ которому они относятся. Это самое сію минуту со мною случилось. Сказанное Герцогомъ Ровиго и приведенное мною въ отрывкѣ изъ его Записокъ для поясненія, напомнило мнѣ то что я самъ видѣлъ и зналъ *о тайнѣ писемъ*, о которой онъ говорилъ.

Герцогъ Ровиго, какъ выше показано намекаетъ по случаю впаденія моего въ немилость, что посредствомъ поддѣльныхъ и перехваченныхъ писемъ успѣли повредить мнѣ во мнѣніи Перваго Консула; я тогда этого не зналъ и хотя мнѣ были извѣстны всѣ козни, къ коимъ льстецы Наполеона, почти всѣ враги мои, были способны, но мнѣ не пришло въ голову употребленіе этой подлости; но полученное мною отъ Г. Барбе-Марбуа письмо, слишкомъ поздо открыло мнѣ глаза и не оставило болѣе никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Я привелъ текстъ письма его; внизу онаго, благородный Перъ помѣстилъ слѣдующую приписку:

«Я помню что однажды въ Среду, Первый «Консулъ, предсѣдательствуя въ Сен-Клу въ Со«вѣтѣ Министровъ, распечаталъ поданную ему

«записку и, не сообщивъ намъ ея содержанія, по-«спѣшно вышелъ, весьма встревоженный. Чрезъ «нѣсколько минутъ онъ возвратился и объявилъ «намъ что вы отставлены.»

Произошла ли внезапная отставка моя отъ доноса, очернившаго меня относительно подряда, котораго я самъ сдѣлался жертвою или, воспользовавшись этимъ случаемъ, Первый Консулъ исполнилъ намѣреніе, прежде сего уже имъ принятое,—а по поводу сказанаго Герцогомъ Ровиго относительно нарушенія тайны писемъ, я самъ поговорю объ этомъ предметѣ.

Прежде чѣмъ я написалъ эти Записки, Палатѣ Депутатовъ было доложено о существованіи кабинета, прозваннаго *чернымъ* и въ существованіи онаго не отперлись, а только отвѣтствовали что этотъ кабинетъ *болѣе* не существуетъ; то есть сознались въ томъ что онъ существовалъ. А потому я могу безъ нескромности сказать на этотъ счетъ истину, которою я руководствуюсь во всемъ моемъ сочиненіи.

Изъ отрывка, приведеннаго мною изъ Записокъ Герцога Ровиго, видѣли уже что кабинетъ сей былъ учрежденъ при Лудовикѣ XV единственно съ тою цѣлью, чтобы узнавать соблазнительныя дѣла двора его и города. Еслибъ онъ всегда остался по возможности облеченнымъ въ глубочайшую тайну, еслибъ онъ постоянно

былъ управляемъ мудростью, разсудительностью и умѣренностью, то онъ могъ бы никогда не быть опаснымъ для гражданъ и по прежнему приносить пользу Правительству въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Но этотъ черный кабинетъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ, сперва посвященнымъ въ тайну, потомъ многимъ, а наконецъ всѣмъ. Великое число Почтдиректоровъ, которыхъ особенно въ послѣднее время съ большимъ неблагоразуміемъ безпрестанно перемѣняли; множество чиновниковъ, занятыхъ этою частью; любопытство низшихъ полицейскихъ служителей и та часть публики, которая всегда старается развѣдывать всякіе соблазнительные доносы,—вскорѣ сдѣлали изъ этой тайны, тайну комедіи. Одни лишь простяки, всегда отстающіе полувѣкомъ отъ современныхъ понятій,—давались еще въ обманъ. Догадливые люди, опасавшіеся попасть въ бѣду чрезъ свою переписку, отправляли ее другими путями. Тѣ-же, которые хотѣли отмстить врагу или услужить пріятелю, пользовались съ выгодою и долгое время этимъ кабинетомъ, который, будучи сначала учрежденъ только для того чтобы доставить Лудовику XV разсѣянье и забаву —скоро сдѣлался вертепомъ козней, опаснымъ по злоупотребленіямъ, которыя ненависть могла изъ онаго сдѣлать.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ я каждый день

читалъ получаемыя изъ этого кабинета донесенiя и откровенно скажу, что кромѣ упомянутыхъ мною злоупотребленiй, я не вижу другаго повода къ преувеличеннымъ опасенiямъ и негодованiю публики противъ этого учрежденiя, тѣмъ болѣе страшнаго чѣмъ менѣе оно было извѣстно. Дѣйствительно тысячь изъ тридцати писемъ, ежедневно отправлявшихся изъ Парижа во Францiю и въ другiя Государства,—только десять или двѣнадцать были списываемы и часто изъ нихъ извлекалось лишь понѣскольку строчекъ. Эти извлеченiя были въ счету десяти или двѣнадцати, ежедневно представляемыхъ писемъ.

Первый Консулъ сначала думалъ было отсылать къ Министру, до котораго это относилось, полную копiю съ перехваченнаго письма, но по сдѣланному мною замѣчанiю, онъ легко согласился отправлять къ нимъ только извлеченiя, до нихъ касающiяся. Я дѣлалъ эти извлеченiя и сообщалъ ихъ при слѣдующихъ словахъ: *Первый Консулъ поручилъ мнѣ извѣстить васъ, что онъ получилъ слѣдующее свѣдѣнiе.* Надобно было угадывать откуда свѣдѣнiе получено.

Первый Консулъ, какъ выше упомянуто, ежедневно получалъ копiи съ дюжины поддѣльныхъ, условныхъ писемъ, въ которыхъ описывали своего врага порицателемъ Правительства или превозносили усердiе и преданность къ

оному какого нибудь пріятеля съ тѣмъ, чтобы разсѣять возникшія противъ него предубѣжденія или выставить посредственность чрезъ преувеличенныя похвалы. Но скрытная цѣль этой гнусной переписки скоро была постигнута и если, не смотря на запрещеніе представлять съ оной копіи, она изрѣдка еще попадалась, то возбуждала только презрѣніе; однакожъ я сдѣлался жертвою оной при впаденіи моемъ въ немилость и въ послѣдствіи едва было опять чрезъ нея не пострадалъ, какъ-то ниже увидятъ.

Письмо, о которомъ говоритъ Г. Марбуа и которое подало поводъ къ разсужденію моему о тайнѣ писемъ, въ особенности кажется мнѣ важнымъ потому, что въ тотъ самый день какъ Бонапарте получилъ его, въ Среду 20 Октября, я оставилъ Консульскій дворецъ.

Я удалился въ домъ, который Бонапарте велѣлъ мнѣ купить въ Сен-Клу и за который онъ обѣщалъ заплатить, равно какъ за отдѣлку онаго и мебели, имъ самимъ заказанныя. Ниже увидятъ какъ онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Я тотчасъ послалъ канцелярскому Чиновнику Ландуару приказаніе класть *весь* мои письма въ портфёль Перваго Консула, ибо я получалъ много слѣдующихъ ему бумагъ, на мое имя надписываемыхъ. Г. Менневаль отвѣчалъ мнѣ:

«Не могу думать чтобы Первый Консулъ захотѣлъ видѣть всѣ ваши письма. Полагаю что

«вы разумѣете только тѣ, которыя слѣдуютъ «собственно ему и надписывались на ваше имя.

«Первый Консулъ предписалъ Гражданамъ «Лаваллету и Моліену присылать прямо на его «имя ихъ пакеты.

«Возвращаю приказаніе, данное вами Ландуа«ру; я никогда бы не дозволилъ себѣ онымъ «воспользоваться.

«Первый Консулъ былъ вчера вечеромъ очень «печаленъ и часто повторялъ: *Вотъ какъ я не«счастливъ; я знаю этого человѣка съ семилѣт«няго возраста.*

«Не могу повѣрить чтобы онъ не перемѣ«нилъ на счетъ сего своихъ мыслей. Я не скрылъ «отъ него, что это такое бремя, котораго я не «снесу одинъ, что онъ будетъ со мною очень не«счастливъ, особенно послѣ привычки его къ «вашимъ услугамъ, которыя таковы, что никто «не можетъ замѣнить васъ при немъ. Онъ по«шелъ спать въ большой грусти.

29 Вандеміера X года. (21 Октября 1802)

На другой день я получилъ еще письмо отъ Г. Менневаля: этотъ прекрасный молодой человѣкъ говорилъ мнѣ:

«Посылаю къ вамъ всѣ письма, на ваше имя «надписанныя, Первый Консулъ предпочитаетъ «чтобы вы присылали ему *распечатанными* «тѣ, которыя до него касаются. Прилагаю Нѣ-

«мецкія газеты, которыя онъ проситъ васъ пе-
«ревести.

«Г-жа Бонапарте принимаетъ большое учас-
«тіе въ вашей отставкѣ.

«Что касается до меня, то могу васъ увѣрить
«что никто не желаетъ столь искренно какъ я,
«чтобы Первый Консулъ опять призвалъ васъ
«къ себѣ и помѣстилъ бы васъ туда, гдѣ васъ
«трудно замѣнить на счетъ довѣренности и спо-
«собности. Этой надежды я еще не теряю.»

Судя по чувствамъ, которыя внушилъ мнѣ Г. Менневаль въ продолженіе краткаго пребыванія нашего съ нимъ вмѣстѣ въ кабинетѣ Перваго Консула, я бы конечно вошелъ съ нимъ въ тѣсную дружбу. Трудно было имѣть сотрудника одареннаго болѣе счастливыми качествами.

Восемь дней прошло въ борении между дружбою Перваго Консула и его самолюбіемъ. Малѣйшее желаніе, которое онъ обнаруживалъ къ тому чтобы призвать меня обратно, было опровергаемо его подлыми льстецами. На пятый день послѣ нашей разлуки, онъ приказалъ позвать меня, былъ со мною чрезвычайно какъ ласковъ и, съ кротостью повторивъ мнѣ что я иногда слишкомъ искренно выражаю мои мысли,—отъ чего я вовсе не имѣлъ желанія исправиться,—онъ прибавилъ: *Я о тебѣ жалѣю, ты очень былъ мнѣ полезенъ; ты не былъ, ни слишкомъ знатенъ, ни слишкомъ простолюдинъ; ни*

слишкомъ аристократъ, ни слишкомъ Якобинецъ; ты скроменъ, трудолюбивъ; ты понимаешь меня лучше чѣмъ кто либо другой; а притомъ, между нами будь сказано, надобно было видѣть тутъ родъ Двора: посмотри на Дюрока, Бессіера и Маре. Однакожъ я бы желалъ опять взять тебя къ себѣ, но не могу этого сдѣлать не оправдавъ распространенной молвы, будто бы я не въ состояніи безъ тебя обойтись.

Г-жа Бонапарте сказала мнѣ, что она слышала какъ люди, которымъ Первый Консулъ изъявлялъ желаніе призвать меня обратно, отвѣчали ему: «Что вы хотите сдѣлать? Станутъ говорить что онъ былъ для васъ необходимъ. Вы отъ него избавились, не думайте объ немъ болѣе; Англійскіе Журналы не будутъ ужъ надоѣдать вамъ важностью, которую онъ имъ приписывалъ.» Это напомнило мнѣ одну сцену въ Мальмезонѣ, при которой я показалъ слишкомъ большую искренность по случаю извѣстія, помѣщеннаго въ *Англійской Придворной Газетѣ*.

Я совершенно увѣренъ, что Бонапарте, предоставленный самому себѣ, призвалъ бы меня обратно, безъ этого пламени самолюбія, которое его пожирало и которое безпрестанно поджигали окружавшіе его честолюбцы. Многіе разговоры, которые будутъ ниже помѣщены, сильно подтверждаютъ эту увѣренность и

она еще болѣе обнаруживается, при томъ положеніи вещей, временемъ, пропущеннымъ имъ между рѣшимостью, къ которой его преклонили и минутою, когда онъ гласно объявилъ о нашей разлукѣ. Читатели видѣли что разрывъ нашъ произошелъ 20 Октября; не прежде какъ 8 числа Ноября мѣсяца Первый Консулъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Гражданинъ Буріеннъ, Государственный Ми-«нистръ!—Я доволенъ вашею службою съ тѣхъ «поръ какъ вы находились при моей особѣ. «Но впредь оная для меня уже болѣе не по-«лезна. Мое намѣреніе есть, дабы вы съ этихъ «поръ оставили обязанности моего собственнаго «Секретаря и перестали носить это названіе. «Впрочемъ я готовъ воспользоваться случаемъ, «тотчасъ какъ оный представится, для того что-«бы помѣстить васъ прилично вашей дѣятель-«ности и талантамъ, наиболѣе соотвѣтствен-«нымъ для пользы службы образомъ.

«*БОНАПАРТЕ.*»

Всѣ эти письма доказываютъ что разлука моя съ Первымъ Консуломъ произошла отъ причинъ, совершенно чуждыхъ довѣрію, работѣ, вѣрности и скромности. Надѣюсь что они уничтожатъ въ самыхъ предубѣжденныхъ противъ меня умахъ то, что невѣжество, зложелательство и низкая вражда всегда старались исказить и отравить.

Еслибъ нужно было доказательство о причинѣ вражды ко мнѣ Перваго Консула, то его можно найти въ слѣдующемъ дѣлѣ. Вскорѣ послѣ этого письма Наполеона, возвѣстившаго мнѣ отрѣшенiе, между тѣмъ какъ я самъ просился въ отставку, я получилъ отъ Дюрока ниже помѣщенную записку. Дабы дать полное понятiе о злобѣ того, который велѣлъ написать оную, я долженъ напомнить одно прежнее обстоятельство.

Когда, желая сохранить нѣсколько свободы, я отказался отъ квартиры, которую Г-жа Бонапарте приготовила для меня и для моего семейства и купилъ въ Рюелѣ для житья небольшой домикъ, то Первый Консулъ приказалъ снабдить его мебелью также какъ и домъ, который я имѣлъ въ Парижѣ. Судя по тому какъ это сдѣлалось, я не могъ имѣть нималѣйшаго сомнѣнiя въ намѣренiи Наполеона подарить мнѣ эту мебель. Онъ потребовалъ у меня все обратно какъ только я оставилъ кабинетъ его и я сначала вовсе не подумалъ что подъ этимъ разумѣются и мебели въ Рюелѣ. Тогда-то, въ досадѣ своей и въ желанiи отмстить за свою собственную вину даже мелкими средствами, онъ приказалъ Дюроку написать мнѣ слѣдующее:

«Первый Консулъ, любезный Бурiеннъ, при-«казалъ вручить ему сегодня вечеромъ ключи «твоего Парижскаго дома и чтобы всѣ мебели

«оставались въ немъ совершенно въ томъ видѣ «какъ были.

«Онъ также приказалъ мнѣ отобрать всѣ мебели, которыя ты имѣешь въ Рюелѣ или въ «другомъ мѣстѣ и которыя принадлежатъ Правительству.

«Прошу тебя отвѣчать мнѣ и дать мнѣ средство къ исполненію этого приказа. Ты обѣщалъ мнѣ устроить все до возвращенія Перваго Консула и я долженъ былъ всячески извиняться.

«Съ истиннымъ дружествомъ и проч.

ДЮРОКЪ.»

24 Брюмера XI года (15 Ноября 1802.)

Два великія дѣйствія Консульскаго правленія свершились въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, протекшихъ съ эпохи, въ которую я подалъ въ отставку и до послѣдняго письма Наполеона: — Пожизненное Консульство, котораго я описалъ различныя обстоятельства и Аміенскій трактатъ. Мѣсто блистательныхъ бурь войны заступила счастливая тишина, даруемая миромъ; но эти времена спокойствія, драгоцѣнныя для народовъ, неблагодарны для Историковъ, не имѣющихъ уже у себя въ распоряженіи тѣхъ великихъ событій, коихъ блескъ вознаграждаетъ иногда народы за бѣдствія, съ этими событіями неразлучныя.

Вникнувъ въ свое положеніе, я нашелъ себя

самымъ спокойнымъ въ свѣтѣ человѣкомъ, ибо къ пріятностямъ мира, коими я наслаждался какъ Французъ, я могъ присоединить пріятности отдохновенія, коими я наслаждался какъ человѣкъ. Думая что я властенъ располагать своими частными поступками, я вознамѣрился съѣздить въ Англію, куда нѣкоторыя дѣла меня призывали. Однакожъ я чувствовалъ всю осторожность, предписываемую мнѣ моимъ положеніемъ и чѣмъ болѣе я былъ увѣренъ въ томъ, что не могу упрекнуть себя ни въ какой винѣ, тѣмъ точнѣе я рѣшился соблюдать всѣ приличія.

И такъ я написалъ 11 Генваря Дюроку: «Дѣ«ла мои требуютъ присутствія моего на нѣ«которое время въ Англіи. Прошу тебя, любез«ный Дюрокъ доложить объ этой поѣздкѣ Пер«вому Консулу, ибо я не желаю дѣлать ничего, «противнаго его видамъ. Я скорѣе соглашусь «отказаться отъ моихъ видовъ, чѣмъ сдѣлать «ему неугодное.

«Ожидаю отъ твоей дружбы отвѣта на это «письмо. Неизвѣстность, въ которой ты меня «оставишь, была бы мнѣ вредна по многимъ «отношеніямъ.»

Меня не долго заставили дожидаться отвѣта; онъ состоялъ въ слѣдующемъ;

«Я представилъ Первому Консулу, любезный «Буріеннъ, письмо, тобою мнѣ написанное. Онъ

«прочиталъ его и сказалъ *Нѣтъ*. Вотъ единст-«венный отвѣтъ, который я могу тебѣ сооб-«щить.

«Другъ твой,

ДЮРОКЪ.»

Это словцо было выразительно: оно утвердило меня въ убѣжденіи, что Бонапарте чувствовалъ противъ меня вину свою; а свою вину мы меньше всего готовы прощать. Предполагая во мнѣ желаніе мести, которое не разъ управляло имъ въ жизни, онъ вѣрно боялся того, что уѣхавъ на вольную землю Англіи, я воспользуюсь тою свободою тисненія, которую онъ уничтожилъ во Франціи, которая безпрестанно колола ему глаза и которую, не смотря на его попытки, ему не удалось даже поколебать въ Англіи. Онъ считалъ меня способнымъ напечатать бумаги, которыя обнаружили бы предъ публикою дѣйствія его Правительства и его замыслы гораздо лучше чѣмъ бранные анекдоты, гнусная клевета и нелѣпыя выдумки издателя *Двусмысленнаго*, Пельтье. Ужъ конечно Бонапарте ошибался въ своихъ предположеніяхъ; я вовсе не имѣлъ этой мысли и если въ этомъ показаніи могъ бы кто либо усомниться, то стоитъ взглянуть на эпоху изданія моихъ Записокъ, когда я согласился ихъ напечатать.

Я не ошибся въ мысляхъ Наполеона, побудившихъ его сдѣлать мнѣ такой грубый от-

казъ, сообщенный мнѣ Дюрокомъ и зная правъ Бонапарте, я счелъ благоразумнымъ спрятать мои записки на случай могущаго воспослѣдовать обыска. Я сдѣлалъ противное Камоэнсу: онъ боролся со стихіею для того, чтобы спасти свою рукопись; я же ввѣрилъ оную храненію стихій: тщательно собравъ мои драгоцѣннѣйшія рукописи и замѣчанія въ жестяной ящикъ, я зарылъ его въ землю. Покрывшая ихъ желтизна, произведенная началомъ гніенія, до такой степени повредила буквы, что многія бумаги очень трудно было прочесть.

Изъ нижеслѣдующаго читатели увидятъ, что я не безъ причины могъ страшиться гоненій, внушенныхъ Первому Консулу злобою противъ меня моихъ непріятелей. 20 Апрѣля получилъ я отъ Дюрока слѣдующую записку.

«Прошу тебя, любезный Буріеннъ, пріѣхать «повидаться со мною въ Сен-Клу сегодня утромъ. «Мнѣ нужно переговорить съ тобою отъ имени «Перваго Консула.»

«Другъ твой

ДЮРОКЪ.»

Эта записка заставила меня очень призадуматься. Я не сомнѣвался что враги мои устроили какую нибудь новую подлость; изощренныя стрѣлы ихъ еще не притупились; но приз-

наюсь что я не ожидалъ такой гнусности.

Какъ только Дюрокъ, въ короткихъ словахъ объяснилъ мнѣ требованіе Перваго Консула, которое ниже увидятъ, то я тотчасъ на его же столѣ написалъ слѣдующія строки:

«Генералъ Дюрокъ призвалъ меня къ себѣ. «Онъ сказалъ мнѣ что вамъ донесено о недо«стающихъ въ Морскомъ Казначействѣ ста ты«сячахъ франкахъ и что вы требуете, чтобы я «внесъ эту сумму сегодня же въ полдень.

«Гражданинъ Первый Консулъ, я не пости«гаю что это значитъ; совершенно не знаю въ «чемъ дѣло. Позвольте мнѣ съ полною от«кровенностью сказать вамъ, что это обвине«ніе есть самая безчестная клевета. Она должна «быть причислена ко всѣмъ прочимъ, которы«ми старались погубить меня въ вашемъ умѣ «и сердцѣ.

«Я у Генерала Дюрока, гдѣ ожидаю вашихъ «приказаній.»

Дюрокъ тотчасъ понесъ эту записку; черезъ минуту онъ воротился.— «Ну что?—Успокойся; онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что это была ошибка; что онъ удостовѣрился что его обманули и что онъ очень огорченъ этимъ случаемъ; перестань объ этомъ думать.»

Кажется что подлые льстецы, его окружавшіе, хотѣли чтобы онъ возобновилъ на мнѣ

свои Египетскiя *прижимки.* Имъ слѣдовало бы знать что употребляемое въ Египтѣ для полученiя денегъ разстрѣливанье, не было ужъ больше въ модѣ во Францiи. *Уже смазывали колесъ Революцiи.*

ГЛАВА XIII.

Предчувствія Бонапарте о непродолжительности мира.—Англію тревожитъ благоденствіе Франціи. — Предпочтеніе Наполеона къ войнѣ.—Его разсужденія.—Стеченіе иностранцевъ въ Парижъ.—Криводушная политика Англіи.—Бонапарте и Лордъ Витвортъ. — Подробности внутренняго состоянія Франціи.— Относительное положеніе двухъ Державъ.—Неизбѣжная война. — Поѣздка къ Сѣвернымъ Берегамъ. — Завтракъ въ Компіенѣ. — Отецъ Бертонъ, нашъ бывшій начальникъ. — Нескромность нашего соученика Буке. — Гнѣвъ Наполеона.—Пагубныя послѣдствія. — Помѣшательство отца Бертона и смерть его.—Бонапарте хочетъ призвать меня обратно.—Данный Раппу приказъ о томъ чтобы я пріѣхалъ.—Усилія моихъ недоброжелателей тому воспрепятствовать. — Отмѣна приказанія. — Дружба ко мнѣ Раппа и Дюрока.

Первый Консулъ никогда не вѣрилъ продолжительному существованію мира съ Англіею. Онъ не желалъ его, но миръ былъ предметомъ

столь пламенныхъ желанiй цѣлой Францiи послѣ десяти лѣтъ войны, что онъ счелъ его необходимымъ для того чтобы привязать къ себѣ умы и основать свое Правительство. Миръ былъ ему нуженъ для того чтобы прiобрѣсть престолъ Францiи также какъ война для того, чтобы утвердить и распространить основанiя онаго на счетъ другихъ престоловъ Европы. Вотъ тайна Амiенскаго мира и скораго разрыва, за онымъ послѣдовавшаго; хотя сей разрывъ произошелъ и прежде чѣмъ Первый Консулъ того желалъ. Впрочемъ Бонапарте былъ слишкомъ прозорливъ для того чтобы хоть на минуту усомниться о намѣренiяхъ Англiи; онъ очень хорошо зналъ что эта Держава,—заключившая миръ единственно потому, что отдѣленная отъ своихъ союзниковъ, она не могла сдѣлать иначе, — никогда не дасть Францiи времени преобразовать флотъ свой, на что было нужно лѣтъ пять. Объ этихъ великихъ вопросахъ мира и войны, Первый Консулъ имѣлъ самыя высокiя понятiя; но при разсужденiяхъ, онъ всегда склонялся на сторону войны и выводилъ немедленную необходимость оной изъ самой невозможности имѣть продолжительный миръ. Если ему говорили о потребностяхъ народовъ, о выгодахъ мира, о влiянiи онаго на внутреннее благоустройство, на торговлю, на искуства, на промышленость

и на всѣ отрасли, составляющія общественное благосостояніе,—то онъ не опровергалъ всего этого и соглашался; но говорилъ что всѣ эти выгоды должно считать только условными до тѣхъ поръ пока флотъ Англіи будетъ находиться на вѣсахъ свѣта и пока вліяніе ея золота будетъ дѣйствовать во всѣхъ кабинетахъ Европы: миръ долженствовалъ быть нарушенъ ибо весьма очевидно, что Англія его нарушитъ; почемуже не предупредить ее? почему допустить ее извлечь изъ того свои выгоды? Надобно удивить Европу! Надобно обмануть политику твердой земли! Надобно нанести великой ударъ! Надобно чтобы онъ былъ ужасенъ, неожиданъ! — Такъ разсуждалъ Первый Консулъ и извѣстно сколько дѣйствія его были согласны съ мыслями какъ только онъ могъ это сдѣлать.

Поведеніе Англіи слишкомъ оправдывало высокое предвидѣніе Наполеоновой политики или, лучше сказать, Англія угождала его желаніямъ хотя и слишкомъ поспѣшно, ибо чрезъ неисполненіе договоровъ, она благопріятствовала любви его къ войнѣ и оправдывала скорое объявленіе оной въ глазахъ Французскаго народа, доставляя Наполеону возможность увѣрить оный что если миръ нарушенъ, то противъ его воли. Въ самомъ дѣлѣ Англія приготовляла уже вновь, могущественное орудіе своихъ денежныхъ пособій (subsides), доставившее

ей столь много дипломатическихъ успѣховъ; и покровъ, коимъ облекали переговоры, былъ не довольно плотенъ для того чтобы сквозь него не могъ проникнуть орлиный взглядъ Перваго Консула. Посреди мира устроивались всѣ эти ковы и тѣ, которые не подозрѣвали еще существованія оныхъ, беззаботно наслаждались миромъ. Съ самой Революціи не видывали еще ничего подобнаго зрѣлищу, которое представлялъ Парижъ зимою съ 1802 на 1803 годъ, въ которую было невѣроятное стеченіе иностранцевъ; все дышало тамъ радостью, и эти внѣшніе знаки общественнаго благоденствія, очевиднаго возстановленія Французскаго общества, сильно тревожили Британское Министерство. Пріѣхавшіе на твердую землю Англичане узрѣли Францію столь различною отъ ложнаго вида, въ коемъ ее изображали въ Англійскихъ журналахъ, что это причинило большое безпокойство за Ламаншскимъ проливомъ; и Англійское Правительство, прибѣгнувъ къ своей смѣлой, лживой политикѣ, всячески старалось несправедливыми, официяльными своими жалобами прикрыть настоящія причины неудовольствія, къ коимъ подавали поводъ ея скрытныя козни.

Дѣйствительно Король Англійскій обратился къ своему Парламенту манифестомъ, въ которомъ онъ говорилъ о вооруженіяхъ, дѣлаемыхъ по его словамъ въ портахъ Франціи и о предосто-

рожностяхъ, которыя слѣдовало принять для того чтобы воспротивиться нападеніямъ. Такое криводушіе раздражило Перваго Консула, который привязалъ къ себѣ почти весь свѣтъ, даровавъ Франціи миръ, столь дорого купленный и столь долго желанный. Торговля, искуства, промышленость, спѣшили воспользоваться обсспеченіями и довѣріемъ, исчезающими при видѣ войны. Первый Консулъ, въ припадкѣ гнѣва сдѣлалъ сильную выходку противъ Англійскаго Посланника Лорда Витворта въ залѣ, въ которой находились всѣ Посланники.

«Что это значитъ? Развѣ миръ ужъ надоѣлъ? Развѣ надобно опять обагрить кровью Европу? Приготовленія къ войнѣ! . . . Не думаютъ ли насъ этимъ провести? Посмотримъ. — Францію можно побѣдить, можетъ быть уничтожить; но испугать! . . . никогда». Англійскій Посланникъ былъ такъ ошеломленъ этою вспышкою, коей онъ никакъ не могъ ожидать,—что ничего не отвѣтствовалъ. Онъ описалъ только своему Правительству подробности этого свиданія, при которомъ Первый Консулъ такъ сильно забылся, если онъ не сдѣлалъ того нарочно.

Съ перваго дня когда Англія обнаружила неудовольствіе, должно было думать, что она желаетъ войны. Правда что она еще занимала островъ Мальту, но она обѣщала отдать его, хотя никогда не имѣла этого намѣренія; она должна

была очистить Египетъ и оставалась тамъ; отдать мысъ Доброй-Надежды и удерживала его. Англія подписала въ Аміенѣ миръ, который она не намѣревалась соблюсти. Посредствомъ своихъ козней, своихъ денежныхъ пособій и зная о ненависти кабинетовъ твердой земли противъ Франціи, она пріобрѣла увѣренность въ томъ что ополчитъ ихъ какъ только созрѣютъ плоды обольщенія. Она видѣла Францію могущественною, господствующею въ Европѣ: она знала честолюбивые замыслы Перваго Консула, который не скрывалъ ихъ. Рожденный войною, Наполеонъ повиновался своей природѣ; война всегда была его склонностью, его услажденіемъ; владычество было его цѣлью. Нѣтъ сомнѣнія что чрезъ это безпрестанное смѣшеніе народовъ, образованность подвинулась впередъ. Вознаграждаетъ ли это? думаю что такъ. — Съѣздъ въ Ліонѣ возбудилъ подозрѣніе Англіи, и Британское Министерство слишкомъ было прозорливо для того, чтобы не видѣть Короля Италіи въ скромномъ Президентѣ Цизальпинской Республики. Англія, коей политика сама по себѣ всегда столь основательна, столь предусмотрительна и тверда, видѣла Сен-Доминго въ рукахъ Французовъ; надобно было освободить Сен-Доминго и наказать Французскій флотъ за усилія, сдѣланныя имъ для того, чтобы нѣсколько подняться. Англія противопоставляла често-

любію честолюбіе, хитрости хитрость. Она безъ доказательствъ говорила, что Франція не исполнитъ условій договора. Такое расположеніе Англіи произвело свои неизбѣжныя послѣдствія.

Англія конечно тогда уже возъимѣла свое намѣреніе, когда она подписала въ Аміенѣ договоръ, названный вѣчнымъ миромъ, но который въ глазахъ всѣхъ разсудительныхъ людей былъ только краткимъ перемиріемъ. Съ той самой поры сношенія сдѣлались осторожными, почти враждебными. Взаимно, съ сильною досадою требовали объясненій и скоро дошли до того что потребовали паспортовъ. Война возгорѣлась.

Англія показала при этомъ случаѣ озлобленіе, тѣмъ болѣе разительное, что изъ всѣхъ Державъ Европы одна только она не подверглась пораженіямъ и была еще въ полной своей силѣ. Притомъ же извѣстно, что чрезъ войну, Англійская торговля производитъ самыя прибыльныя дѣла свои и что разоряя твердую землю безпрестанными войнами, она сама обогащается и процвѣтаетъ.

Первый Консулъ, расчитывавшій что Аміенскій миръ продлится долѣе, былъ застигнутъ разрывомъ онаго въ самомъ неблагопріятномъ положеніи. Великое число выпущенныхъ въ отставку, разстройство кавалеріи, временное неимѣніе артиллеріи, происшедшее отъ проэкта,

который требовалъ перелитiя всѣхъ полевыхъ орудiй и который довѣрчиво, необдуманно подписалъ Первый Консулъ по представленiю Бертье,—требовали всей заботливости Наполеона. Для пополненiя армiи созвали Конскрипцiю; проэктъ касательно Артиллерiи былъ отмѣненъ; большiе города доставили денегъ а кавалерiю посадили на лошадей, взятыхъ въ Гановрѣ, который скоро былъ занятъ.

Когда война, сдѣлавшаяся неизбѣжною была объявлена, то Первый Консулъ отправился къ Сѣвернымъ берегамъ и въ Бельгiю для того чтобы лично удостовѣриться въ способахъ, которые будетъ можно противопоставить предполагаемымъ нападенiямъ Англичанъ на берега. Проѣздомъ чрезъ Компiенъ, онъ принялъ посѣщенiе отца Бертона, бывшаго начальника Военной Королевской Школы въ Брiеннѣ. Онъ находился тогда ректоромъ Школы Художествъ въ Компiенѣ, куда его помѣстилъ Бонапарте. Iозефина сообщила мнѣ подробности этого посѣщенiя. Отецъ Бертонъ, добрый и простой также какъ въ то время когда мы еще находились подъ его лозою, явился звать къ себѣ на завтракъ прежняго своего ученика съ женою. Оба они приняли приглашенiе. Нашъ добрый Начальникъ воображалъ себѣ что все еще не прошло то время, когда Бонапарте у него учился; ахъ! какъ сильно онъ ошибался. Отца Бертона на-

вѣщалъ въ это время Буке, прежній соученикъ Бонапарте и мой. Отецъ Бертонъ именно запретилъ ему показываться Наполеону и даже пріѣхавшимъ съ нимъ особамъ потому что онъ былъ отрѣшенъ отъ службы въ Италіянской арміи, гдѣ Буке находился Кригсъ-Комисаромъ при Главной квартирѣ (*). Какъ бы то ни было, а Буке, который обѣщался отцу Бертону не выходить изъ своей комнаты до отъѣзда Перваго Консула, не только не сдержалъ своего обѣщанія, но поступилъ съ непростительнымъ легкомысліемъ. Увидѣвъ подъѣзжающую карету, въ которой сидѣлъ Бонапарте съ женою, онъ бросился къ дверцамъ и безъ околичностей подалъ Іозефинѣ руку дабы помочь ей выйти. Принявъ ее, она сказала: «Буке, вы себя губите!» Бонапарте его замѣтилъ; раздраженный такою непростительною по его мнѣнію короткостью,

(*) Имя Буке, въ первый разъ встрѣчающееся подъ перомъ моимъ, побуждаетъ меня помѣстить въ концѣ этой части относящуюся къ Италіянскому походу, весьма любопытную статью, которая какъ-то у меня затерялась когда я писалъ первую часть моихъ Записокъ и которую я въ послѣдствіи отыскалъ. Эту статью должно бы помѣстить между прочими бумагами, принадлежащими къ эпохѣ перваго Италіянскаго похода; она какъ увидятъ, относится къ происшедшему въ Веронѣ послѣ умерщвленія въ госпиталяхъ сего города многихъ Французскихъ солдатъ и представляетъ самую точную картину невѣроятныхъ лихоимствъ, которымъ Наполеону столь было трудно воспрепятствовать. Притомъ же въ ней много говорится о Буке и въ тоже время обнаруживаются причины его отрѣшенія.

онъ предался одному изъ тѣхъ порывовъ гнѣва, которыхъ ничемъ нельзя было обуздать; и только что вошедъ въ залу, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, онъ тотчасъ сѣлъ, сказавъ женѣ своей повелительнымъ голосомъ: «Iозефина садись.» Послѣ чего началъ завтракать не пригласивъ даже садиться отца Бертона, который какъ можно вообразить велѣлъ поставить для себя третій приборъ. Отецъ Бертонъ простоялъ за стуломъ своего прежняго ученика, сильно смущенный его запальчивостью. Эта сцена сдѣлала такое сильное впечатлѣніе на отца Бертона, что онъ не въ состояніи уже былъ исправлять своей должности и уѣхалъ жить въ Реймсъ, гдѣ разсудокъ его совершенно разстроился. Не смѣю утверждать что помѣшательство этого достойнаго человѣка было слѣдствіемъ сцены, которую я описалъ съ подробностями, сообщенными мнѣ Iозефиною; но достовѣрно что она была жестоко ею огорчена и что отецъ Бертонъ умеръ въ сумасшествіи. Въ послѣдствіи точность этого происшествія была подтверждена мнѣ братомъ нашего бывшаго Начальника, прекраснымъ и весьма свѣдущимъ человѣкомъ. Впрочемъ гнѣвъ Бонапарте не удивилъ меня, ибо чѣмъ болѣе возвышался онъ въ славѣ и въ могуществѣ, тѣмъ сильнѣе оскорбляла его коротkость въ обхожденіи прежнихъ соучениковъ его.

Прибавлю что я и самъ находилъ эту короткость странною.

Поѣздка Перваго Консула къ Сѣвернымъ берегамъ была сдѣлана въ концѣ 1803 года, въ ту эпоху, когда Англичане завладѣли Голландскими заведеніями въ Суринамѣ, въ Демерари и въ Елекебо и когда нейтральный договоръ былъ заключенъ между Франціею, Испаніею и Португалліею. Раппъ сопутствовалъ Первому Консулу, очень озабоченному тогда осмотромъ пріуготовленій къ высадкѣ въ Англію, которой онъ никогда не имѣлъ намѣренія выполнить, какъ то скоро увидятъ.

По возвращеніи Перваго Консула, я узналъ отъ Раппа, что обо мнѣ была рѣчь въ этомъ путешествіи и вотъ по какому случаю. Бонапарте, находясь въ Булони, потребовалъ отъ сопровождавшихъ его особъ — свѣдѣній, которыхъ никто не могъ ему сообщить. Выведенный изъ терпѣнія тѣмъ, что не узналъ тотчасъ того, что ему было нужно, онъ разсердился на тѣхъ, которые не могли удовлетворительно отвѣчать ему, кликнулъ Раппа и сказалъ ему: «Знаешь ли ты, Раппъ, гдѣ Бурiеннъ? —Генералъ, онъ въ Парижѣ.— Отправь къ нему курьера и напиши ему, чтобы онъ тотчасъ сюда пріѣхалъ.» Слухъ объ этомъ внезапномъ обращеніи ко мнѣ Перваго Консула, разнесся съ быстротою молніи и времени, пока писали

письмо и приготовляли курьера, было достаточно для успѣха соединенныхъ усилій тѣхъ людей, которые страшились моего возвращенія. Искусные доводы и ловко выставленное самолюбіе скоро преодолѣли внезапную волю и добровольное обращеніе къ старой привязанности и къ привычной нуждѣ. Когда Раппъ принесъ Первому Консулу написанное по его волѣ письмо, то данный приказъ былъ отмѣненъ. Однакожъ Раппъ сообщилъ мнѣ чтобы я не выѣзжалъ изъ Парижа или оставлялъ бы свѣдѣніе о мѣстѣ моего пребыванія, ибо онъ думалъ что тоже самое желаніе Наполеона могло возобновиться и что онъ или Дюрокъ, не упуская времени имъ воспользуются. Я былъ очень увѣренъ въ ихъ дружбѣ, также какъ и они могли положиться на мою.

++

ГЛАВА XIV.

Обширныя работы, свершенныя Французскими солдатами. — Невѣроятная дѣятельность. — Бонапарте повсюду. — Частыя поѣздки къ берегамъ. — Обыкновенный порядокъ пути. — Двѣнадцать часовъ верхомъ. — Обращеніе къ прошедшему. — Разсужденія въ Совѣтѣ о договорахъ. — Сопротивленіе Трюге. — Справедливое мнѣніе Наполеона. — Дипломатическіе обѣды. — Свѣтъ, раздѣленный на двое. — Европа область. — Бонапарте ревнитель достоинства Франціи. — Полицейскіе приставы. — Переодѣтый Англичанинъ. — Публичная аудіенція въ Тюлісри. — Отзывъ Перваго Консула о Франціи и объ Англіи. — Уваженіе къ мнѣнію Англичанъ. — Политическій балъ въ Мальмезонѣ. — Одна кадриль. — Заранѣе сочиненные стихи. — Удивленіе Гортензіи.—Странная причина бала.

Въ минуту разрыва съ Англіею, Бонапарте, какъ я сказалъ, былъ застигнутъ въ разстройствѣ по многимъ отраслямъ службы, но можно бы сказать что онъ сообщалъ всему свою дѣятельность — такъ быстро, какъ будто оча-

рованіемъ создались многія, необходимыя для войны вещи. Со времени разрыва мира, невозможно себѣ вообразить, сколько работъ было предпринято и исполнено. Все протяженіе Сѣверныхъ береговъ представляло картину обширныхъ строительныхъ мастерскихъ, ибо Наполеонъ, въ этомъ случаѣ, образовалъ свои войска по примѣру Римскихъ, давъ солдатамъ въ руки лопаты ремесленника вмѣсто оружія воина. Войска свершили обширныя работы, принадлежащія къ вѣдомству Путей Сообщенія. Они вырыли Булонскую гавань, возобновили и окончили въ Амблътёзѣ работы, начатыя при Лудовикѣ XVI и прерванныя со времени Революціи; замѣчательнѣе же всего то, что солдаты не оставляли и своихъ ученій, такъ что все ихъ время было занято, почти столько же, какъ и у вождя ихъ. Можно сказать что въ продолженіе 1803 года и пока существовалъ Булонскій лагерь, Первый консулъ повсюду находился. Журналы возвѣщали прибытіе его въ Сен-Клу, а черезъ два или три дня послѣ того, онъ уже осматривалъ работы, производилъ ученья и смотры войскамъ; почти въ слѣдъ за тѣмъ торжественная аудіенція съ бывшимъ предъ оною разводомъ на Карусельной площади, опять показывали его въ столицѣ. Ничто еще не нарушало общей безопасности не взирая на предстоящую войну; столько то Франція казалось

раздѣляла увѣренность Наполеона въ его фортунѣ.

Что касается до него, ничто столько ему не нравилось какъ это безпрестанное движеніе, какъ этотъ рядъ указовъ Совѣта, обращенныхъ имъ въ Консульскія опредѣленія и военныхъ работъ.

Въ эти частыя поѣздки къ берегамъ, то въ одно мѣсто, то въ другое, Бонапарте обыкновенно отправлялся ночью, останавливаясь утромъ на почтовой станціи въ Шантильи, гдѣ онъ на скорую руку завтракалъ. Раппъ, съ которымъ я продожалъ часто видаться когда онъ находился въ Парижѣ, безпрестанно разсказывалъ мнѣ объ этихъ поѣздкахъ, ибо онъ почти всегда сопутствовалъ Первому Консулу, и желательнобъ чтобы онъ всегда былъ окруженъ только такими людьми какъ Раппъ! Вечеромъ Первый консулъ ужиналъ въ Аббевилѣ и на другой день рано утромъ пріѣзжалъ къ Брикскому мосту. «Представь себѣ,» говорилъ мнѣ Раппъ, «что надобнобъ быть желѣзнымъ для того чтобы выдерживать такой образъ жизни: едва выходили мы изъ кареты какъ тотчасъ садились на лошадей и ѣздили съ Первымъ Консуломъ верхомъ иногда по десяти и по двѣнадцати часовъ сряду. Онъ все видитъ, все осматриваетъ, часто разговариваетъ съ солдатами и за то какъ они его любятъ! Ахъ еслибъ

намъ удалось побывать въ Лондонѣ съ этими храбрыми людьми.»

Между тѣмъ, при всѣхъ этихъ занятіяхъ, Первый Консулъ не пренебрегалъ никакою частью своего правленія и часто присутствовалъ въ Совѣтѣ. Я находился еще при немъ когда разсуждали о вопросѣ, какимъ образомъ долженствуютъ быть заключаемы договоры. Нѣкоторые члены совѣта, между коими Трюге наиболѣе отличался, — хотѣли чтобы на основаніи Конституціи, договоры были предлагаемы Главою Правительства, и по разсмотрѣніи оныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ, опредѣлялись бы и объявлялись какъ законы. Бонапарте былъ совершенно противнаго мнѣнія и я совершенно соглашался съ нимъ, когда онъ мнѣ говорилъ: «Это изъ одного только удовольствія противиться они призываютъ Конституцію, ибо если Конституція говоритъ это, то она сама не знаетъ что говоритъ. Есть вещи, которыя не могутъ быть предметомъ разсужденія Палаты. Какъ! когда я договариваюсь, напримѣръ съ Австріею; когда мой Посланникъ согласился на условія, ничто еще не рѣшено, если эти условія будутъ отвергнуты Законодательнымъ Корпусомъ? Это безпримѣрная нелѣпость; какого бы тутъ ждать толку! Иностранные Посланники стали бы всякой день давать такія обѣды какъ Камбасересъ, сыпали бы деньги, подкупали бы

кого можно; заставляли бы отвергать наши предложенія и дѣла славно бы пошли!»

Вотъ что мнѣ говорилъ Бонапарте въ то время когда онъ еще показывалъ видъ что намѣренъ соблюдать Конституцію и признаюсь что касательно договоровъ, я всегда думалъ что не можетъ существовать другаго мнѣнія кромѣ его и причина имъ приводимая, кажется мнѣ столь основательною, что она долженствовала бы поразить всякаго. Что значило бы тогда даваемое Посланникамъ названіе Полномочныхъ, еслибъ эти Полномочные не могли ничего заключать иначе какъ только условно?

Разговоръ Наполеона, когда онъ по своему обыкновенію, пересказывалъ мнѣ о происшедшемъ въ Сенатѣ, состоялъ изъ странной смѣси цитатъ древности, историческихъ сближеній и его собственныхъ мыслей; онъ говорилъ о Римлянахъ и я помню что во время нахожденія Г. Фокса въ Парижѣ онъ всячески старался блеснуть передъ этимъ Иностраннымъ Министромъ, котораго онъ очень уважалъ. Въ его обширномъ способѣ обозрѣнія свѣта, онъ видѣлъ только два большихъ Государства: Востокъ и Западъ. «Что нужды,» часто говаривалъ онъ, «что два народа раздѣлены рѣками или горами, что они говорятъ на разныхъ языкахъ; за исключеніемъ небольшихъ оттѣнковъ, Франція, Испанія, Англія, Италія и Германія, имѣютъ одина-

кie нравы, одинакiя привычки, одинакую вѣру, одинакую одежду; мужчина можетъ имѣть одну только жену; нѣтъ рабовъ; вотъ двѣ главныя черты, раздѣляющiя обитателей земнаго шара, которые не дикie. Кромѣ Турцiи, вся Европа составляетъ одну область мiра: когда мы воюемъ, то производимъ междоусобie. Есть еще другой способъ раздѣленiя странъ: — земля и вода.» Тогда онъ начиналъ исчислять всѣ Европейскiя выгоды; говорилъ о Россiи, съ коею онъ желалъ союза; объ Англiи, владычицѣ морей и рѣдко не заключалъ этихъ выходоковъ высокаго пустословiя, обращенiемъ къ любимой своей въ то время игрушкѣ — къ походу въ въ Великую Индiю.

Переходя отъ этихъ высокихъ, общихъ предметовъ къ частнымъ выгодамъ Францiи, Бонапарте продолжалъ говорить какъ Государь, болѣе чѣмъ кто либо ревнующiй о достоинствѣ Францiи, коей онъ считалъ уже себя единственнымъ представителемъ. Узнавъ что Англiйскiй Флотскiй Капитанъ прiѣзжалъ осматривать Брестскую гавань выдавая себя за купца, съ паспортомъ коего онъ прибылъ, — Бонапарте ужасно разсердился за то что его не задержали; онъ оперся на этотъ случай въ Государственномъ Совѣтѣ для доказательства необходимости бόльшаго числа Полицейскихъ Приставовъ и сказалъ въ полномъ собранiи: «Еслибъ въ

Брестѣ былъ Полицейскій Приставъ, то онъ задержалъ бы его и немедленно прислалъ бы въ Парижъ. Такъ какъ онъ исправлялъ ремесло шпіона, то я велѣлъ бы его разстрѣлять какъ таковаго. Англичанинъ, Лордъ, даже Англійскій Посланникъ не должны быть допускаемы въ наши порты. — Я приведу это въ порядокъ,» прибавилъ онъ пересказывая мнѣ о сдѣланной имъ въ Совѣтѣ выходкѣ, «довольно есть бездѣльниковъ, которые всякой день продаютъ меня Англичанамъ, безъ того чтобы я еще терпѣлъ ихъ шпіонство!»

Онъ сказалъ въ другой разъ въ присутствіи многихъ Генераловъ, Сенаторовъ и высокихъ сановниковъ, находившихся при аудіенціи дипломатическаго Корпуса: «Англичане думали, что я боюсь войны, я не боюсь ее.» Тутъ истина противъ воли его выказывалась. «Власть моя ничего чрезъ это не потерястъ; мнѣ нужно мало времени для того чтобы имѣть два милліона человѣкъ; вы видѣли какое было послѣдствіе первой войны: присоединеніе Бельгіи и Піемонта къ Франціи. Эта война также будетъ къ нашей выгодѣ; она утвердитъ нашу систему. Я не хочу чтобы Франція была затрудняема чуждыми препятствіями; Англія очевидно нарушила договоры; чѣмъ терпѣть это, — лучше ужъ присягнуть на подданство Королю Англійскому, короновать его Государемъ Франціи и

Парижа;—это будетъ лучше чѣмъ покориться наглымъ прихотямъ Англійскаго Правительства. Желаете ли вы чтобы для сохраненія мира двумя мѣсяцами долѣе, я уступилъ имъ въ чемъ нибудь одномъ: они покажутъ еще болѣе требованій, еще болѣе вѣроломства; наглость ихъ возрастетъ вмѣстѣ съ моею сговорчивостью; но они меня вовсе не знаютъ! Если уступить Англіи, то она скоро бы запретила намъ плаваніе въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта и потребовала бы у насъ нашихъ кораблей! можно ли впередъ знать? Но будьте покойны, я не таковъ чтобы допустить подобное униженіе; если Англія хочетъ войны, то она будетъ имѣть ее; я не заставлю ее дожидаться и мы увидимъ!»

Въ этотъ день Бонапарте много говорилъ о враждѣ, возбуждаемой въ немъ лживымъ поведеніемъ Англіи, которой мнѣніемъ онъ однакоже дорожилъ. Грубыя ругательства, которыми осыпали его въ Англійскихъ журналахъ сильно содѣйствовали къ увеличенью врожденной его ненависти къ свободѣ тисненія и онъ не могъ постигнуть какъ Британскимъ подданнымъ дозволяется писать такимъ образомъ противъ него, тогда какъ онъ находится въ мирѣ съ Англійскимъ Правительствомъ.

Однажды я имѣлъ случай видѣть странное

доказательство того, сколь важнымъ Бонапарте считалъ мнѣніе Англичанъ о поступкахъ, ему приписываемыхъ; и то что я разскажу вновь покажетъ готовность Наполеона употреблять косвенныя и мелкія средства для достиженія желаемой имъ цѣли. Онъ далъ балъ въ Мальмезонѣ тогда какъ Гортензія достигла седьмаго мѣсяца своей беременности. Бонапарте какъ извѣстно не любилъ видѣть беременныхъ женщинъ, а въ особенности видѣть ихъ танцующими; но тутъ онъ просилъ Гортензію протанцовать хоть одну кадриль. Она не хотѣла этого сдѣлать, но Бонапарте такъ настаивалъ, такъ улещалъ ее, говоря ей: «Прошу тебя, мнѣ чрезвычайно хочется видѣть тебя танцующею; сдѣлай это для меня,» что наконецъ Гортензія пошла танцовать. Какая была цѣль его—это ниже увидятъ.

На другой же день послѣ этого бала явились въ одномъ журналѣ льстивые стихи о кадрили, въ которой Гортензія танцовала не смотря на свою беременность. Гортензіи это очень показалось досаднымъ и когда журналъ былъ полученъ въ Мальмезонѣ, то она жаловалась на это, въ особенности не постигая какимъ образомъ, не смотря на отличную способность нашихъ остроумцевъ, эти стихи могли быть сочинены и напечатаны на такой случай, который произошелъ въ предъидущую ночь. Бона-

парте отвѣчалъ ей неопредѣлительно и улыбаясь; что касается до меня, то это дѣло было мнѣ столь же хорошо какъ и ему извѣстно. Когда Гортензія узнала что я одинъ въ кабинетѣ, то пришедъ туда, она начала меня разспрашивать. Несчитая нужнымъ скрывать отъ нея происшедшее,—я сказалъ ей истину: что стихи были сочинены по приказанію Наполеона прежде бала однимъ поэтомъ, котораго имя я теперь не припомню; я сказалъ ей что балъ былъ данъ для стиховъ; что Первый Консулъ потому только упрашивалъ ее танцовать чтобы оправдать ихъ содержаніе, и что онъ приказалъ написать ихъ въ опроверженіе помѣщенной въ одномъ изъ Англійскихъ журналовъ статьи, въ которой было объявлено будто бы она уже родила. Дѣйствительно Бонапарте былъ ужасно оскорбленъ этимъ преждевременнымъ объявленіемъ, ибо онъ очень видѣлъ что оно имѣло цѣлью утвердить подлые слухи, распространяемые клеветою на счетъ мнимой его связи съ Гортензіею. Таковы были мелочныя продѣлки, не разъ занимавшія собою голову, въ которой составлялось столько исполинскихъ замысловъ.

++

ГЛАВА XV.

Вліяніе разнообразныхъ занятій. — Размышленія. — Истина о замыслѣ высадки въ Англію. — Г. Питтъ. — Причины удаленія сего Министра. — Ошибка Англійскаго Правительства. — Политическія продѣлки. — Нарушеніе Аміенскаго договора. — Взаимныя причины неудовольствій. — Наслѣдіе Великаго Герцога Пармскаго. — Сдѣланныя Франціею предложенія.—Островъ Мальта.—Отъѣздъ Лорда Витворта. — Жестокая война.—Римъ и Карѳагенъ.— Успѣхи ласкательства.—Внутренняя радость Наполеона.— Посланіе къ Сенату, Законодательному Корпусу и къ Трибунату. — Отмѣна титула Короля Франціи, носимаго Королемъ Англійскимъ.

Перечитывая листки моей рукописи, долженствующіе составить пятую часть сихъ Записокъ, я вижу что увлекаясь соотношеніемъ мыслей, я говорилъ о событіяхъ, случившихся послѣ разрыва Аміенскаго договора, недовольно останавливаясь на событіяхъ этой великой эпохи. Это произошло отъ принятаго мною обра-

за сочиненія, состоящаго именно въ томъ, чтобы не держаться никакой правильности, а вѣроятно бывшаго слѣдствіемъ множества и разнообразія занятій, наполнявшихъ или лучше сказать, совершенно занимавшихъ собою столько годовъ моей жизни. Когда занимаешься однимъ только предметомъ, то мысли дѣйствительно идутъ чредою; чреда сія прерывается когда долговременная привычка принуждаетъ умъ нашъ блуждать по разнымъ предметамъ. Впрочемъ, я въ послѣдній разъ оправдываюсь въ этой винѣ, которая по моему мнѣнію, вовсе не вина. Какъ бы то ни было а читатели мои конечно не пожалуются на то, что они обмануты ибо съ самаго начала этихъ Записокъ, я просилъ ихъ считать мою книгу не иначе какъ собраніемъ замѣчаній, коихъ единственное на мои глаза достоинство состоитъ въ томъ что они представляютъ точную истину о множествѣ событій, перешачиваемыхъ до сихъ поръ невѣжествомъ, какими либо видами или духомъ партій. Если снисходительность найдетъ въ нихъ что нибудь болѣе обѣщаннаго мною, то тѣмъ лучше.

Прошу дозволенія сдѣлать еще краткое замѣчаніе касательно вещей, о которыхъ я говорю и которыя произошли тогда, какъ я не былъ уже болѣе Секретаремъ Перваго Консула. Это замѣчаніе состоитъ въ слѣдующемъ: почти все что дѣлалъ Бонапарте было исполне-

ніемъ прежнихъ его предположеній, чрезъ него мнѣ извѣстныхъ. Если я лишь какъ частный человѣкъ присутствовалъ при исполненіи дѣйствій, то я былъ свидѣтелемъ рожденія причинъ оныхъ и кажется я не многое беру на себя, увѣривъ что сдѣланное мною продолжительное изученіе свойствъ Наполеона, сообщало мнѣ болѣе всякаго другаго способности судить о дѣйствіяхъ его власти, которыхъ я почти всегда имѣлъ ключъ. Сколько разъ мнѣ случалось объяснять Дюроку, Ланну и Раппу,—которые остались моими друзьями и съ которыми я часто видался—настоящій смыслъ того, что они думали мнѣ сообщить; когда впрочемъ это не было такое дѣло, которое Первый Консулъ ввѣрилъ одному только мнѣ; ибо въ этомъ отношеніи, скромность моя пережила долгимъ временемъ его довѣренность; имѣю причины думать что онъ это зналъ и когда онъ сказалъ мнѣ истину о высадкѣ въ Англію, которой всѣ вѣрили кромѣ его, то ужъ конечно онъ надѣялся что я сохраню его тайну.

При заключеніи Аміенскаго мира, одною изъ вещей, наиболѣе доказывавшихъ непродолжительность онаго, было удаленіе Г. Питта отъ Министерства; я замѣтилъ это Наполеону, но не слишкомъ настаивалъ, ибо ясно увидѣлъ по его вопросу: «Что такое ты говоришь?» хоть онъ и совершенно меня понялъ — что мое за-

мѣчанiе ему не понравилось. Не требовалось однакоже слишкомъ большой прозорливости для того чтобы увидѣть настоящую причину удаленiя Г. Питта: знаменитый Министръ сей думалъ, что перемирiе, которое назовутъ миромъ, необходимо для Англiи; но будучи въ тоже время расположенъ возобновить противъ Францiи войну, съ большимъ противъ прежняго ожесточенiемъ, онъ временно сложилъ съ себя власть, предоставя другимъ, низшимъ Министрамъ договариваться о мирѣ, дабы возвращенiе его въ Министерство ознаменовало возобновленiе непримиримой вражды, питаемой имъ къ Францiи. Какъ бы то ни было, а я всегда считалъ ошибкою Лондонскаго Кабинета заключенiе мира, сколь бы ни велика была необходимость онаго для Англiи. Англiйское Правительство одно только, ни при какихъ обстоятельствахъ не признало ни одного изъ Правительствъ, смѣнявшихся во Францiи со времени Революцiи; и какъ ничто не изглаживаетъ прошедшаго, то будущая война, сколь бы сильна она ни была, не могла отнять у Правительства Бонапарте великаго вѣса, доставленнаго оному минутою мира. Достовѣрно что готовность Англiи вступить въ переговоры съ Первымъ Консуломъ, присоединила къ сему послѣднему великое множество приверженцевъ Бурбоновъ, которые основывали свои надежды только на настойчи-

вости Великобританіи въ веденіи войны съ Франціею. Это открывало глаза большему числу; ибо тѣ, которые были довольно проницательны дабы видѣть внутренность дѣлъ, и безъ того знали что изъявляемое кабинетами Европы и въ особенности Англійскимъ, участіе къ Бурбонамъ, служило только предлогомъ для того, чтобы подъ видомъ почетныхъ причинъ скрыть желаніе терзать Францію и противиться необъятнымъ успѣхамъ ея могущества съ тѣхъ поръ какъ Бонапарте пріялъ бразды Правленія.

Когда дѣла начали запутываться, то Англія и Франція могли взаимно упрекать другъ друга; но справедливость повидимому принадлежала Франціи; очевидно было, что Англія, отказавшись очистить Мальту, производила ощутительное нарушеніе Амьенскаго договора; между тѣмъ какъ Англія могла обвинить Францію только въ наклонности къ расширенію своихъ владѣвій. Но я долженъ сознаться, что эта наклонность была весьма явна, ибо Консульскія опредѣленія сдѣлали завоеванія, болѣе быстрыя, чѣмъ какія можно пріобрѣсть оружіемъ. Присоединеніе Піемонта къ Франціи измѣнило положеніе Европы. Правда что это присоединеніе было сдѣлано прежде заключенія Амьенскаго договора; но нельзя было того же сказать о владѣніяхъ Пармы и Піаченцы, ибо

Бонапарте, по своей собственной волѣ сдѣлалъ себя наслѣдникомъ умершаго Великаго Герцога. Посему можно себѣ представить безпокойство, которое внутреннее благосостоянiе Францiи и стремящiйся къ завоеванiямъ нравъ честолюбиваго главы ея долженствовали внушать Англiи; но тѣмъ не менѣе справедливо что касательно отдачи Мальты, она поступила съ отмѣннымъ криводушiемъ и это криводушiе вполнѣ обнаружилось при слѣдующемъ обстоятельствѣ. Было условлено, что Англiя выведетъ свои войска изъ Мальты черезъ три мѣсяца по подписанiи договора, а болѣе года прошло между тѣмъ какъ войска не выходили. Мальтiйскiй Орденъ долженствовалъ быть возстановленъ и сдѣлаться по прежнему владѣтельнымъ, независимымъ Орденомъ подъ покровительствомъ Папскаго престола. Притомъ же кабинеты Вѣнскiй, Берлинскiй и Санктпетербургскiй поручились за исполненiе Амiенскаго договора; но Англiйскiй Посланникъ въ подтвержденiе своихъ безпрестанныхъ увертокъ говорилъ, будто бы его Правительство дѣйствуетъ въ согласiи съ Россiею на счетъ медленности въ исполненiи условiй договора, тогда какъ въ ту самую минуту какъ онъ это объявлялъ, изъ Санктпетербургскаго кабинета, въ Министерство внѣшнихъ сношенiй прибылъ курьеръ съ депешами,

совершенно противорѣчащими показаніямъ Лорда Витворта.

Посланникъ сей выѣхалъ изъ Парижа ночью съ 12 на 13 Маія, 1803, между тѣмъ какъ Англійское Правительство, безъ требованія выдало паспорты Французскому Посольству въ Лондонѣ. Извѣстіе объ этомъ внезапномъ разрывѣ понизило четырью процентами на сто Англійскіе фонды, но не произвело тотчасъ столь значительнаго вліянія на Французскіе фонды, которые ходили тогда 55 франковъ; возвышеніе чрезвычайное если вспомнить, что они были по 7 или по 8 франковъ наканунѣ 18 Брюмера.

Въ этомъ положеніи вещей, Франція предложила Англійскому Правительству допустить съ общаго согласія посредничество Россіи; но какъ Англія объявила войну только для того чтобы поправить ошибку, сдѣланую ею чрезъ заключеніе мира, то всѣ этого рода предложенія были ею отвергнуты; такъ что Первый Консулъ могъ украсить себя предъ глазами публики великою умѣренностью и искреннимъ желаніемъ мира. Съ тѣхъ поръ возгорѣлась вновь между Англіею и Франціею одна изъ тѣхъ жестокихъ войнъ, которыя ознаменовали царствованія Королей Іоанна и Карла VII и которая доставила нашимъ остроумцамъ случай дѣлать великолѣпныя сравненія между древнимъ соперничествомъ Рима и Карфагена; изъ чего

они какъ великie политики заключали, что поелику Карфагенъ палъ, то и Англiя долженствовала подвергнуться тому же жребiю. Таковы были нелѣпости, которыми льстецы безпрестанно тѣшили Перваго Консула и я долженъ замѣтить, что эпоха разрыва съ Англiею была одною изъ тѣхъ, когда ласкательство сдѣлало наиболѣе значительные успѣхи. Никогда еще не существовало такого изобилiя на привѣтственные адресы: они отвсюду сыпались; не было ни одного Префекта, ни одного Подпрефекта, ни одного Мера, ни одного Присутственнаго Мѣста, которые не прислали бы своего; и можно сказать что Бонапарте представилъ на состязательство цѣну подлости, а льстецы его другъ передъ другомъ наперерывъ старались заслужить оную. Самъ онъ однакоже обнаружилъ при этомъ важномъ обстоятельствѣ всю дѣятельность своего генiя и ужъ конечно ему бы слѣдовало очень перемѣниться чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ нашей разлуки, еслибъ онъ не ощущалъ въ душѣ своей радостнаго трепета при одной мысли объ огромной войнѣ, коей соображенiя обѣщали такую пищу его ненасытному генiю.

Бонапарте находился въ Сен-Клу тогда какъ Лордъ Витвортъ выѣхалъ изъ Парижа; двѣ недѣли прошло въ безполезныхъ попыткахъ возобновить прерванные переговоры; и такъ не

должно было думать ни о чемъ больше какъ о войнѣ; и прежде приготовленія къ оной, Первый Консулъ представилъ Сенату, Законодательному Корпусу и Трибунату слѣдующее посланіе, которое прочтутъ конечно не безъ любопытства.

«Англійскій Посланникъ былъ отозванъ;— «вынужденный этимъ обстоятельствомъ, Посланникъ Республики оставилъ землю, гдѣ онъ уже «не могъ болѣе слышать словесъ мира.

«Въ эту рѣшительную минуту, Правитель«ство представляетъ вамъ и представитъ всей «Франціи и Европѣ на разсмотрѣніе свои пер«выя сношенія съ Британскимъ Министерствомъ; «переговоры, оконченные Аміенскимъ тракта«томъ и новыя пренія, долженствующія по«видимому окончиться совершеннымъ разры«вомъ.

«Настоящій вѣкъ и потомство увидятъ изъ «сего все, что оно сдѣлало для того чтобы по«ложить конецъ бѣдствіямъ войны; съ какою «умѣренностью, съ какимъ терпѣніемъ оно ста«ралось отвратить возобновленіе оной.

«Ничто не могло остановить хода замысловъ, «устроенныхъ съ тѣмъ чтобы вновь возжечь «раздоръ между двумя народами. Аміенскій до«говоръ составился посреди кликовъ партіи, «непріязненной миру. Едва былъ онъ заключенъ, «какъ сдѣлался предметомъ горькаго порицанія:

«его представляли пагубнымъ для Англіи по«тому что онъ не былъ постыденъ для Фран«ціи. Вскорѣ разсѣяли безпокойства и вымы«слили опасности, на основаніи коихъ вы«ставили необходимость такого положенія мира, «которое было постояннымъ поводомъ къ но«вой враждѣ. Стали сбирать и нанимать под«лыхъ убійцъ, которые терзали уже свое оте«чество и которымъ предназначается вновь тер«зать его. — Тщетные расчеты ненависти! Это «ужъ не та Франція, которая была раздѣлена «партіями и волнуема бурями; это Франція «возвращенная внутреннему спокойствію, возста«новленная въ ея управленіи, въ ея законахъ, «готовая ударить всею своею силою на чуже«земца, дерзающаго напасть на нея и соеди«ниться съ разбойниками которыхъ лукавая по«литика опять пришлетъ въ ея земли для того «чтобы заводить въ нихъ грабежъ и убійства.

«Наконецъ неожиданный манифестъ (*), вдругъ «напугалъ Англію мнимыми вооруженіями во «Франціи и въ Батавіи и выставилъ важныя рас«при, будтобы раздѣлявшія два Правительства, «между тѣмъ какъ никакія подобныя распри не «были извѣстны Французскому Правительству.

«Тотчасъ грозныя вооруженія начали устрои«ваться на берегахъ и въ портахъ Великобри-

(*) Бонапарте намекаетъ здѣсь на манифестъ Короля Англійска-го при открытіи Парламента въ 1803 году.

«танія; моря покрылось военными кораблями; «и въ этомъ-то положеніи Лондонскій Каби- «нетъ потребовалъ у Франціи отмѣны одной изъ «основныхъ статей Аміенскаго договора (*).

«Они хотѣли, по словамъ ихъ, новыхъ руча- «тельствъ и не признавали святости догово- «ровъ, коихъ исполненіе есть первое ручатель- «ство, которое могутъ доставить себѣ народы.

«Тщетно Франція взывала къ данной клятвѣ; «тщетно она ссылалась на формы, принятыя «у всѣхъ народовъ; тщетно она соглашалась за- «крыть глаза на настоящее неисполненіе статьи «Аміенскаго договора, отъ которой Англія же- «лала уклониться; тщетно она хотѣла отложить «окончательное рѣшеніе по сему предмету до «тѣхъ поръ пока Испанія и Батавія, участво- «вавшія въ договорѣ, объявятъ свою волю; «тщетно она предлагала потребовать посредни- «чества Державъ, поручившихся за исполненіе «статьи, объ отмѣнѣ коей Англія настаивала. «Всѣ предложенія были отвергнуты и требова- «нія Англіи сдѣлались болѣе повелительными, «болѣе самовластными.

«Правила Французскаго Правительства не доз- «воляли ему уступить угрозамъ; оно не имѣло «власти покорить величіе Французскаго народа «законамъ, предписываемымъ ему столь надмен- «нымъ и столь новымъ образомъ. Если бъ оно это

(*) Статья, касательно выведенія войскъ изъ Мальты.

«сдѣлало, то оно тѣмъ предоставило бы Англіи «право уничтожать одною только своею волею, «всякія условія, обязывающія ее противъ Фран«ціи. Оно дало бы ей поводъ требовать новыхъ «поручительствъ при малѣйшемъ безпокойствѣ, «которое ей бы вздумалось возъимѣть; и от«сюда родились бы для Великобританіи два но«выя права въ добавокъ къ тому, по которому «она отняла у другихъ Державъ общее влады«чество надъ морями, подчинивъ своимъ зако«намъ и правиламъ независимость ихъ флага.

«Правитсльство остановилось на чертѣ, кото«рую ему предписывали его правила и обязан«ности. Переговоры прерваны и мы готовы «сразиться, если на насъ нападутъ.

«Покрайней мѣрѣ мы сразимся для поддержа«нія святости договоровъ и чести Французскаго «имени.

«Еслибъ мы уступили пустому страху, то «вскорѣ пришлось бы сражаться для отраженія «новыхъ притязаній; но тогда мы бы сразились «посрамленные первою слабостью, потерявшіе «въ собственныхъ глазахъ своихъ и униженные «въ глазахъ непріятеля заставившаго насъ од«нажды преклониться предъ его несправедливы«ми требованіями.

«Нація успокоится въ чувствѣ своей силы, «каковы бы ни были раны, которыя можетъ

отъ старинныхъ притязаній; на это условіе согласились и сему то первому согласію обязаны за отмѣну названія Короля Франціи изъ титуловъ Короля Англійскаго, опредѣленную въ Парижскомъ договорѣ по возвращеніи Бурбоновъ.

++

ГЛАВА XVI.

Причины жалобъ Англійскаго Правительства. — Надежда на торговый Договоръ. — Рѣшительное сопротивленіе. — Французскіе агенты въ портахъ Великобританіи и Ирландіи — Поѣздка Генерала Себастіани въ Египетъ. — Основательная жалоба Англійскаго кабинета. — Желаніе сохранить Мальту. — Слова Бонапарте, сказанныя въ Законодательномъ Корпусѣ. — Ложное оныхъ истолкованіе. — Завоеваніе Гановра. — Телеграфическая депеша. —Герцогъ Кембриджскій и карикатуры.—Вліяніе бездѣлокъ на умы народа.—Георгъ III, Король и Курфирстъ. —Первое обращеніе къ духовенству.—Слово Милостивый Государь, въ первый разъ употребленное.—Республиканскіе мѣсяцы и недѣли. — Пастырскія посланія Кардиналовъ Беллуа и Камбасереса.—Аббевильскій священникъ.

Манифестъ Короля Англійскаго, о коемъ я упомянулъ въ предъидущей главѣ, поразилъ какъ громомъ Французское Правительство, которое очень хорошо знало, что въ Лондонѣ ус-

троивается множество козней, но никакъ однакоже не ожидало такого взрыва. Первою причиною жалобъ Англійскаго Правительства было запрещеніе Англійскихъ товаровъ, соблюдаемое еще съ большею строгостью со времени мира, чѣмъ въ продолженіе войны, и сознаніе Великобританіи въ этой, столь важной для нея статьѣ, могло бы избавить ее отъ объясненія другихъ причинъ неудовольствія; ибо въ существѣ она была устрашена картиною внутренняго благосостоянія Франціи и движенія, даннаго нашимъ мануфактурамъ. Англійское Правительство надѣялось получить отъ Перваго Консула Торговый Трактатъ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ для нашей раждающейся промышлености; но Бонапарте рѣшительно тому воспротивился и по одному ужъ этому съ его стороны отказу, ему легко было бы предвидѣть разрывъ, который казалось, его удивилъ. Я помню что въ то время я съ величайшимъ участіемъ читалъ все, относящееся къ этой великой тяжбѣ между двумя соперничающими Державами,—тяжбѣ, рѣшенной черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, подъ стѣнами Парижа.

Вражда Англіи столь очевидно происходила отъ неудачи ея въ полученіи Торговаго Договора, что упрекъ въ томъ ясно былъ выраженъ въ манифестѣ Короля Англійскаго; онъ жаловался

на то, что Франція прислала въ Англію множество чиновниковъ для жительства въ портахъ Великобританіи и Ирландіи въ качествѣ торговыхъ агентовъ, каковое званіе,—говорилъ манифестъ — не могло быть пріобрѣтено ими съ преимуществами онаго иначе, какъ посредствомъ Торговаго Договора. Такова была, по моему мнѣнію, настоящая причина неудовольствій Англіи; однакоже какъ слишкомъ странно было бы основывать объявленіе войны на неоказаніи снисходительности, то Англія выставляла еще другія причины жалобъ какъ-то: присоединеніе Піемонта и владѣній Пармы и Піаченцы къ Франціи и пребываніе Французскихъ войскъ въ Голландіи. Упоминалось также о видахъ и замыслахъ, приписываемыхъ Англіею Французскому Правительству касательно Турціи и эта жалоба основывалась на посылкѣ одного Офицера въ Египетъ. Здѣсь Англія намекала на поѣздку Генерала Себастіани, о которой я уже упоминалъ; ибо при отъѣздѣ его я находился еще при Первомъ Консулѣ и долженъ по истинѣ сказать, что въ этомъ отношеніи Англійскій кабинетъ *основательно* жаловался; Бонапарте слишкомъ часто толковалъ со мною о мысляхъ своихъ объ Египтѣ, о средствахъ къ нападенію на Англійское Владычество въ Великой-Индіи для того чтобы онъ могъ отъ этого отречься. Изъ всѣхъ уп-

рековъ, которые оба Правительства взаимно другъ другу дѣлали, очевидно обнаруживалось что ни то, ни другое не поступало правдолюбиво; что Англія, уступивъ прежде необходимости, захотѣла воспріять свои выгоды, когда къ тому представился случай и удержать у себя Мальту, обеспечивающую ей въ Средиземномъ морѣ такое же владычество, какимъ она пользовалась уже въ Океанѣ. Англія повиновалась только требованіямъ своей политики. Не разъ случалось что Правительства превозносили похвалами свое правдолюбіе дабы утѣшить себя въ томъ что имъ не удалось обмануть другихъ; что самое было съ Наполеономъ относительно Англіи, которая конечно только его предупредила безъ очевидныхъ къ тому причинъ.

Наполеонъ, въ одной изъ рѣчей своихъ Законодательному Корпусу о состояніи Франціи и о сношеніяхъ ея съ прочими Державами, сказалъ: «Англія *одна* не можетъ бороться съ Франціею.» Этого выраженія было достаточно для того чтобы подстрекнуть раздражительность Британской гордости и Англійскій кабинетъ показалъ видъ будто бы усматриваетъ въ этомъ угрозу; —тутъ вовсе не было угрозы, ибо когда Бонапарте угрожалъ, то слова его были гораздо выразительнѣе, гораздо сильнѣе; это было сказано только для успокоенія Франціи; и если внимательнѣе разсмотрѣть посредствомъ какихъ

пожертвованій и усилій Англія старалась возбудить противъ Франціи враговъ на твердой землѣ, то можетъ быть заключишь, что сильный гнѣвъ ея происходилъ отъ того что она внутренно соглашалась съ мнѣніемъ Наполеона. Одна противъ Франціи, Англія конечно могла сдѣлать ей много зла, особенно обративъ свои первые удары на остатки ея флота, разсѣянные по всѣмъ морямъ; но она не могла ни на что покуситься противъ Франціи на твердой землѣ и эти двѣ Державы, безъ союзниковъ съ той и съ другой стороны, долго могли бы находиться другъ противъ друга въ войнѣ, не доходя до враждебныхъ дѣйствій.

Первымъ слѣдствіемъ объявленія Англіею войны, было вторженіе въ Гановрь Французскихъ войскъ подъ предводительствомъ Генерала Мортье. Телеграфическая депеша, сообщившая объ этомъ извѣстіе въ Парижъ была столь же истинна какъ кратка и заключала въ себѣ всю исторію этой кампаніи: «Французы овладѣли «Курфиршествомъ Гановрскимъ и непріятель-«ская армія взята въ плѣнъ». Чрезъ нѣсколько дней всѣ картинныя лавки наполнились карикатурами и въ особенности на Герцога Кембриджскаго; я помню что на одной изъ этихъ рисовальныхъ эпиграмъ, онъ былъ представленъ осматривающимъ свои войска верхомъ на ракѣ. Я говорю объ этихъ бездѣлкахъ потому,

что живя уединенно въ домѣ моемъ на Готвильской улицѣ и совершенной ничемъ незанятый, послѣ того какъ у меня прежде не доставало довольно времени для работы, я прогуливался иногда по булеварамъ и видя рисунки, выставляемые для зрѣлища прохожимъ, неразъ имѣлъ случай замѣтить, что эти бездѣлки часто имѣютъ болѣе чѣмъ полагаютъ влiянiя на умы народа большаго города.

Узнавъ о числѣ взятыхъ въ Гановрѣ плѣнныхъ, Первый Консулъ возъимѣлъ надежду промѣнять ихъ на тѣхъ, которыхъ Англiйскiй флотъ взялъ уже у насъ на морѣ; объ этомъ было сдѣлано Королю Англiйскому предложенiе; но Британскiй кабинетъ разсудилъ что хотя Король Англiйскiй и былъ въ тоже время Курфирстомъ Гановрскимъ; но не существовало взаимныхъ обязательствъ между двумя Правительствами, коихъ Георгъ III былъ главою и въ слѣдствiе этого утонченнаго различiя, предложенiе Французскаго Правительства осталось безъ успѣха. Тогда вражда между двумя Правительствами сильно возгорѣлась; и Бонапарте, въ минуту объявленiя войны, ознаменовалъ гнѣвъ свой такимъ дѣйствiемъ, котораго я ни въ какомъ отношенiи не могу одобрить. Я говорю объ отданномъ имъ приказѣ задержать всѣхъ находившихся во Францiи Англичанъ; приказъ, по моему мнѣнiю безчеловѣчный ибо

ужасно удовлетворять на частныхъ людяхъ, довѣрчиво пріѣхавшихъ, мести своей противъ Правительства, отъ котораго они зависятъ; но Бонапарте въ гнѣвѣ своемъ не обращалъ на это вниманія.

Здѣсь я замѣчу первое примѣненіе слова, которое Бонапарте часто твердилъ мнѣ при заключеніи Конкордата. «Ты увидишь Буріеннъ какую пользу я извлеку изъ духовенства.»

При объявленіи войны, Первый Консулъ, желая поступить съ Церковью, подобно тому какъ нѣкогда поступали Христіаннѣйшіе Короли, возмѣрился поручить успѣхъ своего оружія мольбамъ Французовъ чрезъ посредство Духовенства; для сего онъ написалъ слѣдующее письмо, коего форма была совершенно Королевская, къ Кардиналамъ, Архіэпископамъ и Эпископамъ Франціи:

«Милостивый Государь,

«Причины настоящей войны извѣстны всей «Европѣ. Вѣроломство Англійскаго Короля, ко«торый нарушилъ святость договоровъ отка«завшись возвратить Мальту Ордену Св. Іоанна «Іерусалимскаго; который приказалъ напасть на «наши купеческія суда безъ предварительнаго «объявленія войны, и необходимость справедли«вой обороны, — все побуждаетъ насъ прибѣ«гнуть къ оружію. Посему обращаюсь къ вамъ «этимъ письмомъ для изъявленія вамъ моего

«желанія дабы вы молитвами снискали Небесное «благословеніе нашимъ предпріятіямъ. Извѣст«ное мнѣ усердіе ваше къ службѣ Государства «удостовѣряетъ меня въ томъ что вы съ удоволь«ствіемъ выполните мои намѣренія.

«Въ Сен-Клу, 18 Преріаля XI года.

«*БОНАПАРТЕ.*»

Это письмо, во многихъ отношеніяхъ замѣчательно: оно удивило большую часть прежнихъ сподвижниковъ Перваго Консула, которые стали надъ онымъ насмѣхаться, говоря что Бонапарте не имѣлъ надобности прибѣгать къ проповѣдямъ для двукратнаго завоеванія Италіи; но онъ давалъ имъ волю говорить, неизмѣнно слѣдуя по стезѣ, начертанной его волею, а можетъ быть и его предусмотрительностью; ибо ничто не могло болѣе этого письма понравиться Римскому Двору, который слѣдовало довести до того чтобы онъ видѣлъ въ Наполеонѣ новаго старшаго сына Церкви. Еще можно замѣтить въ немъ слово *Милостивый Государь*, которое Бонапарте употребилъ еще въ первый разъ во всенародномъ актѣ и которое казалось означало, что по его мыслямъ Республиканскія наименованія были несовмѣстны съ формами, употребляемыми при обращеніи къ духовенству; въ тоже время, онъ этимъ показывалъ что если онъ давалъ исключительно духовенству Монархическія наименованія, то и духо-

венство въ особенности долженствовало направлять умы къ возстановленію Монархіи. Можетъ быть скажутъ что я слишкомъ распространяюсь о бездѣлкахъ; но для меня, жившаго столь долго въ короткой довѣренности съ Наполеономъ, эти бездѣлки значительны; такимъ образомъ напримѣръ никто кажется не замѣтилъ что Первый Консулъ возстановилъ употребленіе прежнихъ названій дней недѣли; а именно онъ приказалъ выставлять въ Монитерѣ: *Суббота,* такое-то число *Мессидора.* «Надъ этимъ хоть и посмѣются,» говорилъ онъ «а я потомъ прикажу не ставить Мессидоръ и уничтожу всѣ эти гадости, выдуманныя Якобинцами!»

Духовенство не обмануло ожиданій Перваго Консула; оно многимъ ему было обязано и еще бо́льшаго надѣялось. Письмо, которое Бонапарте написалъ къ Кардиналамъ, Архіэпископамъ и Эпископамъ, было поводомъ къ изданію множества пастырскихъ посланій, не заключавшихъ въ себѣ ни одного непріязненнаго Наполеону слова. Посланіе Парижскаго Архіэпископа явилось первое; въ немъ было сказано:

«Франція любезнѣйшіе братья, покоилась на «своихъ торжествахъ; Глава Правительства сво«ею храбростью увѣнчалъ ее лаврами; своею «мудростью онъ обогатилъ ея земли, украсилъ «города, доставилъ процвѣтаніе ея торговлѣ;

«источники благоденствія со всѣхъ сторонъ «отверзлись; она питала одно лишь желаніе «мирно наслаждаться плодами столькихъ подви«говъ. Но сколь обманчивы надежды сей смерт«ной жизни! Въ минуту совершеннѣйшей без«заботности, горизонтъ помрачился, безпокой«ство овладѣло умами, тревога сдѣлалась об«щею, война объявлена. Успокойтесь однакоже, «любезнѣйшіе братья, другъ побѣды ведетъ «наши воинства: едва выступили они изъ сво«его лагеря, какъ уже заняли владѣнія твердой «земли нашей соперницы.

«Но завоевателю Европы не безъизвѣстно, «что жребій оружія перемѣнчивъ и что един«ственный способъ для утвержденія онаго со«стоитъ въ томъ чтобы снискать участіе къ «своему дѣлу Бога битвъ. *Онъ желаетъ да-«мы молитвами снискали небесное благослове«ніе его предпріятіямъ.*

«Любовь, питаемая вами, любезнѣйшіе братья «къ отечеству и признательность, коею вы обя«заны столь кроткому, столь благотворитель«ному, столь отеческому Правительству,—слу«жатъ намъ вѣрными поруками усердія, съ ко«имъ вы будете содѣйствовать столь благого«вѣйнымъ чувствамъ.»

Я вовсе не намѣренъ рыться въ архивахъ похвалъ эпохи, мною описываемой; однакоже для лучшаго изображенія оной можетъ статься

не безполезно будетъ представить читателямъ нѣсколько отрывковъ того что говорили тогда пастыри Французской Церкви говоря о Главѣ Государства; но дабы не наскучить этими воспоминаніями, я ограничусь отрывкомъ выше приведеннымъ и тѣмъ, который помѣщенъ ниже; онъ извлеченъ изъ посланія Кардинала Камбасереса, бывшаго тогда Руенскимъ Архіэпископомъ.

«Изъ прилагаемаго письма Перваго Консула, «вы узнаете любезнѣйшіе братья, почему онъ «вновь принужденъ прибѣгнуть къ войнѣ. Од«нихъ словъ его уже достаточно для того, что«бы удостовѣрить насъ въ истинѣ имъ излага«емаго; ибо подобные ему пренебрегаютъ упо«треблять ложь даже и тогда если она полезна; «а потвержденіемъ словъ его служатъ очевид«ность дѣлъ и негодованіе цѣлой Европы. На «этотъ разъ, покрайней мѣрѣ, никто не оспо«ритъ у Франціи честь того, что она пріяла «оружіе съ сожалѣніемъ; ибо сіе должно было «сдѣлать для того чтобы отразить неправедные «нападки, поддержать что утверждено торжест«веннымъ договоромъ, что необходимо для «спокойствія вселенной и было, нѣкоторымъ «образомъ, цѣною одержанныхъ нами побѣдъ....

«Будемъ въ особенности просить Бога, о «мужѣ, *Его десницѣ*, который подъ руковод«ствомъ его воли, столько сдѣлалъ для возста-

«новленія Его вѣры, который намѣренъ сдѣлать «еще болѣе,—да хранитъ Провидѣніе жизнь его, «да осѣнитъ оно его своими крылами; да устра«нитъ оно отъ его Августѣйшей особы опа«сности, которыя встрѣчаются въ битвахъ при «его храбрости и тѣ, коихъ должно страшить«ся отъ зависти и ея козней, при его достоин«ствахъ.»

Эти преувеличенныя выраженія вовсе не были противны Первому Консулу, ибо онъ никогда не жаловался на излишество расточаемыхъ ему похвалъ, хотя и не любилъ тѣхъ, которые слишкомъ грубо оныя выражали. Дюрокъ сказывалъ мнѣ однажды, что имъ очень было трудно удержаться отъ смѣха когда одинъ приходскій Священникъ въ Аббевилѣ сказалъ Наполеону на пути его къ Сѣвернымъ Берегамъ: «Вѣра какъ и Франція обязана вамъ всѣмъ что она есть; мы обязаны вамъ всѣмъ что мы суть; я обязанъ вамъ всѣмъ, что я есть.»

✦✦

ГЛАВА XVII.

Представленіе Принца Боргезе.—Аудиторы въ Государственномъ Совѣтѣ.—Отъѣздъ въ Бельгію.—Торжественныя ворота и рѣчи.—Осмотръ произведеній промышлености Сомскаго Департамента. — Востановленный Королевскій обычай.— Аміенскіе лебеди. — Перемѣна формы въ актахъ Правительства.—Путешествіе Французскихъ актеровъ.—Праздникъ Дѣвственницы. — Раздѣленіе Института на четыре разряда. — Ученые и Литераторы. — Непріязнь Наполеона къ Литераторамъ.—Взаимная ненависть Перваго Консула и Дюсиса. — Несправедливые стихи. — Мнѣніе Бонапарте о Бернарденѣ де Сен-Пієррѣ. — Шенье и Лемерсіе. — Притворное расположеніе. — Сношенія Наполеона съ Лемерсіе. — Стихотворцы и награды.— Изъясненіе непріязни Наполеона къ словесности. —Лаландъ и словарь его. — Общественное воспитаніе. — Отзывъ Наполеона о дѣтяхъ дворянъ. — Г. де Рокелоръ, Малинскій Архіепископъ. — Его льстивое привѣтствіе Г-жѣ Бонапарте. — Возвращеніе въ Сен-Клу.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1803 года, Принцъ Бор-

гезе, сдѣлавшійся въ послѣдствіи зятемъ Бонапарте чрезъ женидьбу свою на вдовѣ Леклерка, былъ въ первый разъ представленъ Наполеону Кардиналомъ Капрарою. Въ этотъ же мѣсяцъ того же года учреждены Аудиторы Государственнаго Совѣта, коихъ сначала было шестнадцать. Въ концѣ Іюня Бонапарте предпринялъ съ Іозефиною путешествіе свое въ Бельгію и къ Сѣвернымъ берегамъ. Къ этому путешествію относятся многія обстоятельства, о которыхъ я не долженъ умолчать, и о которыхъ меня увѣдомилъ Дюрокъ по возвращеніи Перваго Консула. Бонапарте выѣхалъ изъ Парижа 24 Іюня и хотя долженствовалъ протечь еще годъ до тѣхъ поръ, пока онъ возложилъ на чело свое Императорскую корону, а это путешествіе было совершенно Царское. Учреждаемая на этотъ случай почетная стража встрѣчала его со всѣмъ гражданскимъ и военнымъ начальствомъ на границахъ земель, къ которымъ онъ подъѣзжалъ; повсюду находилъ онъ льстивыя рѣчи, торжественныя ворота, девизы а вечеромъ иллюминаціи; такъ что Дюрокъ по возвращеніи сказалъ мнѣ: «Пока ты находился при немъ, ты ничего не видалъ подобнаго сдѣланному нами путешествію; ужъ конечно восторгъ, возбуждаемый присутствіемъ Перваго Консула, сильнѣе въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя мы проѣзжали, чѣмъ въ Парижѣ. Вообрази себѣ что

по прибытіи нашемъ въ одиннадцать часовъ утра къ границамъ Сомскаго Департамента, мы нашли тамъ большія торжественныя ворота изъ вѣтвей; тамъ собралось великое множество жителей; мужчины, женщины, дѣти окрестныхъ деревень толпились по всей дорогѣ, усердствуя видѣть Перваго Консула. Но чрезвычайно намъ наскучила необходимость выслушивать въ каждомъ городѣ, въ каждомъ приходѣ, привѣтственныя рѣчи Начальствъ. Ты знаешь какъ это надоѣдаетъ Генералу; а онъ никогда еще не показывалъ столь веселаго вида какъ при этихъ утомительныхъ церемоніяхъ. Мы пріѣхали въ Аміенъ въ шесть часовъ вечера; повсюду прозрачныя картины и надписи; а вечеромъ общая иллюминація. На другой день мы осматривали произведенія промышлености этого Департамента. Генералъ при входѣ сказалъ извѣстнымъ тебѣ торжественнымъ голосомъ: «Я съ удовольствіемъ вижу плоды вашихъ полезныхъ трудовъ; жители Сомскаго Департамента, я доволенъ; труды обеспечиваютъ вмѣстѣ и спокойствіе общества и частное благополучіе.» Такъ расказывалъ мнѣ Дюрокъ, который не смотря на свое обыкновенное хладнокровіе, разгорячался иногда говоря о Первомъ Консулѣ, бывшемъ тогда предметомъ его удивленія, но къ которому онъ болѣе питалъ преданности, чѣмъ дружбы.

Прежде было въ обычѣ, когда Французскіе

Короли проѣзжали чрезъ древнюю столицу Пикардіи, чтобы городъ Аміенъ подносилъ имъ прекрасныхъ лебедей; этотъ обычай не пропустили возобновить, что очень понравилось Наполеону, ибо это значило поступать съ нимъ какъ съ Королемъ; и принятые лебеди были отосланы въ Парижъ для помѣщенія ихъ въ одномъ изъ Тюлієрійскихъ прудовъ, дабы Парижане видѣли Царскія почести, оказываемыя Первому Консулу внѣ столицы, къ коей онъ тогда не прилагалъ еще притяжательнаго мѣстоименія. Въ этоже путешествіе Бонапарте началъ издавать указы изъ всѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ. Желая занимать собою, и однимъ собою, онъ оставилъ въ Парижѣ множество оныхъ подписанныхъ для того чтобы даже и въ его отлучкѣ онъ присутствовалъ тамъ своими правительственными актами. До тѣхъ поръ указы издавались отъ имени *Консуловъ* Республики; тогда вмѣсто этой формы начали ставить *Правительство* Республики; съ помощью этой перемѣны, казавшейся неважною, *Правительство* было вездѣ, гдѣ находился Первый Консулъ; другимъ же двумъ Консуламъ, какъ будто сказано было что они даже и по наружности ничего не значатъ что и указы Правительства, коихъ подписаніе, въ продолженіе Маренгскаго похода было представлено Камбасерессу,— могли быть издаваемы во всѣхъ городахъ Франціи и

Бельгіи, чрезъ которые проѣзжалъ Первый Консулъ въ продолженіе его шестинедѣльной поѣздки. По присвоеніи имъ такимъ образомъ себѣ всего управленія Республики, актеры театра Республики по естественному послѣдствію дѣлались уже актерами Наполеона и очень просто было, что онъ въ первый разъ заставилъ ихъ ѣздить съ собою для того чтобы ослѣпить жителей тѣхъ городовъ гдѣ онъ останавливался, блескомъ представленій. Все это шло рядомъ съ возстановленіемъ единодержавія и не одно только это. Въ тоже время онъ отворилъ врата множеству старинныхъ обычаевъ; дозволилъ Орлеану возобновленіе праздника Дѣвственницы и раздѣлилъ Институтъ на четыре разряда, долженствовавшіе напоминать прежнюю Академію, которой однакоже онъ отринулъ названіе не смотря на желаніе и на происки Сюара и Аббата Морелле, которые въ этомъ отношеніи преклонили Луціана.

Однакожъ, учреждая это раздѣленіе, Первый Консулъ не предоставилъ разрядамъ Института тѣхъ степеней, которыя они занимали прежде, какъ Академіи. На первую степень поставилъ онъ Науки и только на вторую, прежнюю Французскую Академію. Я долженъ признаться, что судя по тому состоянію, въ которомъ находилась Литература въ сравненіи съ состояніемъ Наукъ, Первый Консулъ не былъ не правъ.

Шатобріанъ, о которомъ я буду говорить въ послѣдствіи и о которомъ Бонапарте часто со мною разговаривалъ, только что появился тогда на поприщѣ литературы, на которомъ онъ долженствовалъ сдѣлать столько успѣховъ; и хотя во Французской словесности были люди съ большими талантами, какъ-то Ла Гарпъ, умершій при Консульствѣ, Дюсисъ, Бернарденъ де Сен-Пьерръ, Шенье и Лемерсье, но ихъ нельзя было равнять съ Лагранжами, Лапласами, Монжами, Фуркруа, Бертолетами и Кювье, коихъ труды столь значительно отодвинули границы человѣческихъ познаній. Посему никто не роптал на то, что разрядъ Наукъ Института взялъ первенство предъ старшимъ своимъ братомъ. Притомъ же Первый Консулъ не былъ недоволенъ тѣмъ, что поступая такимъ образомъ, онъ обнаруживаетъ свое малое уваженіе къ Литераторамъ. Разговаривая о нихъ со мною, онъ называлъ ихъ пустословами; онъ не могъ простить имъ превосходства ихъ въ такомъ родѣ, въ которомъ самъ онъ вовсе не отличался и кромѣ нѣсколькихъ особенныхъ случаевъ, я никогда не зналъ человѣка, болѣе нечувствительнаго какъ Бонапарте къ прекраснымъ стихамъ или къ прозѣ. По неопредѣленности, царствовавшей въ умѣ его, по всегдашней энергіи его характера и пожеланію относить все къ себѣ,—онъ любилъ мрачность Оссіановой поэзіи и высо-

кія мысли Корнеля. Отсюда произошло его, почти исключительное предубѣжденіе къ этимъ двумъ авторамъ. Впрочемъ, лучшія произведенія нашей литературы казались ему только наборомъ звучныхъ словъ, не имѣющихъ смысла и которыя по его мнѣнію, дѣйствовали на одинъ только слухъ.

Пренебреженіе, или лучше сказать отвращеніе Бонапарте къ Литературѣ, въ особенности относились къ нѣкоторымъ людямъ, успѣшно ею занимавшимся; онъ ненавидѣлъ Шенье, а еще того болѣе Дюсиса. Онъ не могъ простить Шенье Республиканскія правила, наполнявшія его трагедіи; а Дюсисъ невольнымъ образомъ возбуждалъ въ немъ ненависть. Впрочемъ и Дюсисъ исправно платилъ ему тѣмъ же и я помню что онъ написалъ стихи, непростительно наглые, потому что они выходили изъ всякихъ границъ истины. Бонапарте представлялъ собою такую странную смѣсь добра и зла, что ограничась изображеніемъ его въ одномъ только изъ этихъ видовъ, ему можно было написать похвалу или сатиру, не имѣя надобности выходить изъ предѣловъ правды. Изъ сочиненій Бернардена де Сен-Пьерра, Бонапарте очень любилъ романъ *Павелъ и Виргинія* потому что онъ читалъ его въ дѣтствѣ. Я помню что однажды, взявъ почитать *Изученія Природы* (Les Etudes de la Nature), онъ черезъ четверть часа

съ досадою бросилъ книгу и сказалъ мнѣ: «Какъ можно читать такой вздоръ! это плоско, безъ смысла; тутъ ничего нѣтъ; это бредни мечтателя! Что такое есть Природа?... Природа!... Это неопредѣлительно, ничего не означаетъ. Люди и страсти, вотъ это другое дѣло; вотъ что должно описывать; это что нибудь говоритъ; такiе люди ни къ чему не годятся ни при какомъ Правительствѣ! Я однакожъ дамъ имъ пансiоны потому что я обязанъ къ тому какъ Глава Правительства; они занимаютъ, они забавляютъ праздныхъ; но я сдѣлаю Лагранжа Сенаторомъ; вотъ это голова!»

Изъ того что Бонапарте съ такимъ пренебреженiемъ отзывался о литераторахъ, не должно заключать что онъ дурно поступалъ съ ними; напротивъ того, онъ очень ласково обходился со всѣми, которые были принимаемы въ Мальмезонѣ. Г. Лемерсье чаще прочихъ ѣздилъ и Г-жа Бонапарте видѣла его съ наибольшимъ удовольствiемъ. Что касается до Наполеона, то онъ оказывалъ Лемерсье много ласкъ; но не любилъ его. Качество литератора, поэта, соединенное съ республиканскимъ духомъ, было болѣе чѣмъ достаточно для объясненiя непрiязни Наполеона. Онъ боялся Лемерсье и пера его и Глава Правительства, что съ нимъ неоднократно случалось, игралъ ролю царедворца льстя писателю; а ужъ конечно онъ не

сталъ бы дѣлать съ нимъ столько околичностей, еслибъ онъ могъ надѣяться включить Г-на Лемерсье въ число тѣхъ поэтовъ, которые отъ времени до времени являлись къ Фуше, а послѣ того къ Герцогу Ровиго получать награды по пятидесяти и по сту луйдоровъ, изъ которыхъ не выходило и по ефимку за каждую подлость. Были изъ нихъ даже такіе, которые воспѣли Московскій пожаръ, какъ прекраснѣйшее дѣло Русскаго похода.

Г. Лемерсье одинъ только изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ отказался отъ креста Почетнаго Легіона. Я видѣлъ его въ эту эпоху и помню что онъ прочиталъ мнѣ письмо, при которомъ былъ возвращенъ крестъ. Это письмо было благородно, просто и выразительно. Еслибъ у меня осталась съ него копія, то она конечно была бы помѣщена въ этихъ Запискахъ; но находясь теперь въ удаленіи отъ Парижа, я не имѣю никакихъ средствъ достать ее; будучи принужденъ такъ часто говорить о наушникахъ Бонапарте,—я за большое считаю удовольствіе произносить иногда такія имена, къ коимъ относятся одни только почетныя воспоминанія.

Я объяснилъ общую непріязнь, ощущаемую Наполеономъ ко всѣмъ литераторамъ. Это было у него менѣе слѣдствіемъ предубѣжденія, чѣмъ потребностью его характера. Нужно время для того чтобы оцѣнивать, для того чтобы

только читать литературныя произведенія; а время было столь для него дорого, что онъ бы желалъ такъ сказать сократить даже прямую линію; а потому онъ и любилъ только тѣхъ людей, которые занимались вещами положительными, точными, заключающимися въ кругу, въ который никакъ нельзя было ввести никакой хулы на счетъ управленія, никакихъ мыслей о Правительствѣ. Онъ очень неблагопріятно смотрѣлъ на экономистовъ, на публицистовъ и на всѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ занимались законодательствомъ, учрежденіями и нравственными усовершенствованіями. Ненависть, которую внушали ему этого рода занятія, очень ознаменовалась при раздѣленіи Института, мною упомянутомъ. Дозволивъ одному литературному сословію собраться по прежнему въ числѣ сорока, онъ уничтожилъ разрядъ нравственныхъ и политическихъ наукъ. Бонапарте продолжалъ считаться въ первомъ разрядѣ, а Луціанъ вступилъ во второй. Какъ бы то ни было, а судя по сказанному мною и вспомнивъ какого рода были труды людей того времени, можно было составить списокъ тѣхъ, которые пользовались пріязнью Бонапарте или къ коимъ онъ питалъ ненависть; въ особенности же не должно вѣрить истинѣ расположенія, которое выгоды часто заставляли его показывать людямъ, имъ нелю-

бимымъ. Склонность его къ положительнымъ венцамъ такъ была сильна, что даже и въ наукахъ, онъ любилъ только то что относилось къ землѣ; а посему онъ никогда не оказывалъ Лаланду такого же отличія какъ Монжу и Лагранжу. Астрономическія открытія не могли непосредственно прибавить его собственнаго величія; а притомъ онъ никогда не могъ простить Лаланду того что онъ хотѣлъ помѣстить его въ свой Словарь безбожниковъ въ ту самую минуту, какъ онъ завелъ переговоры съ Римскимъ Дворомъ.

Бонапарте хотѣлъ быть единственнымъ средоточіемъ міра, къ управленію коимъ, онъ считалъ себя предназначеннымъ; вотъ почему онъ никогда не переставалъ заботиться о томъ чтобы отдать всѣ учрежденія въ руки главы Государства. Доказательство сему можно было видѣть при возстановленіи общественнаго просвѣщенія. Онъ хотѣлъ чтобы на счетъ Правительства было содержимо шесть тысячъ воспитанниковъ и чтобы ему предоставлялось назначеніе на всѣ эти мѣста, дабы такимъ образомъ, имѣя у себя въ исключительномъ распоряженіи способы воспитанія, онъ бы доставлялъ ихъ дѣтямъ только тѣхъ людей, которые показали бы ему слѣпую преданность. Вотъ что Первый Консулъ называлъ возстановленіемъ общественнаго воспитанія. Въ то время какъ я находился въ самыхъ короткихъ съ нимъ сношеніяхъ, онъ ча-

сто говорилъ мнѣ объ этомъ предметѣ и безъ нетерпѣнія слушалъ мои замѣчанія; я помню что однимъ изъ главныхъ его доводовъ было: «Что отличаетъ людей? воспитание, неправда ли. Итакъ! если дѣти Дворянъ будутъ принимаемы въ Лицеи, то они получатъ такое же воспитаніе какъ дѣти новыхъ людей, составляющихъ силу моего Правительства; наконецъ они вступятъ Офицерами въ полки мои и естественнымъ образомъ войдутъ въ соперничество съ тѣми, которыхъ они считаютъ ограбившими ихъ семейства. Я не хочу этого!»

Воспоминанія мои отдалили меня нѣсколько отъ того, что я говорилъ о путешествіи Перваго Консула съ Г-жею Бонапарте къ Сѣвернымъ берегамъ и въ Бельгію; и какъ я при ономъ не находился, то лучше желаю что нибудь пропустить, чѣмъ написать такія вещи, въ точности коихъ я не увѣренъ. Помню только, что сопутствовавшіе Наполеону военные, въ особенности Лористонъ и Раппъ, разсказывая мнѣ объ этомъ путешествіи, не могли не обнаружить неудовольствія своего за отличія, которыя Бонапарте оказывалъ духовенству; напримѣръ Г-ну Рокелору, бывшему тогда Архіепископомъ Малинскимъ. Этотъ Прелатъ, человѣкъ съ большимъ умомъ и слывшій въ своей молодости очень свѣтскимъ Аббатомъ, сдѣлался духовнымъ царедворцемъ. Пріѣхавъ въ Ант-

верпенъ для засвидѣтельствованія своего почтенія Первому Консулу, онъ не поскупился осыпать его самыми преувеличенными похвалами; послѣ чего, обратясь къ Г-жѣ Бонапарте, онъ сказалъ ей:

«Милостивѣйшая Государыня,

«Соединясь съ Первымъ Консуломъ *священ-«ными узами святаго союза,* вы находитесь «нынѣ окруженною его славою. Вы пріобрѣли «право на это положеніе пріятностями вашего «ума, любезностью вашего характера и преле-«стью вашего общества. Продолжайте, милости-«вѣйшая Государыня обладать этими привлека-«тельными качествами, дарованными вамъ тѣмъ, «отъ кого нисходитъ всякая благодать; они бу-«дутъ для вашего Августѣйшаго супруга пріят-«нымъ отдохновеніемъ отъ обширныхъ и тяж-«кихъ трудовъ, подъемлемыхъ имъ ежедневно «изъ любви къ отечеству. Если наши мольбы «и обѣты утвердятъ вашу взаимную судьбину, «то вы осчастливите другъ друга и мы также «будемъ счастливы вашимъ взаимнымъ благо-«получіемъ.»

Я подчеркнулъ нѣкоторыя слова этой краткой рѣчи, гдѣ духовное поученіе чрезвычайно какъ хорошо соединено со свѣтскими привѣтствіями; не слишкомъ ли нарушены духовныя приличія тѣмъ что тутъ упомянуто о *священныхъ узахъ святаго союза* тогда какъ всѣмъ

было извѣстно, что эти узы и союзъ существовали только по гражданскому договору? или Г. Рокелоръ сказалъ это съ умысломъ, дабы заставить супруговъ сдѣлать то, съ чѣмъ онъ поздравлялъ ихъ, какъ будто бы они сiе уже исполнили? Пусть выберутъ, которое угодно изъ этихъ предположенiй, я не вступлюсь ни за то, ни за другое; но какъ бы то ни было а эта подслащенная рѣчь прiобрѣла Г. Рокелору благоволенiе Перваго Консула, который вскорѣ послѣ того помѣстилъ его во второй разрядъ Института.

Первый Консулъ возвратился въ Сен-Клу 12 Августа. Возвращенiе его было поводомъ къ новымъ поздравленiямъ и къ новымъ адресамъ, въ коихъ выраженiя лести не только не истощились, но казалось сдѣлали новые успѣхи. Расточаемыя ему ласкательства сдѣлали уже его столь взыскательнымъ въ этомъ родѣ поклоненiя, что онъ изъявилъ свое неудовольствiе за то что адресъ Префекта Герольтскаго Департамента былъ написанъ совокупно къ тремъ Консуламъ, а не къ одному Первому Консулу.— Что касается до меня то я продолжалъ жить очень уединенно не видавъ Бонапарте послѣ нашей разлуки; но приближалась минута, когда мы должествовали имѣть свиданiе, какъ то увидятъ въ слѣдующей главѣ.

++

ГЛАВА XVIII.

Тампль и подозрительные. — Козноди Европы. — Война товарамъ. — Строгія мѣры. — Приступъ къ Континентальной системѣ. — Бомбардированіе Гранвиля. — Отрѣшеніе двухъ помощниковъ Мера. — Я позванъ къ Первому Консулу. — Страхъ свиданія. — Неоправдавшаяся боязнь. — Первыя слова Наполеона. — Любезность его со мною. — Вопросы. — Отзывъ Бонапарте о мнимомъ замыслѣ высадки въ Англію. — Обманутая Европа. — Корабли, построенные отъ городовъ. — Флотилія.— Англійскія карикатуры. — Тайна отъ Раппа и Дюрока. — Французскіе матросы.

Прошло уже то время, когда Бонапарте, недавно сдѣлавшійся Консуломъ, ѣздилъ въ Тампль съ тѣмъ чтобы непосредственною своею властью немедленно освободить жертвы закона о подозрительныхъ. Вскорѣ эта Государственная

темница долженствовала наполниться по приказанiямъ его Полицiи. Всѣ Европейскiе козндѣи были въ движенiи; они всякой день прiѣзжали изъ Англiи и не въ состоянiи будучи проникнуть во внутренность Францiи, жили въ городахъ, близкихъ къ границамъ, заводя оттуда переписку и распространяя бранныя сочиненiя, которыя они пересылали въ Парижъ чрезъ почту въ видѣ писемъ.

Съ другой стороны Первый Консулъ, видя повсюду дѣйствiя Англiи, неограниченно предавался естественной раздражительности, которую внушала ему эта Держава со времени объявленiя войны; ему извѣстно было что дѣйствительнѣе всего онъ могъ воевать противъ Англичанъ, объявивъ войну ихъ товарамъ.

Для приступа къ Континентальной системѣ, Первый Консулъ повелѣлъ принять всѣ возможныя стѣснительныя мѣры противъ ввоза Англiйскихъ товаровъ и издалъ на этотъ предметъ длинный указъ, коимъ предписывалось всѣмъ военнымъ постамъ, жандармамъ, служащей народной Гвардiи и всѣмъ вообще чиновникамъ брать подъ стражу всѣхъ людей, которые будутъ ввозить предметы Англiйскаго издѣлiя или торговли, будутъ продавать или складывать ихъ во внутренности Францiи или покусятся провозить запрещенные товары. Обличенные долженствовали немедленно быть заклю-

чаемы въ ближайшія тюрьмы. Тѣ, которые употребять силу для провезенія товаровъ, подвергнутся сужденію особыхъ судовъ а извѣстно какъ рѣшали тогда дѣла эти особые суды; словомъ сказать Бонапарте собралъ въ этомъ указѣ все, что законы могли допустить наиболѣе строгаго.

Я въ послѣдствіи буду говорить о Континентальной Системѣ, и опишу причины оной и послѣдствія, которыя я видѣлъ и могъ надлежащимъ образомъ оцѣнить; теперь это значило бы напередъ говорить о эпохѣ пребыванія моего въ Гамбургѣ гдѣ я видѣлъ вещи не менѣе любопытныя и не болѣе извѣстныя какъ и тѣ, которыя произошли при моихъ глазахъ въ кабинетѣ Наполеона. Еслибъ это не сочли притязаніемъ, то я могъ бы сказать что видѣвъ прежде точку откуда бомбы были пускаемы,—чрезъ данное мнѣ порученіе я получилъ возможность видѣть также мѣста гдѣ бомбы разрывались и судить о дѣйствіи, производимомъ ихъ разрывомъ.

Первый Консулъ не безъ причины предавался раздражительности противъ Англичанъ; извѣстія, получаемыя въ Парижѣ съ Сѣверныхъ береговъ, не очень его успокоивали; Англійскіе флоты, не только содержали въ блокадѣ порты Франціи, но открыли наступательныя дѣйствія бомбардированіемъ Гранвиля. Меръ этого города исполнилъ долгъ свой; но помощники

его, *болѣе осторожные*, поступили инымъ образомъ и Бонапарте, въ пылу своего гнѣва, издалъ слѣдующій указъ:

Статья 1-я. Почетный шарфъ будетъ данъ Гражданину Летурнёру, Гранвильскому Меру за отличное поведеніе его во время бомбардированія.

Статья 2-я. Граждане Буанель-Дюбюиссонъ и Маліаръ, оба помощники Мера, изъ коихъ одинъ удалился въ деревню а другой подалъ въ отставку въ то время какъ предъ городомъ находился непріятель, отрѣшаются отъ должностей своихъ; ибо трусы не могутъ оставаться начальниками такой Думы, какъ Гранвильская.»

Выраженія этого указа были нѣсколько суровы, но они оправдывались поведеніемъ тѣхъ, которые оставили мѣста свои въ опасную минуту.

Я дошелъ теперь до вопроса о высадкѣ въ Англію и сообщу что говорилъ мнѣ объ этомъ предметѣ Первый Консулъ.

Я сказалъ что Бонапарте никогда не имѣлъ мысли привесть въ исполненіе высадку въ Англію: истина этого показанія обнаружится изъ разговора, который я имѣлъ съ нимъ по возвращеніи его изъ поѣздки къ Сѣвернымъ берегамъ, и я долженъ сказать что въ этомъ разговорѣ онъ объяснился согласно съ тѣмъ, какъ онъ прежде говорилъ мнѣ о своихъ замыслахъ

и о возможныхъ вещахъ, къ коимъ судьба могла его принудить.

Прошло около семи мѣсяцевъ со времени разрыва Аміенскаго мира, когда, 15 Декабря 1803 года, Первый Консулъ приказалъ позвать меня въ Тюліери. Я еще очень помнилъ его невѣроятный со мною поступокъ, и какъ притомъ прошло уже болѣе года съ тѣхъ поръ какъ мы съ нимъ не видались, то признаюсь, что я не очень былъ покоенъ. Мнѣ позволительно было, послѣ всѣхъ подлостей враговъ моихъ, страшиться дѣйствія какой нибудь новой клеветы, въ особенности когда ненависть ихъ была на минуту встревожена изъявленнымъ Наполеономъ въ Булони желаніемъ возвратить меня къ себѣ. Притомъ же онъ зналъ, что у меня находились бумаги и матеріялы, съ помощью коихъ я могъ написать его исторію, основанную на истинныхъ событіяхъ и могщую разсѣять ослѣпленіе, въ коемъ поклонники его старались содержать публику даже послѣ его смерти. Я сказалъ уже что тогда я не имѣлъ этого намѣренія, но тѣ которые безпрестанно старались раздражать его противъ меня, очень были способны внушить ему это опасеніе. Какъ бы то ни было, а я очень боялся чтобы онъ не вздумалъ послать меня ночевать въ Венсеннъ. Я долженъ однакоже признаться, что страхъ мой былъ совершенно мнимый; въ тотъ день, когда меня

позвали, Рапп был дежурным и я не скрыл от него питаемых мною мыслей о возможных последствiях моего посѣщенiя. «Ты можешь быть спокоен,» сказал мнѣ Рапп, «Первый Консул хочет поговорить с тобою;» и потом доложил обо мнѣ.

Бонапарте вышел в большую залу, гдѣ я его дожидался и самым ласковым образом подошел ко мнѣ. Послѣ своих обыкновенных шуток он сказал мнѣ: «Ну что говорят зѣваки о моих приготовленiях к высадкѣ? — Генерал, на этот счет мнѣнiя очень различны: всякой толкует по своему. Сюшет например, с которым я довольно часто видаюсь, не сомнѣвается в том что она будет произведена и надѣется при этом случаѣ представить вам новое доказательство своей признательности и преданности. — (*) Но Сюшет сказывал мнѣ что ты не вѣришь этой высадкѣ.?—Правда что я вовсе ей не вѣрю.— От чего же?. — От того что вы мнѣ говорили в Антверпенѣ пять лѣт тому назад, что вы не хотите играть Францiею в кости; что эта попытка слишком опасна; а с тѣх пор, в этом отношенiи ничто не перемѣнилось. —Так точно, ты прав; очень глупы тѣ, ко-

---

(*) Генерал Сюшет отправился в 1804 году начальствовать Дивизiею в Булонском лагерѣ.

торые вѣрятъ высадкѣ. Они не съ настоящей стороны смотрятъ на эту вещь. Я конечно могу сдѣлать высадку со ста тысячами человѣкъ Непріятель дастъ мнѣ большое сраженіе: я выиграю его: но надобно положить тысячъ тридцать убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ. Если я пойду къ Лондону, то меня ожидаетъ второе сраженіе: предположивъ что и оно будетъ удачно, что дѣлать въ Лондонѣ съ арміею, уменьшенною тремя четвертями и безъ надежды на подкрѣпленіе? это была бы глупость. Пока мы не достигнемъ превосходства нашимъ флотомъ, никогда не должно и помышлять о такомъ замыслѣ. Великій сборъ войскъ на Сѣверѣ имѣетъ другую цѣль. Надобно, чтобы мое Правительство было первымъ или чтобъ оно пало.» (*)

(*) Наполеонъ разсуждалъ на островѣ Св. Елены съ Г. Ласъ-Казомъ объ этомъ вторженіи; онъ сказалъ совсѣмъ не то что мною приведено. Онъ говорилъ только объ общемъ сраженіи, которое рѣшило бы жребій Англіи. *Я бы вступилъ туда не завоевателемъ,«* говоритъ онъ еще на островѣ Св. Елены *«но освободителемъ.* — Освободителемъ, — чего? Бонапарте лучше всякаго другаго зналъ какъ трудно покорить Государство сильное, могущественное и согласное; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ притворныхъ приготовленій противъ Англіи, онъ увидѣвъ доказательство этой истины, начертанное кровавыми буквами въ Испаніи. Совокупленіе естественныхъ причинъ всегда производитъ гибель вторгнувшейся арміи: сила вещей того требуетъ. Конечно

И такъ Бонапарте весьма очевидно хотѣлъ обмануть весь свѣтъ на счетъ своихъ настоящихъ замысловъ и успѣлъ въ томъ. Онъ желалъ чтобы повѣрили намѣренiю высадки въ Англiю дабы обратить вниманiе Европы въ эту сторону; и это можно причислить къ искуснѣйшимъ дѣйствiямъ его политики; для сего были сдѣланы всѣ приготовленiя лѣтомъ 1803 года. Въ продолженiе поѣздки своей на Сѣверъ, въ Дюнкирхенѣ разсмотрѣлъ онъ всѣ проэкты улучшенiя различныхъ портовъ, имъ посѣщенныхъ. Тамъ онъ старался притвориться будто бы хочетъ сдѣлать высадку, громко говоря о дальнѣйшихъ своихъ видахъ на Англiю и самые прозорливые люди дались въ обманъ.

Изъ Дюнкирхена Первый Консулъ отправился въ Антверпенъ, куда онъ также созвалъ самыхъ опытныхъ людей, дабы узнать ихъ мнѣнiе о вѣрнѣйшемъ способѣ произведенiя высадки, которая никогда не долженствовала свершиться. Послѣ долгихъ пренiй, отмѣнили употребленiе для сего большихъ кораблей и рѣ-

---

для забавы Бонапарте сказалъ на островѣ Св. Элены что четырехъ дней было бы достаточно для того чтобы дойти до Лондона и что природа сдѣлала Англiю однимъ изъ нашихъ острововъ, подобно Олерону и Корсикѣ. Я пробылъ съ Первымъ Консуломъ полтора часа и въ это время, онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова, согласнаго съ показанiями его на островѣ Св. Элены.

шились приготовить флотилію; въ слѣдствіе чего и приказанія были отданы. Города предложили построить на свой счетъ корабли, что однакожъ не исполнилось; даже въ самомъ Парижѣ настроили судовъ, предназначенныхъ для перевезенія войскъ въ Англію, но которымъ не суждено было когда либо увидѣть берега Великобританскаго острова. Это множество лодокъ и плоскодонныхъ судовъ, только что начатыхъ или совершенно оконченныхъ ни къ чему не послужило (*).

Я внимательно наблюдалъ за этою безплодною попыткою ибо послѣ моей большой работы, я совершенно оставался на досугѣ. Я помню что она служила общимъ предметомъ насмѣшекъ и я вмѣстѣ съ прочими убѣдился въ томъ, что трудно было придумать вещь столь дорогую, столь безполезную и столь странную. Въ эту эпоху очень напрасно осуждали Моро за то, что онъ не вступилъ въ службу въ Булонскомъ лагерѣ. Я отъ него зналъ что онъ не вѣрилъ успѣху этого пред-

(*) Въ Лондонѣ явилась тогда карикатура, которая была послана въ Парижъ и тщательно отбираема Полиціею. Первый Консулъ видѣлъ ее и очень разсердился. Французскій флотъ былъ на ней изображенъ множествомъ орѣховыхъ скорлупъ; Англійскій матросъ, сидя на скалѣ, спокойно курилъ трубку, которой дымъ погонялъ всю эскадру.

прiятiя, которому онъ приписывалъ другiе виды. Это была война вторженiя.

Осмотрѣвъ Бельгiю и отдавъ всѣ приказанiя, Первый Консулъ возвратился изъ Брюсселя въ Парижъ чрезъ Мастрихтъ, Литтихъ и Суассонъ.

Всѣмъ извѣстно расположенiе Булонскаго лагеря, который простирался отъ Этапля до Бланкенберга, плохой рыбачьей гавани, находящейся въ четырехъ миляхъ къ Сѣверу отъ Остенде.

Невѣроятная дѣятельность, обнаруженная Первымъ Консуломъ въ продолженiе всего этого года, заслуживала особенное замѣчанiе. Дюрокъ и Рапъ, которые съ нимъ не разставались и съ которыми я продолжалъ дружески видаться, говорили мнѣ объ оной съ восторгомъ; но изъ словъ ихъ я увидѣлъ, что и имъ самимъ Бонапарте не открылъ тайну высадки; ибо они твердо въ ней были увѣрены. Однакожъ достаточно было разсудить только о настоящемъ состоянiи флота для того чтобы почувствовать всю невозможность оной; ибо если солдатъ и можно наскоро приготовить, но съ матросами совсѣмъ дѣло иное, а небольшое число опытныхъ мореходцевъ отправилось для вступленiя во владѣнiе частичками колонiй, которыя были намъ возвращены Амiенскимъ ми-

ромъ. Удаленіе ихъ было вдвойнѣ несчастливо: вопервыхъ потому что они были бы нужны для обороны береговъ, а во вторыхъ потому что кораблямъ нашимъ, разсѣяннымъ по морямъ, казалось предназначено было сдѣлаться добычею Англичанъ.

++

ГЛАВА XIX.

Скрытные ковы. — Фонъ-Борель.—Намѣреніе помирить Моро съ Пишегрю.—Пренебреженіе Наполеона. — Разница въ положеніи между Моро и Пишегрю.—Необходимое вступленіе.—Великое дѣло при концѣ Консульства. — Планъ и дѣйствія Фуше.—Мои сношенія съ Фуше. — Пророческія рѣчи.—Аббатъ Давидъ и Лажоле.—Порученіе въ Лондонъ. —Записка Фуше Первому Консулу.—Воздухъ, наполненный кинжалами. — Отъѣздъ въ Пон-Карре и скорый призывъ Фуше въ Тюлізри. — Ренье, обманутый своими агентами.—Я позванъ къ Первому Консулу.—Негодованіе Наполеона на слухи, распространенные о Гортензіи. — Истина на счетъ этой клеветы.—Обѣщапіе мое Первому Консулу. — Странное открытіе. — Братья Фоше.—Смерть ихъ.—Письмо предъ смертью. — Большой выходъ.—Разговоръ съ Дюрокомъ. — Заблужденіе Дюрока па счетъ Моро.

Еще прежде призыва меня въ Тюліери, мною описаннаго и даже до разрыва Аміенскаго мира,

пронырливые люди, коихъ избытокъ усердія не менѣе былъ пагубенъ дѣлу Бурбоновъ, какъ и Первому Консулу слѣпая преданность его раболѣпныхъ — слугъ, начали устроивать скрытные ковы, не могшія имѣть никакихъ благопріятныхъ послѣдствій. Между этими затѣйщиками мелкихъ козней, съ давняго времени въ особенности отличался бывшій Нёшательскій книгопродавецъ по имени Фошъ-Борель, о которомъ я имѣлъ уже случай говорить въ первой части моихъ Записокъ при описаніи порученія, даннаго ему отъ имени Принца Конде къ Генералу Пишегрю. Фошъ-Борель, коего цѣлью было всегдашнее движеніе и который только того и желалъ чтобъ быть на виду и получать деньги, не пропустилъ пріѣхать во Францію какъ только Аміенскій договоръ открылъ ему въ оную въѣздъ. Я находился еще при Бонапарте, который зналъ всѣ эти мелочныя козни и самъ вовсе объ нихъ не заботился, предоставляя своей Полиціи наблюдать за зачинщиками оныхъ.

Порученность Фошъ-Бореля имѣла цѣлью примиреніе Моро съ Пишегрю; Генералъ сей, сосланный осмнадцатаго Фруктидора, не могъ выпросить себѣ у Перваго Консула дозволенія возвратиться во Францію; онъ жилъ въ Англіи ожидая благопріятнаго случая къ исполненію своихъ давнишнихъ замысловъ. Моро

былъ въ Парижѣ, но никогда не являлся на аудіенціи и въ собранія Перваго Консула; и неприязнь къ Наполеону, Генераломъ Пишегрю объявленная, а Генераломъ Моро еще скрываемая, ни для кого не была уже тайною; но какъ все улыбалось Первому Консулу, то онъ болѣе показывалъ пренебреженія, чѣмъ боязни къ нерасположенію этихъ двухъ Генераловъ, будучи впрочемъ обеспечиваемъ удаленіемъ одного изъ нихъ и характеромъ другаго. Имя Моро имѣло гораздо болѣе вѣсу въ арміи чѣмъ имя Пишегрю и замышлявшіе ниспровергнуть Консульское Правленіе очень понимали что нельзя ни въ чемъ надѣяться успѣха безъ содѣйствія Моро. Минута не была благопріятна; но, посвященные въ нѣкоторыя тайны Британскаго кабинета, они знали что миръ былъ не что иное какъ перемиріе и для нихъ важно было воспользоваться этимъ перемиріемъ дабы заблаговременно устроить примиреніе, которое могло въ послѣдствіи произвесть общность выгодъ. Моро и Пишегрю дѣйствительно были между собою въ размолвкѣ, съ тѣхъ поръ какъ Моро отослалъ Директоріи бумаги, захваченныя въ обозѣ Г. Клинглина и столь очевидно доказавшія измѣну Пишегрю. Съ этой эпохи, имя Пишегрю не имѣло болѣе вліянія на духъ арміи, въ коей у него оставалось уже очень мало приверженцевъ, между тѣмъ какъ

имя Моро было любезно всѣмъ тѣмъ, которые побѣждали подъ его предводительствомъ.

Попытки Фошъ-Бореля только причинили вредъ Моро не склонивъ его ни къ чему; врожденная его беспечность а можетъ быть и здравый смыслъ внушили ему правило что должно давать людямъ и вещамъ время пообноситься ибо часто выжиданіе въ политикѣ не менѣе полезно какъ и на войнѣ. Притомъ же Моро былъ искренній Республиканецъ и еслибъ нерѣшительность его позволила ему пристать къ какой либо партіи, то нѣтъ никакого сомнѣнія что онъ не сталъ бы трудиться для возстановленія Бурбоновъ, коего хотѣлъ Пишегрю.

Сказанное мною можетъ быть сочтено какъ бы необходимымъ вступленіемъ къ կознямъ, болѣе важнымъ, предшествовавшимъ великому дѣлу въ концѣ Консульства, т. е. къ заговору Жоржа Кадудалл, Моро и Пишегрю и къ неизгладимому пятну Наполеоновой жизни,— къ смерти Герцога Ангенскаго. О заговорѣ Жоржа изложено много мнѣній; не хочу ни которому изъ нихъ противорѣчить; скажу только что я узналъ и что я видѣлъ, дабы озарить нѣкоторымъ свѣтомъ это ужасное и таинственное дѣло. Я далекъ отъ того чтобы вѣрить, какъ писано во многихъ сочиненіяхъ, будто бы онъ былъ устроенъ съ тѣмъ чтобы приготовить Первому Консулу дорогу къ престолу. Я пола-

гаю что заговоръ сей, составленный тѣми которые находили въ немъ свои выгоды, былъ вспомоществуемъ отставнымъ Министромъ Полиціи Фуше, который надѣялся этимъ проложить себѣ путь къ полученію вновь этой должности. Не оспориваю ничьего мнѣнія; но да позволено мнѣ будетъ представить мое собственное и привести въ подтвержденіе онаго нѣкоторыя сближенія обстоятельствъ.

Фуше хорошо зналъ Перваго Консула. Онъ не забылъ сказаннаго имъ Сенату въ письмѣ 15 Сентября 1802 года. *Помѣщенный въ лоно Сената, если иныя обстоятельства потребуютъ опять Министра Полиціи, то Правительство не найдетъ другаго, болѣе достойнаго его довѣренности.* Фуше, по моему мнѣнію благопріятствовалъ возрожденію *этихъ обстоятельствъ.* Сказанное мною въ моихъ Запискахъ о Полиціи, много объяснитъ темныя сцены этой трагедіи.

Ежедневныя и принужденныя сношенія, которыя *я* имѣлъ съ Фуше въ продолженіе почти трехъ лѣтъ до уничтоженія его Министерства, были поводомъ къ частымъ моимъ съ нимъ свиданіямъ тогда какъ онъ находился въ Сенатѣ, а *я* въ толпѣ. *Я* бывалъ у него въ помѣстьѣ его Понкарре и въ городѣ, въ Бакской улицѣ, гдѣ онъ занималъ тотъ самый домъ, который служилъ мѣстомъ сборища именитѣй-

нихъ лицъ Революціи. Въ разговорахъ своихъ Фуше часто твердилъ мнѣ съ увѣренностью, которой я не могъ себѣ объяснить что Первый Консулъ опять къ нему обратится. Онъ нисколько въ этомъ не сомнѣвался. «Ренье,» говорилъ онъ, «слишкомъ охотникъ распространять вѣсти и слишкомъ глупъ для управленія Полицію; онъ введетъ Перваго Консула въ какія нибудь сѣти.»

Признаюсь что я не считалъ слишкомъ важными этихъ рѣчей. Я приписывалъ ихъ чувству тщеславія, сильному желанію опять получить прежнее мѣсто и высокому мнѣнію о своихъ способностяхъ, которое публика часто ободряла своими преувеличенными похвалами. Съ другой стороны я очень хорошо зналъ отвращеніе къ нему Перваго Консула и часто былъ онаго свидѣтелемъ; у меня еще въ свѣжей памяти была радость Перваго Консула тогда какъ наконецъ онъ рѣшился избавиться отъ Фуше и не перемѣнивъ Министра другимъ, какъ выше сказано, а уничтоживъ Министерство.

Фуше не терялъ изъ вида родъ обязательства Перваго Консула, хотя это обязательство и было только условное—ибо, если онъ любилъ власть, то еще болѣе любилъ богатство; а управленіе Министерствомъ щедро доставляло ему чрезъ игры и другіе скрытные сборы, средства удовлетворять своимъ расходамъ и значительнымъ

пріобрѣтеніямъ земель въ Бри; читатели видѣли что эти пріобрѣтенія не достигли еще предѣла, предположеннаго его честолюбіемъ. Онъ все еще имѣлъ сосѣдовъ, которые его безпокоили.

Дабы подтвердить мнѣніе мое о поведеніи Фуше и о его усиліяхъ попасть опять въ Министры, мнѣ бы слѣдовало прежде всего напомнить что въ концѣ 1803 года, нѣкоторые люди вознамѣрились помирить Моро съ Пишегрю; Фуше, отставленный изъ Министровъ, подсылалъ къ Моро людей своей партіи и его земляковъ, подстрекаемыхъ можетъ быть вовсе безъ ихъ вѣдома искуснымъ Фуше къ употребленію ихъ вліянія на умъ его и къ его раздраженію. Сначала къ этому употребили Аббата Давида, общаго пріятеля Моро и Пишегрю, которому было поручено ихъ помирить; но по задержаніи его и по заключеніи въ Тампль, мѣсто его заступилъ Лажоле, по всѣмъ вѣроятностямъ подосланный отъ Фуше; онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ началъ устроивать разныя козни. Этотъ человѣкъ приготовилъ отъѣздъ изъ Лондона Пишегрю и друзей его и возвратился въ Парижъ для того чтобы возвѣстить о ихъ пріѣздѣ и устроить все для ихъ принятія и погубленія. Основаніемъ этого кова было неудовольствіе Моро. Я помню что однажды, въ концѣ Генваря 1804 года, я отправился къ Фуше въ Баккую улицу около двухъ часовъ; карета

его была заложена и самъ онъ находился одинъ у себя въ кабинетѣ, сбираясь запечатать, написанное имъ въ эту самую минуту письмо къ Первому Консулу въ Сен-Клу. Онъ прочиталъ мнѣ это письмо, которое было не длинно и оканчивалось слѣдующими словами, очень меня поразившими: *воздухъ наполненъ кинжалами.* Предшествовавшее онымъ было нѣсколько темно; но вело къ этому заключенію, столь же неопредѣлительному, какъ и страшному. Въ припискѣ было сказано: *Я ѣду въ Пон-Карре.* «Какъ,» спросилъ я у него, «воздухъ наполненъ кинжалами, а вы оставляете Парижъ не съѣздивъ въ Сен-Клу для объясненія съ Первымъ Консуломъ?—Я думалъ что вы лучше его знаете: я посылаю письмо мое съ нарочнымъ; я не пробуду и часа въ Пон-Карре какъ получу приказаніе пріѣхать въ Сен-Клу. Приходите ко мнѣ завтра: мы потолкуемъ.» Фуше отправилъ письмо свое и сѣлъ въ карету. Я увидѣлся съ нимъ на другой день: онъ сказалъ мнѣ что онъ справедливо предвидѣлъ долженствовавшее случиться; что едва вышелъ онъ изъ кареты какъ курьеръ привезъ ему приказаніе тотчасъ явиться въ Сен-Клу, гдѣ онъ имѣлъ съ Первымъ Консуломъ продолжительный разговоръ о весьма важномъ положеніи вещей. Первый Консулъ замѣтилъ ему что онъ доволенъ своею Полиціею и намекнулъ, что конечно желая придать

себѣ цѣны, онъ преувеличиваетъ опасность и важничаетъ собою. Фуше спросилъ у него, что онъ будетъ отвѣчать, если онъ скажетъ ему, что Жоржъ и Пишегрю нѣсколько времени уже находятся въ Парижѣ для заговора, о которомъ онъ ему докладывалъ. Первый Консулъ, какъ бы восхищенный ошибкою Фуше, сказалъ ему съ насмѣшливымъ видомъ: «Ахъ! какъ вы хорошо знаете! Ренье только что получилъ изъ Лондона письмо, въ которомъ его извѣщаютъ, что Пишегрю три дня тому назадъ обѣдалъ кажется въ Кинстонѣ, близъ Лондона у одного изъ Министровъ Англійскаго Короля.» Видя что Фуше продолжаетъ настаивать въ своемъ показаніи, Первый Консулъ послалъ въ Парижъ за Министромъ Юстиціи Ренье, который показалъ Фуше письмо свое. Первый Консулъ восторжествовалъ было при этомъ, сдѣланномъ Фуше опроверженіи; но Фуше представилъ столько доводовъ и такъ ясно доказалъ присутствіе въ Парижѣ Жоржа и Пишегрю, что Ренье началъ опасаться того, что онъ обманутъ своими агентами, которымъ соперникъ его платилъ лучше чѣмъ онъ. Первый Консулъ ясно увидѣвъ что прежній его Министръ знаетъ больше новаго, онъ отпустилъ Ренье и долго остался съ Фуше, который на этотъ разъ ни слова не упомянулъ о возстановленіи Министерства для того чтобы не произвесть тревоги а только потребовалъ,

чтобы производство этого дѣла было поручено Реалю съ приказаніемъ повиноваться всѣмъ распоряженіямъ и наставленіямъ, которыя онъ отъ него получитъ. Я ниже опишу взятіе подъ стражу Моро и другихъ обвиненныхъ; но здѣсь считаю нужнымъ помѣстить длинный разговоръ, который я имѣлъ съ Бонапарте при этихъ важныхъ обстоятельствахъ.

8 Марта 1804 года, чрезъ нѣсколько времени послѣ взятія подъ стражу, но прежде отдачи подъ судъ Генерала Моро, коего потомство обвинитъ не въ этомъ заговорѣ а совсѣмъ въ иномъ дѣлѣ—я имѣлъ съ Первымъ Консуломъ въ восемь часовъ утра свиданіе, котораго я у него не просилъ. Сначала онъ заговорилъ о незначительныхъ вещахъ разспрашивая меня что я дѣлаю, чего отъ него ожидаю; сказалъ что обо мнѣ подумаетъ и слегка коснулся заговора, только что обнаруженнаго. Потомъ, вдругъ перемѣнивъ разговоръ: «Кстати,» замѣтилъ онъ, «все еще продолжаютъ распространять слухъ о связи моей съ Гортензіею; на счетъ перваго ея ребенка выдумали жестокую клевету. Я сначала полагалъ что эти слухи принимаются публикою только изъ желанія, чтобы я имѣлъ ребенка. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались слыхалъ ли ты повтореніе ихъ? – Слыхалъ, Генералъ, и очень часто; но признаюсь вамъ я не думалъ чтобы эта клевета могла такъ долго

существовать.—Это право ужасно; ты знаешь все дѣло; ты все видѣлъ, все слышалъ; отъ тебя не могъ скрыться никакой поступокъ; ты пользовался всею ея довѣренностью во время любви ея къ Дюроку. Если ты что нибудь обо мнѣ будешь писать, то надѣюсь что ты смоешь съ меня этотъ гнусный упрекъ; я не хочу чтобы онъ дошелъ вмѣстѣ со мною до потомства. Полагаюсь въ этомъ на тебя; ты никогда не вѣрилъ этому ненавистному обвиненію. — Никогда, Генералъ.» Потомъ онъ вошелъ въ большія подробности о прошедшей, о настоящей жизни Гортензіи и о положеніи ея въ супружествѣ. «Этотъ бракъ,» продолжалъ онъ, «не оказался такимъ какъ я желалъ; союзъ ихъ нельзя назвать счастливымъ. Это меня огорчаетъ потому что я люблю ихъ обоихъ и потому что это подтвердитъ распространяемые празднолюбцами гнусные слухи о моихъ съ нею сношеніяхъ.» Онъ заключилъ разговоръ словами: «Буріеннъ, мнѣ иногда приходитъ мысль опять взять тебя къ себѣ; но какъ къ этому нѣтъ повода, то опять скажутъ что я имѣю въ тебѣ нужду; а я хочу показать что я ни въ комъ не имѣю нужды.» Онъ еще нѣсколько поговорилъ о Гортензіи; я отвѣчалъ ему что согласно съ моимъ убѣжденіемъ я сдѣлаю то что онъ желаетъ и что не отъ меня будетъ зависѣть обнаруженіе истины.

Въ заключеніе объ этомъ щекотливомъ предметѣ, я долженъ сказать что Бонапарте былъ въ этомъ отношеніи очень строгихъ правилъ и что такая связь не была бы согласна ни съ его образомъ мыслей, ни съ его нравственностью, ни съ его склонностями. Не должно отца и друга превращать въ похотливаго любовника.

Не знаю, имѣлъ ли онъ прежде намѣреніе говорить со мною о томъ что ниже помѣщено или это было слѣдствіемъ удовольствія, ощущеннаго имъ при обнаруженномъ мною убѣжденіи въ чистотѣ связи его съ Гортензіею и увѣренности что я буду въ этомъ смыслѣ говорить объ оной; какъ бы то ни было, а при уходѣ моемъ онъ кликнулъ меня, закричавъ мнѣ въ слѣдъ: *Ахъ! я позабылъ!* — Я оглянулся и воротился къ нему. — «Буріеннъ, видаешься ли ты по прежнему съ братьями Фоше? — Видаюсь, Генералъ, и часто.—Ты дурно дѣлаешь.—Отъ чего же мнѣ не принимать ихъ? они умны, свѣдущи, и занимательно разговариваютъ, особенно Цезарь; я очень пріятно провожу съ ними время. А притомъ, почти одни только они остались мнѣ преданы съ тѣхъ поръ какъ я не нахожусь больше при васъ. Вы знаете что не поддерживаютъ знакомства съ тѣми, отъ которыхъ нечего больше ожидать. — Маре съ ними не видится. — Можетъ быть, Генералъ; но какое мнѣ до того дѣло; вы помните что че-

резъ него я познакомился съ ними въ Тюлери. Кажется что онъ бы долженъ былъ объявить мнѣ причины, по которымъ онъ съ ними болѣе не видится. — Повторяю что онъ ихъ къ себѣ не принимаетъ; сдѣлай тоже, совѣтую тебѣ.» Замѣтивъ что я не расположенъ это сдѣлать ибо точно не имѣлъ къ тому основательной причины, Первый Консулъ сказалъ мнѣ: «Да будетъ же тебѣ извѣстно, что я узнаю черезъ Цезара обо всемъ, у тебя происходящемъ. Ты не говоришь много дурнаго обо мнѣ; ты не позволяешь при себѣ слишкомъ бранить меня, а поигравъ въ карты, уходишь спать. Но едва ты удалишься, какъ жена твоя, которая никогда меня не любила, и большая часть твоихъ посѣтителей начинаютъ жестокимъ образомъ меня ругать. Донесенія Цезара приходятъ ко мнѣ всякой разъ какъ онъ у тебя бываетъ. Вотъ какъ онъ платитъ тебѣ за твой ласковый пріемъ и за убѣжище, которое ты нѣкогда далъ его брату. (*) Кажется этого достаточно; ты видишь, что я всё знаю; прощай.» Тутъ мы съ нимъ разстались.

Смерть, прекратившая дни этихъ двухъ братьевъ, запрещаетъ мнѣ говорить болѣе о ихъ памяти. Они написали ко мнѣ оба вмѣстѣ наканунѣ своей смерти письмо, исполненное твердости,

(*) Константинъ Фоше былъ осужденъ по неявкѣ къ суду за поддѣльную подпись.

благородства и мужества, въ которомъ они просили у меня прощенія въ поступкѣ своемъ противъ меня. «Мы слышимъ изъ темницы нашей провозглашеніе нашего смертнаго приговора,» говорили они мнѣ. «Завтра мы пойдемъ на смерть; но встрѣтимъ ее съ хладнокровіемъ и мужествомъ, которыя пристыдятъ нашихъ палачей. Намъ шестьдесятъ лѣтъ и они сократятъ жизнь нашу лишь нѣсколькими часами. Въ продолженіе нашего краткаго существованія, болѣзни, печали, удовольствія, опасности, имущество, все было между нами общее. Въ одинъ день мы родились и одинъ день увидитъ смерть нашу . . . .

«Что касается до васъ, Милостивый Государь . . . . .

(Я исключаю относящееся собственно до меня).

Въ ту минуту какъ кончилось свиданіе, мною описанное, — наступилъ часъ большаго выхода. Я остался на нѣсколько минутъ; Дюрокъ былъ тамъ. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ, отвелъ меня къ окну и сказалъ что вина Моро обнаружена и что онъ будетъ отданъ подъ судъ. Я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія и въ особенности освѣдомился существуютъ ли для его обвиненія достаточныя доказательства. «Остерегитесь,» сказалъ я Дюроку, «не шутка призвать предъ судъ побѣдителя Гогенлинденскаго.» Отвѣтъ его и увѣрительный видъ

доказали мнѣ что нѣтъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Тщетно я старался убѣдить Дюрока въ томъ, что Моро нельзя лишить общаго уваженія назвавъ его безъ доказательствъ *разбойникомъ* (это слово было тогда въ модѣ). Дюрокъ настаивалъ на своемъ. Послѣдствія доказали что я справедливо угадалъ.

++

ГЛАВА XX.

Заговоръ Жоржа, Моро и Пишегрю.—Несогласіе въ мнѣніяхъ между заговорщиками. — Моро противится возстановленію Бурбоновъ.—Буве де Лозье.—Покушеніе его къ самоубійству.—Признаніе.—Взятіе подъ стражу Моро.—Показаніе Гг. Полиньяка и де Ривіера.—Присутствіе и покровительство тайной Полиціи. — Взятіе подъ стражу Г. Барбонне. —Я его посѣщаю.—Племянникъ его взятъ и опять освобожденъ.—Донесеніе Ренье.

Люди, одаренные хоть сколько нибудь разсудкомъ, никогда не повѣрятъ, чтобы заговоръ Моро, Жоржа, Пишегрю и другихъ обвиненныхъ устроился безъ скрытнаго покровительства, оказаннаго оному Полиціею Фуше. Доказательства того я вывожу изъ множества сближеній, которыя постараюсь изложить въ этой Главѣ и въ особенности изъ несогласія въ мнѣніяхъ между заговорщиками; ниже увидятъ, что

самъ Бонапарте говорилъ мнѣ объ этомъ черезъ нѣсколько дней послѣ восшествія своего на Императорскій престолъ. Моро никогда не соглашался на возстановленіе Бурбоновъ и я слишкомъ коротко былъ знакомъ съ Г-мъ Карбонне, его искреннѣйшимъ другомъ для того чтобы не знать самыхъ тайныхъ чувствъ его; посему было невозможно, чтобы онъ могъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, какъ Жоржъ, Гг. Полиньякъ, де Ривіеръ и нѣкоторые другіе, сами не имѣвшіе намѣренія дѣйствовать. Эти господа, пріѣхали на твердую землю не съ тѣмъ чтобы устроить заговоръ противъ жизни Перваго Консула, но дабы разсмотрѣть положеніе вещей и привести себя въ возможность обстоятельно донести Принцамъ Бурбонскаго дома о томъ, что они должны думать о надеждахъ, которыя имъ подавали низшаго разряда агенты, всегда готовые выставлять себя не заботясь объ истинѣ. Этого рода агенты дѣйствительно устроивали заговоръ, но только противъ Лондонскаго казначейства, отъ котораго они надѣялись получить плату.

Не входя въ всѣ подробности этого обширнаго заговора, коего смерть Герцога Ангенскаго была ужаснымъ эпизодомъ, я напомню нѣкоторыя событія, могущія содѣйствовать мнѣ къ извлеченію истины изъ этого хаоса козней и подлостей.

Большая часть заговорщиковъ находилась уже въ Тамплѣ или въ Тюрьмѣ la Force, когда одинъ изъ нихъ, Буве де Лозье, покусился повѣситься въ темницѣ Тампля. Несчастный слишкомъ хорошо успѣлъ въ томъ, употребивъ для этого свой галстухъ и готовъ былъ испустить дыханіе, какъ въ самое это время случай привелъ тюремщика въ его темницу. По возвращеніи Буве де Лозье къ жизни узнали, что одаренный мужествомъ, презирающимъ смерть, онъ не обладалъ твердостью, необходимою для выдержанія допросовъ правосудія и что онъ рѣшился лишить себя жизни отъ страха что нибудь открыть. Отъ него дѣйствительно многое узнали и на другой день послѣ этого происшествія, то есть 15 Февраля, Моро былъ взятъ подъ стражу на дорогѣ при возвращеніи его изъ помѣстья его Гробуа въ Парижъ.

Тайныя пособія, сдѣланныя заговорщикамъ Полиціею Фуше, никогда не подлежали сомнѣнію и какъ вѣроятно, что этотъ заговоръ былъ, менѣе цѣлью, чѣмъ средствомъ опять попасть въ Министры,—то хитрый Фуше счелъ для себя выгоднымъ замѣшать въ него Моро, очень зная что Бонапарте проститъ ему его козни въ случаѣ открытія оныхъ если онъ избавитъ его отъ человѣка, котораго ему старались представить опаснымъ соперникомъ.

Нельзя также сомнѣваться и въ томъ что

изъ тайныхъ агентовъ Фуше, завлекавшихъ Полицію въ сѣти, которыя онъ ей разставлялъ, подкупленные друзья людей, расположенныхъ къ заговору, казавшемуся имъ лестнымъ —поощряли ихъ къ исполненію онаго. Я вѣрю что бо́льшая часть обвиненныхъ имѣли намѣреніе ниспровергнуть Правительство и возстановить Бурбоновъ; но утверждаю что они не осмѣлились бы на то покуситься, еслибъ имъ не облегчили къ тому средства вѣроломными внушеніями и обманчивыми надеждами.

Фуше чрезъ своихъ агентовъ далъ знать Пишегрю, Жоржу и нѣкоторымъ другимъ приверженцамъ Монархіи, что можно надѣяться на Моро, который, какъ говорили, былъ совершенно готовъ. Моро, какъ извѣстно, отвѣчалъ Пишегрю, что его обманули, и что онъ ни о чемъ еще до тѣхъ поръ не слыхалъ. Рюссиліонъ объявилъ при допросѣ, что 14 Марта, Гг. Полиніяки сказали одному человѣку: «Все идетъ плохо, они не соглашаются. Моро не держитъ своего слова; мы были обмануты.» Г. де Ривіеръ также объявилъ, что вскорѣ убѣдясь въ томъ что ихъ обманули, онъ сбирался ѣхать обратно, когда былъ взятъ подъ стражу.

Достовѣрно что главнымъ заговорщикамъ были сообщены положительныя подробности, убѣдившія ихъ въ первыхъ ихъ подозрѣніяхъ. Они узнали чрезъ Пишегрю о томъ что объя-

вилъ Моро. Многiе изъ обвиненныхъ показали что они скоро увидѣли обманъ; и большая часть сбиралась выѣхать изъ Парижа, когда ихъ всѣхъ, почти вмѣстѣ задержали. Жоржъ отправлялся въ Вандею тогда какъ онъ былъ преданъ тѣмъ человѣкомъ, который съ вѣдома Полицiи провожалъ его съ самаго отъѣзда изъ Лондона въ Парижъ и устранялъ отъ него всякiя препятствiя до тѣхъ поръ, пока имѣли нужду только знать гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Жоржъ находился въ Парижѣ семь мѣсяцевъ, когда разсудили что наступила минута для его задержанiя. Не очевидно ли что надобно было знать и точную минуту его отправленiя и улицы, по которымъ онъ поѣдетъ и номеръ его кабрiолета для того чтобы захватить его въ опредѣленномъ мѣстѣ, какъ то было сдѣлано? Отъ кого же можно было получить эти обстоятельныя подробности кромѣ какъ отъ человѣка, котораго Жоржъ считалъ своимъ сообщникомъ и который находился въ службѣ Полицiи?

Задержанiе, почти одновременное, всѣхъ заговорщиковъ, ясно доказываетъ что знали гдѣ ихъ найти; и они были обязаны за временное свое спокойствiе единственно тому, что Полицiя держала ихъ, какъ будто бы въ стеклянной горницѣ.

Когда пришлось подписывать допросъ, то Пишегрю отказался; онъ объявилъ что, зная

всѣ хитрости, всѣ ковы Полиціи, онъ опасается чтобы она не истребила всего химическими средствами и чтобы оставя одну только его подпись, не принудила его потомъ показать то что ей будетъ угодно; но что впрочемъ отказъ его подписаться не воспрепятствуетъ ему повторить предъ судомъ тѣ самыя истины, которыя онъ отвѣчалъ на сдѣланные ему вопросы. Опасались показаній его на счетъ сношеній съ Моро, котораго хотѣли погубить и на счетъ средствъ, употребленныхъ для поощренія его къ произведенію перемѣны, которой онъ желалъ по образу своихъ мыслей.

Узнавъ 15 Февраля вечеромъ о задержаніи Моро, на другой день довольно рано я вышелъ со двора и отправился прямо въ маленькую Сен-Піерскую улицу, гдѣ жилъ со своимъ племянникомъ Г-нъ Карбонне. Мнѣ очень хотѣлось переговорить съ нимъ о задержаніи Генерала. Какъ же я удивился! Едва сказалъ я придвернику къ кому я иду, какъ онъ объявилъ мнѣ что Г. Карбонне также подъ стражею. «Совѣтую вамъ сударь,» прибавилъ придверникъ, «безъ дальнихъ хлопотъ удалиться; ибо имѣя честь васъ знать я могу доложить вамъ что присматриваютъ за приходящими къ Г-ну Карбонне.—А, такъ онъ еще здѣсь?—Здѣсь, Сударь, Полиція разсматриваетъ его бумаги. — Такъ какъ онъ здѣсь, то я зайду къ нему.» Я дѣй-

ствительно зашелъ къ Г. Карбонне, съ которымъ я за честь считалъ быть дружнымъ и о которомъ воспоминанiе всегда будетъ для меня драгоцѣнно. Я пробылъ съ нимъ одну только минуту и онъ показался мнѣ болѣе огорченнымъ задержанiемъ его племянника и Г-на Моро, чѣмъ своимъ собственнымъ. Племянникъ его былъ освобожденъ черезъ нѣсколько часовъ. Я былъ свидѣтелемъ строгаго обыска, сдѣланнаго во всемъ домѣ. Не знаю какiе доносчики и предатели выдумали будто бы онъ былъ приготовленъ къ принятiю Герцога Ангулемскаго.

По опечатанiи всѣхъ бумагъ Г-на Карбонне, наполнившихъ нѣсколько чемодановъ, его отвезли въ Сентъ-Пелажiйскую тюрьму и посадили въ тайное отдѣленiе. Ниже увидятъ какимъ образомъ мнѣ удалось сохранить съ нимъ сношенiя даже изъ подъ замковъ и на какихъ денежныхъ условiяхъ онъ получилъ свободу послѣ того уже какъ Моро выѣхалъ изъ Францiи.

Вотъ донесенiе Министра Юстицiи, показывающее точность собранныхъ мною свѣдѣнiй, на которыхъ основанъ разсказъ мой, не смотря на запутанность нѣкоторыхъ выраженiй. Ренье говоритъ въ началѣ:

«Новые ковы были устроены Англiею, пос«реди мира, въ коемъ она поклялась: и нару«шая Амiенскiй договоръ, она менѣе надѣялась

«на свои силы, чѣмъ на успѣхъ своихъ козней.

«Но Правительство бодрствовало; глазъ По«лиціи слѣдилъ всѣ шаги агентовъ непріятель«ской земли: она надзирала за поступками лю«дей, подкупленныхъ ея золотомъ или козиями.»

Не могу не замѣтить удивительную двусмысленность послѣднихъ строкъ: не кажется ли вѣроятнымъ, что Министръ Юстиціи, говоря о *Полиціи*, намекаетъ на Полицію Фуше, *надзиравшую за поступками людей, подкупленныхъ ея золотомъ или козиями*? Будемъ продолжать.

«Наконецъ сѣть, казалось была окончена: въ «Лондонѣ ужъ конечно воображаютъ что вскорѣ «воспослѣдуетъ взрывъ этого подкопа, устроен«наго подъ нашими ногами. Тамъ покрайней мѣ«рѣ распространяли самые зловѣщіе слухи и у«питывались самыми преступными надеждами.

«Вдругъ учредители заговора захвачены, до«казательства собраны и они столь сильны, «столь очевидны что убѣдятъ всякаго.

«Жоржъ и его разбойничья шайка состояли «на жалованьи Англіи; агенты ея разъѣзжали «еще по Вандеѣ, по Морбигану и по Сѣвернымъ «берегамъ тщетно ища себѣ соумышленниковъ, «которыхъ умѣренность Правительства и зако«новъ у нихъ похитили.

«Пишегрю, обнаруженный событіями, кото«рыя предшествовали 18-му Фруктидору V-го «года, обнаруженный въ особенности чрезъ пе-

«реписку, представленную Генераломъ Моро Ди-«ректоріи, — Пишегрю увезъ въ Англію нена-«вистъ свою противъ своего отечества.

«Въ VIII-мъ году онъ вмѣстѣ съ Вилло слѣ-«довалъ за непріятельскою арміею для того «чтобы соединиться съ разбойниками Юга.

«Въ IX-мъ году, онъ составлялъ заговоры съ «Барейтскимъ Комитетомъ; послѣ Аміенскаго «мира онъ все еще былъ совѣтникомъ и надеж-«дою враговъ Франціи.

«Британское вѣроломство соединило Жоржа «съ Пишегрю; подлаго Жоржа съ тѣмъ Пише-«грю, котораго Франція уважала, котораго она «долгое время считала неспособнымъ къ измѣ-«нѣ!

«Въ XI-мъ году, преступное примиреніе сбли-«зило Пишегрю съ Генераломъ Моро, — двухъ «человѣкъ, между коими честь долженствовала «бы положить вѣчную преграду. Полиція за-«хватила въ Кале одного изъ ихъ агентовъ въ «ту минуту когда онъ вторично возвращался «въ Англію. Этотъ человѣкъ у нея въ рукахъ «со всѣми бумагами, подтверждающими дѣйст-«вительность примиренія, которое казалось бы «непостижимымъ, еслибъ оно не было устрое-«но злодѣйствомъ.

«Между тѣмъ, событія идутъ своимъ чере-«домъ: Лажоле, другъ, повѣренный Пишегрю, «скрытнымъ образомъ ѣдетъ изъ Парижа въ

«Лондонъ, возвращается изъ Лондона въ Па«рижъ, привозитъ Пишегрю мысли Генерала «Моро, сообщаетъ Генералу Моро мысли и на«мѣренія Пишегрю и его сообщниковъ. Разбой«ники Жоржа приготовляютъ, даже въ самомъ «Парижѣ все необходимое къ исполненію ихъ «общихъ умысловъ.»

Я опять прерываю здѣсь донесеніе Ренье. Есть ли въ мірѣ что либо разительнѣе этого объявленія главнаго Начальника Офиціяльной Полиціи? Самъ Министръ Юстиціи полагаетъ еще что Лажоле другъ и повѣренный Моро, тогда какъ изъ дѣлопроизводства очевидно обнаруживается что роля Лажоле въ этомъ ужасномъ ковѣ, состояла въ томъ чтобы связать между собою двухъ людей, которыхъ хотѣли сдѣлать главами заговора. Слѣдующее за тѣмъ еще сильнѣе:

«Между Діеппомъ и Трепортомъ избрано «мѣсто, гдѣ не страшась никакой помѣхи и «надзора, разбойники Англіи, привозимые на «Англійскихъ военныхъ корабляхъ, пристаютъ «къ берегу, не будучи замѣчаемы и гдѣ они на«ходятъ людей, подкупленныхъ для ихъ при«нятія; людей, получившихъ деньги за то что«бы провожать ихъ по ночамъ съ одной стан«ціи на другую до самаго Парижа.

«Въ Парижѣ для нихъ приготовлены убѣ«жища въ домахъ, заблаговременно нанятыхъ и

«стрегомыхъ надежными людьми; такія убѣжища «имѣютъ они во многихъ частяхъ города во «многихъ улицахъ, въ Шаліо, въ Бакской улицѣ, «въ предмѣстіи Сен-Марсо и въ Марѣ»

И такъ вотъ Полиція, которая ничего не знала и которая вдругъ обо всемъ освѣдомилась; ея многочисленные агенты разъѣзжали по всей Франціи и не иначе какъ изъ показаній Буве де Лозье могли узнать, что три высадки были въ разное время безпрепятственно сдѣланы; что ожидали четвертой и что она не имѣла успѣха потому что Генералъ Савари, переодѣтый, какъ ниже увидятъ,—получилъ отъ Перваго Консула порученіе захватить тѣхъ, которыхъ еще ожидали. Еще разъ скажу что не можетъ быть очевиднѣе доказательства преданности Полицейскихъ агентовъ къ ихъ прежнему Начальнику и соучастія ихъ въ томъ чтобы обмануть ихъ новаго главу. Разсмотримъ теперь открытыя подробности относительно этихъ высадокъ.

«Первая высадка произведена: это былъ «Жоржъ съ осмью изъ своихъ разбойниковъ. «Жоржъ воротился къ берегамъ для того чтобы присутствовать при высадкѣ Костеръ-Сен-«Виктора (осужденнаго приговоромъ по дѣлу 3 «Нивоза) и десяти другихъ разбойниковъ.

«Въ первыхъ числахъ сего мѣсяца произве-«дена третья высадка: это Пишегрю, Лажоле

«Арманъ Галіаръ братъ Рауля, Жанъ-Марія «одинъ изъ первыхъ повѣренныхъ Жоржа и нѣ«которые другіе разбойники того же рода. «Жоржъ съ Жойо, Сен-Веисаиомъ и Пико, от«правились встрѣтить эту третью высадку; сход«бище было на мызѣ Потери.

«Четвертой высадки ожидаютъ; корабли въ «виду, но противные вѣтры препятствуютъ имъ «приблизиться; еще нѣсколько дней тому назадъ «они дѣлали опознательные сигналы.

«Жоржъ и Пишегрю пріѣзжаютъ въ Парижъ. «Они помѣщаются въ одномъ домѣ окружен«ные десятками тремя разбойниковъ, состоя«щихъ подъ начальствомъ Жоржа. Они видят«ся съ Генераломъ Моро. Мѣсто, день и часъ «перваго совѣщанія извѣстно; второе свиданіе «было назначено, однакожъ не состоялось; «третье, четвертое произошли въ самомъ домѣ «Генерала Моро.

«Это присутствіе Жоржа и Пишегрю въ Па«рижѣ и эти совѣщанія съ Генераломъ Моро «подтверждены неоспоримыми и многочислен«ными доказательствами. За Жоржемъ и за Пи«шегрю слѣдятъ изъ дома въ домъ. Тѣ, кото«рые помогали ихъ высадкѣ, тѣ которые въ «темнотѣ ночной провожали ихъ отъ одной «станціи до другой, тѣ которые давали имъ «убѣжище въ Парижѣ, ихъ повѣренные, ихъ «соучастники,—Лажоле, ихъ главный посредникъ

«Генералъ Моро—взяты подъ стражу: вещи и «бумаги Пишегрю захвачены и Полицiя пре«слѣдуетъ его съ величайшею дѣятельностью.

. . . .

«Долгомъ считаю прибавить что гражданамъ «нечего безпокоиться. Большая часть разбойни«ковъ задержана, остальные обратились въ бѣг«ство и тщательно преслѣдуются Полицiею. «Никакое сословiе гражданъ, никакая отрасль «управленiя не подверглись ни малѣйшему по«дозрѣнiю.»

Таково это знаменитое донесенiе, коего сочинитель, кажется всячески старался выставить неспособность своего управленiя.

ГЛАВА XXI.

Великія событія 1804 года.—Перемѣна положенія эмигрантовъ. —Смерть Герцога Ангенскаго. — Ложное предположеніе.— Противорѣчіе Наполеона на островѣ Св. Элены. — Невозможность соучастія.—Сближеніе чиселъ.—Что я бы могъ сдѣлать у Перваго Консула.—Извѣщеніе Герцога Ангенскаго. —Сиръ Стуартъ. — Медленность въ отвѣтѣ Австрійскаго Двора —Рѣшимость Наполеона — Герцогъ Ангенскій въ Эттенгеймѣ.—Исправленныя ошибки.—Пишегрю и таинственное лице.—Г. Массіасъ.—Историки острова Св. Элены. —Предполагаемое письмо, никогда несуществовавшее.—Повиновеніе Наполеону.—Завѣщаніе его.—Исключеніе и прибавленіе къ духовной.—Отзывъ Наполеона объ эмигрантахъ и о Г-нѣ Кобентцелѣ.—Слишкомъ скорая казнь. — Странный случай съ Секретаремъ Маршала Даву.—Вандейскій разбойникъ.—Квартермистръ.—Фуше въ Совѣтѣ.—Заключеніе.

Событія, происшедшія съ такою быстротою въ началѣ 1804 года, были такъ стѣснены, такъ запутаны между собою, что ихъ надобно

бы брать по одиначкѣ, отлагать ихъ и опять за нихъ браться для того чтобы дать понятіе о ихъ взаимной связи при обзорѣ ихъ въ совокупности и о ихъ частныхъ свойствахъ, при разсмотрѣніи ихъ по одиначкѣ. Не должно терять изъ вида, что при устроеніи этого кова, все клонилось къ единственной цѣли, къ учрежденію Французской Имперіи въ пользу Наполеона; а другая важная вещь, которую также слѣдуетъ имѣть въ памяти, есть перемѣна положенія эмигрантовъ относительно къ Первому Консулу со времени разрыва мира. Дѣйствительно пока Правительство Наполеона, находилось въ мирѣ съ другими Державами, до тѣхъ поръ дѣло Бурбоновъ не имѣло себѣ никакой подпоры въ Иностранныхъ кабинетахъ и эмигранты не составляя болѣе сословія, могли только покориться или предать себя волѣ Провидѣнія. Но по объявленіи вновь войны, все перемѣняло видъ; дѣло Бурбоновъ казалось дѣломъ Державъ, воюющихъ съ Франціею; и какъ тысячи связей соединяли внѣшнихъ эмигрантовъ съ тѣми, которые возвратились полудовольными,—то можно было опасаться возстаній совокупныхъ съ Державами, ополчившимися противъ Бонапарте.

Таково было положеніе вещей относительно эмиграціи, когда начальники и соучастники Жоржева заговора были взяты подъ стражу

въ самомъ началѣ 1804 года. Послѣ того 21 Марта произошло умерщвленіе Герцога Ангенскаго; потомъ 30 Апрѣля, сдѣланное Трибунатомъ предложеніе основать во Франціи единодержавіе; затѣмъ 18 Маія Сенатскій Указъ, наименовавшій Наполеона Бонапарте Императоромъ; и наконецъ 10 Іюня, приговоръ, осудившій Жоржа и многихъ изъ его сообщниковъ. Такимъ образомъ, пролитая кровь Бурбона и корона Франціи, возложенная на чело солдата, любимца фортуны,—были вмѣстѣ вставлены въ кровавую драму Жоржева заговора. Притомъ надобно имѣть въ соображеніи что мы въ это время находились въ войнѣ съ Англіею и должны были ожидать что Австрія вступитъ въ союзъ съ Сѣвернымъ колоссомъ противъ новаго Императора.

Теперь я долженъ говорить о смерти Герцога Ангенскаго и сказать все что мнѣ извѣстно объ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Несчастный Принцъ сей, жившій въ Эттенгеймѣ потому что онъ былъ влюбленъ, не имѣлъ никакихъ связей съ людьми, которые хотѣли устроить внутренній заговоръ. Махіавель говоритъ что когда не знаютъ виновника злодѣянія, то надобно отыскивать того, кому оно приноситъ пользу;—здѣсь совѣту Махіавеля можно легко сдѣлать примѣненіе, ибо это злодѣйство могло принести пользу только Наполеону, считавшему оное

необходимымъ для обладанія короною Франціи. Можетъ быть есть возможность объяснить его; но оправдать—никогда! Какъ, вопервыхъ могли сказать, будто бы Герцогъ Ангенскій погибъ какъ предполагаемый соумышленникъ Жоржева заговора? это одно изъ тѣхъ предположеній, которыя не заслуживаютъ разсмотрѣнія; и утвердительно на него опираться значило бы сдѣлаться виновникомъ самой грубой лжи, какую только можно прибавить къ тѣмъ, которыя существуютъ уже въ Исторіи. Разсмотримъ событія и сблизимъ ихъ: между ними останется довольно мѣста для истины, ибо истина немного занимаетъ мѣста.

Моро взятъ подъ стражу 15 Февраля 1804 года; заговоръ былъ уже извѣстенъ. Пишегрю и Жоржъ задержаны въ Февралѣ, а Герцогъ Ангенскій разстрѣлянъ только 15 Марта; но если Принцъ дѣйствительно участвовалъ въ заговорѣ, еслибъ онъ даже только зналъ объ немъ, то спрашивается—сталъ ли бы онъ оставаться въ Эттенгеймѣ около мѣсяца по взятіи подъ стражу его мнимыхъ соумышленниковъ, о чемъ онъ могъ узнать черезъ три дня? Онъ такъ былъ чуждъ этому заговору, что когда начали разсуждать объ ономъ въ Эттенгеймѣ, онъ объявилъ что отецъ его и дѣдъ, конечно извѣстили бы его объ ономъ для его личной безопасности. Неужели стали бы такъ долго ме-

длить его задержанiемъ? Увы! жестокiй опытъ доказалъ что для этого было нужно лишь нѣсколько часовъ.

Смертный приговоръ Жоржа и его соучастниковъ былъ произнесенъ только 10 Iюня 1804, а Герцогъ Ангенскiй разстрѣлянъ 21 Марта; слѣдовательно даже самое производство дѣла не было еще тогда начато. Какъ объяснить эту торопливость. Если, какъ сказалъ Бонапарте, юный Бурбонъ былъ ихъ соумышленникомъ, то почему его не задержали въ одно время съ прочими обвиненными? почему его не предали вмѣстѣ съ ними суду, какъ настоящаго соучастника, или какъ замѣшаннаго въ дѣлѣ чрезъ показанiя или сношенiя, или наконецъ, какъ могущаго своими отвѣтами принести пользу и нѣсколько озарить свѣтомъ этотъ мрачный заговоръ? Отъ чего имя Герцога Ангенскаго не было произнесено ни одного разу во все время производства этого ужаснаго дѣла? Принцъ уже не существовалъ тогда какъ обвиненные предстали предъ судъ; не было никакой опасности на него сослаться и однакожъ ни у одного изъ подсудимыхъ не вырвалось ни единаго слова, относительно участiя въ заговорѣ, знанiя или утайки онаго.

Непостижимо, какъ Наполеонъ могъ сказать на островѣ Св. Елены: «Или они замѣшали несчастнаго Принца въ свой убiйственный умы-

селъ и тѣмъ произнесли приговоръ его; или не извѣстивъ его, они неблагоразумно допустили его спать на краю пропасти въ двухъ шагахъ отъ границы, тогда какъ сами сбирались нанесть столь великiй ударъ отъ имени и въ пользу его семейства.»

Этотъ доводъ не только нелѣпъ, но и жестокъ. Если Герцогъ Ангенскiй былъ замѣшанъ въ дѣло показанiями заговорщиковъ, то его слѣдовало бы задержать и судить вмѣстѣ съ ними. Такъ по всему бы слѣдовало; еслиже они все отъ него скрывали, то въ чемъ состоитъ вина его? Какъ—потому только что хотѣли свершить злодѣянiе отъ имени его семейства безъ его вѣдома — должно было его разстрѣлять! Потому что онъ спокойно спалъ во сто тридцати миляхъ отъ заговора, не входя въ оный, ему должно было умереть! Такое заключенiе можетъ возбудить одинъ только ужасъ. Невозможно чтобы разсудительный человѣкъ былъ въ состоянiи считать Герцога Ангенскаго сообщникомъ Кадудаля: это противно здравому смыслу, и Наполеонъ безстыдно обманывалъ современниковъ и потомство выдумывая такiя вѣроломныя показанiя и придавая имъ вѣсъ своего имени. Нѣкоторые люди сочли возможнымъ объявить для чего Наполеонъ на островѣ Св. Элены и въ своемъ духовномъ завѣщанiи, столь очевидно противорѣчитъ самому себѣ. Еслибъ

ихъ догадка была основательна, то она сдѣлала бы честь Наполеону именно потому что она противна его славѣ. Думали что Бонапарте, при концѣ своей жизни ощутилъ великодушное желаніе принять на себя всю великую отвѣтственность этого злодѣянія, дабы спасти тѣхъ, которыхъ избытокъ усердія побудилъ ускорить казнь, отъ упрека, ими на себя навлеченнаго. По несчастію даже невозможно допустить нималѣйшаго сомнѣнія касательно этого предположенія и слишкомъ справедливо, какъ ниже увидятъ, что смерть Герцога Ангенскаго не имѣла другой причины, кромѣ воли Наполеона. Ахъ! еслибъ я тогда находился еще при немъ! . . . Говорю съ увѣренностью, можетъ быть съ гордостью, что кровь Герцога Ангенскаго не помрачила бы неизгладимымъ пятномъ славу Наполеона!

Я бы могъ, при этомъ ужасномъ обстоятельствѣ сдѣлать то, на что никто другой кромѣ меня не въ состояніи былъ бы даже покуситься; это принадлежало къ моему положенію, въ которомъ никто другой съ тѣхъ поръ не находился уже при Наполеонѣ. Очень соглашаюсь что онъ предпочиталъ мнѣ другихъ людей, что онъ имѣлъ къ нимъ болѣе дружбы чѣмъ ко мнѣ, —предположивъ что дружба была совмѣстна съ характеромъ Бонапарте;—но я зналъ его лучше чѣмъ всякой другой; а притомъ, изъ окружав-

шихъ его, одинъ только я могъ дозволить себѣ нѣкоторую прежнюю короткость по причинѣ нашей съ нимъ связи отъ самаго дѣтства. И ужъ конечно при такомъ случаѣ, гдѣ шло дѣло о славѣ Наполеона на вѣки, меня бы не удержалъ страхъ проходящей вспышки его гнѣва и читатель видѣлъ что я не боялся отставки. Да и притомъ какъ бы я могъ быть отставленъ! Я не имѣлъ ни потрфёля, ни мѣста, ни опредѣленнаго содержанія ибо, какъ читатели видѣли, я состоялъ при Бонапарте только въ качествѣ друга и у насъ была такъ сказать общая казна.

Я увѣренъ, что мнѣ тѣмъ легче было бы отговорить Наполеона отъ его пагубнаго намѣренія, что я утвердительно зналъ что цѣль Бонапарте, по разрывѣ мира, состояла въ томъ чтобы только испугать эмигрантовъ и выгнать ихъ изъ Эттенгейма, гдѣ они находились въ большомъ числѣ какъ и Герцогъ Ангенскій; а особенно Баронессу Рейтъ и Баронессу Эттенгеймъ, которыя очень противъ него возставали разсѣвая пасквили по лѣвому берегу Рейна. Бонапарте тогда столь же мало желалъ смерти Герцога Ангенскаго, какъ и смерти всякаго другаго эмигранта; онъ болѣе былъ расположенъ къ тому чтобы устрашить ихъ, чѣмъ къ тому чтобы сдѣлать имъ вредъ и ужъ конечно сначала онъ вовсе не имѣлъ намѣренія взять Принца подъ стражу; а только какъ

сказано, напугать эмигрантовъ дабы заставить ихъ удалиться. Однакожъ я долженъ признаться, что Бонапарте, разговаривая съ Раппомъ или съ Дюрокомъ о за-Рейнскихъ эмигрантахъ всегда отзывался о нихъ съ большою досадою; что Г. Талейранъ зналъ гнѣвъ Перваго Консула противъ эмигрантовъ и что, страшась слѣдствій онаго для Герцога Ангенскаго, онъ предупредилъ сего Принца чрезъ находившуюся съ нимъ женщину, въ которую онъ былъ влюбленъ — чтобы онъ остерегался и даже чтобы удалился. Въ слѣдствіе этого предостереженія Принцъ рѣшился отправиться къ своему дѣду, чего онъ не могъ сдѣлать иначе, какъ проѣхавъ чрезъ Австрійскія владѣнія. Вотъ настоящія обстоятельства а не предположенія, придуманныя съ тѣмъ чтобы дать иной видъ дѣлу Если еще сомнѣваются, то вотъ другія обстоятельства: Кавалеръ Стюартъ писалъ къ Г. Кобенцелю, прося у него паспорта для проѣзда Герцога Ангенскаго; и медленность въ отвѣтѣ Австрійскаго кабинета дала время нетерпѣнію Перваго Консула задержать злополучнаго Принца тогда какъ онъ принялъ ужасное намѣреніе пролить кровь Бурбона. Это намѣреніе не можетъ быть приписано никому другому, кромѣ его одного, ибо кто осмѣлился бы внушить ему оное? Бонапарте самъ *не зналъ что дѣлалъ.* Его пожирала сильная горячка често-

любія, доходившая даже до сумазбродства и онъ не собразилъ до какой степени онъ губитъ себя въ общемъ мнѣніи, потому что онъ не зналъ этого мнѣнія, для котораго онъ бы всѣмъ пожертвовалъ, еслибъ оно было ему извѣстно. Жестокимъ, но поздымъ извѣщеніемъ было для него необычайное молчаніе его совѣтниковъ. Три дня послѣ роковой казни, онъ говорилъ одинъ въ Государственномъ Совѣтѣ, предаваясь своимъ высокимъ или страннымъ умствованіямъ, между тѣмъ какъ ни одинъ голосъ не раздался для того чтобы прервать его или отвѣчать ему. Но что нужды; онъ готовился сдѣлаться Императоромъ! Фуше преклонялъ его тогда къ восшествію на Императорскій престолъ также какъ онъ преклонялъ его къ 18-му Брюмеру; ибо едва только обнаружился заговоръ, имъ покровительствованный, какъ Фуше сказалъ ему что нельзя терять ни минуты, что надобно рѣшиться—и Бонапарте рѣшился.

Когда Камбасересъ, второй сановникъ въ Государствѣ, который съ небольшимъ ограниченіемъ подалъ свой голосъ на смерть Лудовика XVI,— сильно воспротивился въ Совѣтѣ задержанію и смерти Герцога Ангенскаго, то Первый Консулъ отвѣчалъ ему: «Вы *сдѣлались* очень скупы на кровь Бурбоновъ!»

Между тѣмъ какъ все это происходило во Франціи, Герцогъ Ангенскій находился въ Эт-

тенгеймѣ, гдѣ онъ жилъ надеждами, а не заговорами. Извѣстно и Первый Консулъ зналъ что одинъ человѣкъ предлагалъ Принцу Конде на нѣкоторыхъ условіяхъ—умертвить Наполеона и что вознегодовавшій Принцъ благородно отказался отъ пріобрѣтенія правъ Бурбоновъ, цѣною такого злодѣянія. Въ послѣдствіи обнаружилось, что этотъ человѣкъ былъ агентъ Парижской Полиціи, имѣвшій порученіе вовлечь Принцевъ въ заговоръ, который погубилъ бы ихъ, ибо общественное мнѣніе не допускаетъ убійства ни съ какой стороны. Герцогъ Ангенскій думалъ столь же благородно, какъ и дѣдъ его.

Говорили будто бы отказъ Лудовика XVIII-го договариваться съ Наполеономъ, жестоко раздражилъ его и подалъ поводъ къ злодѣянію, почти безпримѣрному—къ убійству Герцога Ангенскаго. Это должно причислить къ тѣмъ смѣлымъ предположеніямъ, которыми Вальтеръ-Скоттъ обогатилъ романъ свой. Первая переписка, выше мною приведенная, между Лудовикомъ XVIII-мъ и Первымъ Консуломъ очевидно доказываетъ противное. Разумѣютъ ли подъ этимъ только отказъ Лудовика XVIII отречься отъ правъ своихъ? Можетъ быть что этотъ отказъ раздражилъ Бонапарте; но какую препону положилъ оный его быстрому стремленію къ всемогуществу? какая разница между этимъ отказомъ, который можно назвать безо-

бидимъ и тѣмъ, который Первый Консулъ прежде онаго сдѣлалъ Королю Французскому, требовавшему у него обратно свою корону! Притомъ же слишкомъ поздо было бы мстить за то надъ Принцемъ, совершенно чуждымъ этого дѣла. Ничто изъ всего этого не можетъ быть допущено.

Говорить ли о таинственномъ лицѣ, которое отъ времени до времени являлось въ одномъ собранiи Сен-Жерменскаго предмѣстiя и въ которомъ послѣ узнали Пишегрю; о частыхъ поѣздкахъ, о предполагаемыхъ десяти-дневныхъ отлучкахъ этого знаменитаго за-Рейнскаго заговорщика? Напоминать ли о приписываемой Герцогу Ангенскому винѣ, по донесенiю Офицера, коему было поручено разсмотрѣть поведенiе его въ Эттенгеймѣ съ приказомъ найти его виновнымъ? Какъ! этого несчастнаго Принца разстрѣляли только за то что въ Парижѣ находилось таинственное лице, котораго Полицiя не могла открыть или котораго она показывала видъ что не знаетъ. Потому только, что неизвѣстный человѣкъ нѣсколько разъ являлся въ собранiяхъ Сен-Жерменскаго предмѣстiя, этотъ неизвѣстный дѣлалъ частыя поѣздки? знали что онъ прiѣзжаетъ изъ Эттенгейма! Поѣздки его продолжались по десяти дней! Тогда какъ дороги были стрегомы на всѣхъ точкахъ и заставы Парижскiя заперты; когда

никто не могъ ни войти ни выйти не подвергаясь осмотру Полицейскихъ, одинъ только путешественникъ въѣзжалъ и выѣзжалъ когда ему было угодно! въ человѣкѣ, неизвѣстномъ въ Парижѣ, узнавали Герцога Ангенскаго въ Эттенгеймѣ! еслижъ и не узнавали то полагали что *это можетъ быть онъ* и на основаніи этой возможности, похитили Принца!! Заставлять читателей своихъ вѣрить такимъ нелѣпостямъ значило бы оскорблять ихъ! Что же теперь сказать о присутствіи въ Парижѣ Фуше, — Фуше все еще *Царя* Полиціи, хоть онъ и не былъ уже Министромъ оной? Кто намъ скажетъ *для* чего Фуше, *не бывшій Министромъ*, былъ приглашенъ 10 Марта въ Совѣтъ, имѣвшій засѣданіе въ Тюлеріи? Въ этомъ-то засѣданіи Бонапарте сдѣлалъ, выше приведенный жестокій отвѣтъ Камбасересу, коего мнѣнію поданный имъ прежде голосъ, придавалъ столь много вѣсу.

Большимъ свѣтомъ озаряется это дѣло чрезъ разговоръ, который Наполеонъ имѣлъ нѣсколько времени послѣ сего происшествія и вскорѣ по восшествіи его на Императорскій престолъ съ Г-мъ Масеіасомъ, Министромъ при Великомъ Герцогѣ Баденскомъ. Этотъ разговоръ происходилъ въ Ахенѣ. Послѣ нѣсколькихъ разсужденій о козняхъ эмигрантовъ, Бонапарте прибавилъ: «Вамъ бы слѣдовало, покрайней мѣрѣ, хоть во-

спрепятствовать ковамъ, которые Герцогъ Ангенскій устроивалъ въ Эттенгеймѣ.—Государь, я слишкомъ старъ для того, чтобы учиться обманывать. Объ этомъ предметѣ вамъ ложно донесено. — Такъ вы думаете, что еслибъ заговоръ Жоржа и Пишегрю удался, онъ бы не переправился чрезъ Рейнъ и не пріѣхалъ бы на почтовыхъ въ Парижъ?»

Г. Массіасъ, сообщившій мнѣ эти подробности, сказалъ мнѣ: «При этихъ словахъ Императора, я наклонилъ голову и замолчалъ, очень видя что онъ не желаетъ слышать правду.»

Да прочтутъ теперь со всѣмъ вниманіемъ, котораго требуютъ историческая статья, столь трудно объяснимая и важность предмета,—то что повѣствуютъ историки острова Св. Элены и да разсудятъ.

Въ домашнемъ кругу, Бонапарте говоритъ товарищамъ своего изгнанія: «что вина смерти Герцога Ангенскаго можетъ быть приписана *излишку усердія* окружавшихъ его или частнымъ видамъ или тайнымъ козням. Онъ былъ преклоненъ къ тому внезапно; уловили, такъ сказать его мысли, ускорили принятіе мѣръ и произвели неизбѣжное сцѣпленіе послѣдствій.»

Онъ могъ это сказать но если онъ и сказалъ, то какъ согласить это съ повѣствованіемъ О'Меры? Есть ли возможность вѣрить столь несходнымъ разсказамъ?

Послушаемъ что Наполеонъ говоритъ Г-ну Ласъ-Казу:

«Однажды я былъ одинъ; какъ теперь помню что я прилегъ на столъ, гдѣ я обѣдалъ, оканчивая мой кофе. Прибѣжали ко мнѣ съ донесенiемъ о новомъ заговорѣ. Начали съ жаромъ доказывать мнѣ, что пора положить конецъ столь ужаснымъ злодѣйствамъ; что время уже дать урокъ тѣмъ, которые сдѣлали привычку ежедневно устроивать заговоры противъ моей жизни; что нельзя иначе этого прекратить какъ обагрясь кровью одного изъ нихъ; что Герцогъ Ангенскій долженствовалъ быть этою жертвою потому что его можно было поймать на дѣлѣ, какъ *соучастника настоящаго заговора*.

Все было заранѣе предвидѣно. Бумаги были приготовлены; оставалось только подписать и судьба Принца рѣшилась. Смерть его должна быть вмѣнена во всегдашній упрекъ тѣмъ, которые, будучи увлечены преступнымъ усердiемъ, не дождались воли своего Государя (*) *для* исполненія приговора военнаго суда. Герцогъ Ангенскій палъ жертвою *тогдашнихъ козней*. Я дозволю находить судъ его нѣсколько строгимъ, но формы были надлежащія и съ точностью соблюдены (**).

(*) Достойно замѣчанія что Бонапарте признаетъ на островѣ Св. Элены званіе Государя при Консульствѣ.

(**) Смотри въ концѣ книги два приговора, произнесенные— одинъ до казни, а другой послѣ оной.

Всё вышеприведенное исполнено утаекъ, запутанностей, неясностей и противорѣчій. Это истинно не можетъ выдержать настоящаго разбора.

Герцогъ Ангенскій *могъ быть пойманъ на дѣлѣ, какъ соучастникъ настоящаго заговора*; а Бонапарте сказалъ: *что можетъ быть онъ и не зналъ объ немъ.*

Формы были надлежащія и съ точностью соблюдены.

Но онъ также сказалъ, что въ смерти его слѣдовало всегда укорять тѣхъ, которые изъ преступнаго усердія не дождались воли своего Государя для исполненія приговора военнаго суда.

Онъ можетъ быть даровалъ бы жизнь Принцу; но онъ сказалъ: *Правда что я хотѣлъ показать примѣръ, который бы устрашилъ.*

Говорили также о письмѣ Герцога Ангенскаго къ Бонапарте, будто бы врученномъ ему не прежде какъ по свершеніи казни. Это жестокая нелѣпость! Какъ вѣрить чтобы Принцъ сей писалъ къ Бонапарте, предлагая ему свою службу и прося у него предводительства арміею? Въ допросѣ его ни слова не упомянуто объ этомъ письмѣ и онъ совершенно противоположенъ чувствамъ, которыя по смыслу сего письма слѣдовало бы въ немъ предполагать.

Въ самомъ же дѣлѣ это письмо никогда не существовало. Человѣкъ, соитутствовавшій Принцу,

объявилъ что онъ ничего не писалъ. Барону Сен-Жаку было бы извѣстно это письмо, еслибъ оно существовало. Никто не видалъ Принца пишущаго. Достовѣрно извѣстно что онъ не писалъ въ Венсаннѣ: мѣсто тому неблагопріятвовало и ему мало оставили времени. Всѣ, имѣвшіе дѣло съ Бонапарте, всѣ знавшіе его, вѣдаютъ какъ служили Наполеону. Смѣю утверждать, что никто не повѣритъ чтобы нашелся кто нибудь, способный удержать письмо отъ котораго зависѣла судьба столь Августѣйшей, столь великой жертвы и смѣвшій вручить ему оное уже послѣ казни. Ужъ конечно, еслибъ кто нибудь могъ возъимѣть такую преступную мысль, то онъ бы уничтожилъ доставшееся къ нему въ руки письмо. Но слагать вину такого злодѣйства на человѣка, который всегда наиболѣе противился насильственнымъ мѣрамъ, какъ по убѣжденію своему, такъ и по характеру— есть верхъ слѣпой ненависти и сумазбродства. А притомъ, не вручить письма Первому Консулу! конечно никто не посмѣлъ бы этого сдѣлать. Отвѣтственность была слишкомъ велика въ этомъ отношеніи. Даже сами братья Наполеона этого себѣ бы не дозволили. Я бы могъ привести много тому примѣровъ; вотъ одинъ, пришедшій мнѣ на память и который я привожу здѣсь, хотя онъ относится къ позднѣйшей эпохѣ. 29 Марта 1814 года, письмо которое Іосифъ

Бонапарте имѣлъ у себя въ портфёлѣ, воспрепятствовало ему поступить по своему мнѣнiю и точно обстоятельство было очень затруднительное: Iосифъ Бонапарте желалъ чтобы Марiя Луиза и Король Римскiй остались въ Парижѣ; что очевидно очень бы затруднило тѣхъ, которые старались о возстановленiи Бурбоновъ. Iосифъ очень это чувствовалъ, но письмо Наполеона, заключавшее въ себѣ противныя приказанiя не дозволило ему осмѣлиться послѣдовать своему мнѣнiю.

Я упомянулъ что предъ товарищами своего изгнанiя, Бонапарте старался сложить съ себя эту вину или оправдаться въ оной. Опасенiе его или мнительность такъ велики, что разсуждая съ чужими, онъ только говоритъ имъ, *что еслибъ онъ зналъ о письмѣ Принца, которое ему вручили, Богъ знаетъ отъ чего, тогда какъ онъ уже болѣе не существовалъ, то онъ бы его помиловалъ.*

Но позднѣе того, онъ собственноручно начерталъ свои послѣднiя мысли для современниковъ и для потомства — для этой химеры, которая порождаетъ столько же великихъ преступленiй, какъ и великихъ дѣлъ: Наполеонъ говоритъ по этому предмету, который какъ ему извѣстно, долженъ быть для его памяти однимъ изъ самыхъ щекотливыхъ, *что еслибъ это можно было передѣлать, то онъ опять*

сдѣлалъ бы тоже! А онъ сказалъ что *еслибъ онъ получилъ письмо Принца, то онъ даровалъ бы ему жизнь.* Всё это невозможно согласить и нигдѣ нѣтъ истины.

Прочтемъ сперва подлинныя слова завѣщанія Наполеона: § 8 «Отрицаюсь отъ *Рукописи «острова Св. Элены* и отъ другихъ сочиненій «подъ заглавіемъ *Правилъ, изреченій*, и проч., «изданныхъ въ продолженіе послѣднихъ шести «лѣтъ; не этими правилами руководствовался я «въ жизни. Я приказалъ взять подъ стражу и судить Герцога Ангенскаго потому, что это бы«ло необходимо для безопасности, для пользы « и для чести Французскаго народа, тогда какъ «Графъ д' Артуа, по собственному его признанію, «содержалъ шестьдесятъ убійцъ въ Парижѣ, Въ подобномъ обстоятельствѣ, я бы опять посту«пилъ такимъ же образомъ.»

Теперь, вотъ истина касательно обстоятельствъ, относящихся къ этому рѣшительному отрывку послѣднихъ мыслей Наполеона и я не боюсь опровержения. Бонапарте продиктовалъ выше приведенныя строки на островѣ Св. Элены тому изъ друзей своихъ, который со словъ его писалъ духовное его завѣщаніе; этотъ послѣдній просилъ его, умолялъ, заклиналъ исключить объявленіе, которое повредитъ его славѣ и которое находится въ столь явномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ прежде говорилъ имъ.

Преклоненный убѣжденiями этого вѣрнаго друга, Бонапарте согласился на исключенiе. Такимъ образомъ завѣщанiе было написано и заперто въ ящикъ, отъ котораго одинъ только Бонапарте имѣлъ ключъ. Но по смерти его, нашли приведенный мною отрывокъ въ прибавленiи къ духовной.

Пусть теперь безпристрастно сличатъ все что Наполеонъ объявилъ на счетъ этого обстоятельства на островѣ Св. Элены и что передали намъ друзья его; пусть разсмотрятъ, когда онъ говоритъ объ этомъ убiйствѣ, разительную противоположность словъ его, смотря потому, обращается ли онъ къ чужимъ людямъ, къ своимъ приближеннымъ, къ публикѣ или къ потомству— и вопросъ перестанетъ быть сомнительнымъ. Бонапарте, которому Фуше дѣйствительно представилъ воздухъ *наполненнымъ кинжалами*, хотѣлъ нанесть ударъ, который бы поразилъ ужасомъ его непрiятелей; онъ думалъ что Герцогъ Беррiйскiй сбирается прiѣхать моремъ во Францiю; онъ послалъ Адъютанта своего Савари переодѣтаго и въ сопровожденiи переодѣтыхъ Жандармовъ, наблюдать за высадкою въ Бивиллѣ на Дiепскомъ берегу; это порученiе осталось безуспѣшнымъ; Принцъ, вовремя извѣщенный, не пустился на это безполезное и опасное предпрiятiе, а Бонапарте, раздраженный тѣмъ что добыча отъ него ускользнула въ од-

номъ мѣстѣ, приказалъ схватить ее въ другомъ. Развѣ неизвѣстно, что Бонапарте много разъ говаривалъ, даже въ присутствіи людей, которыхъ онъ предполагалъ сохранившими сношенія съ приверженцами Бурбоновъ въ Парижѣ: «Я хочу положить конецъ всѣмъ этимъ заговорамъ; если откроется что эмигранты ихъ устроиваютъ, то я прикажу ихъ разстрѣлять. Говорятъ что нѣкоторые изъ нихъ скрываются у Кобенцеля. Не вѣрю этому; но еслибъ это было такъ, то я приказалъ бы взять Кобенцеля и разстрѣлять вмѣстѣ съ ними. Надобно дать знать Бурбонамъ что со мною нельзя шутить безнаказанно! Это не дѣтскія игрушки.»

Вотъ истина: послѣ сего могли дѣлать предположенія на счетъ вліянія Якобинцевъ въ этомъ дѣлѣ; и могли сказать, повидимому не безъ основанія, что Бонапарте, желая пріобрѣсть содѣйствіе Якобинцевъ для достиженія престола, соглашался предать имъ жертву Королевской крови, какъ единственный залогъ, могшій обезпечить ихъ противъ возвращенія изгнаннаго ими семейства; одна уже кровь Герцога Ангенскаго дѣлала его достойнымъ сообщества людей 21 Генваря; а усердіе, предупредившее приказъ относительно казни и не допустившее никакой отсрочки, думало совершенно, вполнѣ явить себя, отклонивъ повидимому преступленіе отъ того, для кого оное свершалось. Бонапарте взду-

малъ и повелѣлъ, а слѣпая покорность исполнила. Посему нѣтъ человѣческихъ средствъ, которыми можно бы избавить Наполсона онъ лежащаго на немъ значительнаго участка относительно смерти Герцога Ангенскаго; ибо усердіе можетъ быть извинено, но воля—никогда.

Наполеонъ не хотѣлъ на островѣ Св. Элены говорить о настоящей причинѣ смерти этого Принца Бурбонскаго Дома. Но неумолимая исторія, сближая обстоятельства, подобно, какъ я то сдѣлалъ, замѣтитъ, что онъ былъ провозглашенъ Императоромъ черезъ три мѣсяца послѣ умерщвленія невиннаго Принца. И — конечно менѣе снисходительная, чѣмъ современные почитатели,—она не припишетъ въ этомъ жертвоприношеніи участія, ни случаю, ни преступному усердію, ни тогдашнимъ козпямъ. Она будетъ неумолима къ этому дѣлу, оскорбительному для правъ человѣческихъ и противному всѣмъ уставамъ правосудія и человѣколюбія. Она увидитъ въ немъ только дѣйствіе бѣшенаго честолюбія и дикой, варварской политики, все себѣ дозволяющей. Исторія, по несчастію представляетъ слишкомъ много подобныхъ примѣровъ.

Прежде всего я долженъ былъ заняться сближеніемъ обстоятельствъ и разсмотрѣніемъ противорѣчащихъ словъ, приписываемыхъ Наполеону и приводимыхъ разными авторами; те-

перь опишу все что я знаю положительнаго о роковомъ событіи смерти Герцога Ангенскаго.

Я знаю, что Бонапарте негодовалъ на составлявшіяся во владѣніяхъ Великаго Герцогства Баденскаго сборища эмигрантовъ, которыя казалось пренебрегали имъ, приближаясь почти къ самой границѣ. Я знаю что въ получаемыхъ имъ объ оныхъ донесеніяхъ, безпрестанно упоминались имена одного Англійскаго агента, Баронессы Рейтъ и многихъ другихъ людей; что къ Англійскому агенту отправили человѣка съ порученіемъ его одурачить и что этотъ человѣкъ былъ Меге де ла Тушъ, замѣшанный во всѣхъ козняхъ.

Я знаю что цѣль Перваго Консула сначала состояла болѣе въ томъ чтобы устрашить, чѣмъ причинить зло; что онъ хотѣлъ напугать эмигрантовъ, дабы заставить ихъ удалиться.

Я знаю что въ это время Герцогъ Ангенскій былъ извѣщенъ, чрезъ письмо на имя той особы, для которой онъ жилъ въ Эттенгеймѣ, объ опасности, которой онъ могъ подвергнуться оставаясь тамъ.

Я знаю что въ слѣдствіе этого извѣщенія онъ рѣшился отправиться къ своему дѣду и что для сего ему слѣдовало проѣхать чрезъ часть Австрійскихъ владѣній.

Я знаю что Кавалеръ Стюартъ писалъ въ

Вѣну къ Г. Кобенцелю, прося его о немедленной присылкѣ паспорта.

Я знаю что Австрійскій кабинетъ очень замедлилъ отвѣтомъ и что еслибъ онъ сей часъ же отвѣтствовалъ, то Герцогъ Ангенскій непремѣнно бы спасся. Я знаю что излишнее, слѣпое усердіе, мною упомянутое, было виною слишкомъ поспѣшной казни Герцога Ангенскаго. Къ этимъ показаніямъ, я могу прибавить еще, очень любопытное обстоятельство. По принятому мною правилу при разсказѣ о вещахъ, которыхъ я самъ не видалъ или не слыхалъ, я начну объявленіемъ, что мнѣ пересказывалъ этотъ случай одинъ человѣкъ, слышавшій его самъ отъ бывшаго Секретаря Генерала Даву.

Секретарь, о которомъ я говорю, только что былъ назначенъ въ это званіе къ Генералу Даву, начальствовавшему Дивизіею въ Булонскомъ лагерѣ. Отправясь въ дилижансѣ къ своему Генералу, Секретарь замѣтилъ ѣдущаго съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ человѣка, котораго лице показывало глубокую скорбь, поглощавшую въ себѣ всю его душу. Этотъ человѣкъ, въ продолженіе цѣлаго дня, прерывалъ молчаніе свое одними только вздохами, которыхъ онъ не въ состояніи былъ удержать. Секретарь Генерала Даву смотрѣлъ на него съ любопытнымъ участіемъ, но уважилъ его безмолвіе. Однакожъ

какъ въ эту эпоху стеченіе проѣзжающихъ было очень велико на дорогахъ изъ Парижа въ лагерь, то вечеромъ трактиръ, въ которомъ остановился дилижансъ, такъ наполнился что недостало комнатъ для отведенія каждому проѣзжающему особой; пришлось помѣстить по двое въ одной и Секретарь распорядился такимъ образомъ что ему отвели покой вмѣстѣ съ его таинственнымъ спутникомъ. Когда они остались одни, то онъ заговорилъ съ нимъ тѣмъ голосомъ участія и расположенія, при которомъ вопросъ никогда не кажется нескромнымъ. Онъ сказалъ ему что не можетъ видѣть безъ соучастія обнаруживаемую имъ сильную горесть, спросилъ у него какая скорбь его удручаетъ и предложилъ ему свои услуги если его огорченія такого свойства, что онъ можетъ принимать утѣшенія. На всѣ эти разспросы незнакомецъ отвѣчалъ только тяжкими вздохами; наконецъ онъ сказалъ тому, который его спрашивалъ: «Я очень вамъ благодаренъ Милостивый Государь, за участіе, вами мнѣ оказанное; я ни въ чемъ не имѣю нужды и для меня не существуетъ въ свѣтѣ утѣшенія; скорбь, меня удручающая прекратится только съ моею жизнью. Вы сами это разсудите, ибо по участію, вами во мнѣ принятому, я не намѣренъ ничего отъ васъ скрывать. Представьте себѣ

мое отчаяніе: я былъ квартермистромъ въ Лейбъ-Жандармахъ; меня отправляютъ съ отрядомъ въ Венсенъ; мы проводимъ ночь подъ ружьемъ; на разсвѣтѣ мнѣ приказываютъ съ шестью человѣками сойти въ ровъ, гдѣ опредѣлено быть смертной казни. Приводятъ человѣка; я командую *пали*. Человѣкъ падаетъ и послѣ казни, я узнаю что мы разстрѣляли Герцога Ангенскаго. Могъ ли я думать что это былъ онъ? Его назвали мнѣ *Вандейскимъ разбойникомъ!* . . . Я оставилъ службу; мнѣ дали отставку и я отправляюсь домой къ своему семейству. За чѣмъ я раньше этого не сдѣлалъ!»

Вотъ что разсказывалъ часто и многимъ особамъ Секретарь Маршала Даву, котораго я не хочу назвать по имени.

Я знаю сверхъ того что одинъ человѣкъ, какъ выше упомянуто, предлагалъ Принцу Конде умертвить Бонапарте и что это предложеніе было отвергнуто какъ безчестное.

Я знаю что Фуше находился въ Парижѣ, и что не бывъ Министромъ Полиціи, онъ все начальствовалъ оною; что Фуше, хоть и состоявшій только въ званіи простаго Сенатора, былъ приглашенъ въ засѣданіе Совѣта, происходившее 10 Марта въ Тюлїери; и что въ этомъ-то засѣданіи Камбасересъ, который одинъ по своему сану, могъ говорить, сдѣлалъ по-

пытку, коей я выше изложилъ послѣдствіе.

Я знаю, что Герцогъ Ангенскій никогда не писалъ письма къ Первому Консулу и знаю это отъ старшаго Принцева Адъютанта, не покидавшаго его до послѣдней минуты. Я знаю также что ненависть и месть, истощивъ всѣ возможныя формы въ Парижѣ, пріискали другой видъ на утесѣ Св. Элены. Эта потребность ненависти и мести надѣялась быть удовлетворенною съ нѣкоторымъ наружнымъ видомъ истины до тѣхъ поръ, пока питавшіе оную не знали о дополненіи къ духовной Наполеона; но это дополненіе обнаружило истину и я съ увѣренностью на него ссылаюсь, ибо оно дѣйствительно существуетъ. Не страшусь объявить здѣсь мое желаніе: да будетъ исторія всегда писана на основаніи документовъ, столь же вѣрныхъ, какъ тѣ, которые приведены мною!

И такъ изъ всего этого выходитъ что Наполеонъ, можетъ быть желая угодить Революціи, повелѣлъ поспѣшно, немедленно, безъ соблюденія судебныхъ обрядовъ, лишить жизни Герцога Ангенскаго дабы вѣрнѣе достигнуть престола; ему повиновались со всею поспѣшностью, которую онъ, безъ всякаго сомнѣнія самъ предписалъ, такъ что онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности перемѣнить свое первоначальное рѣшеніе. Я навѣрное знаю, что

этототь приказъ былъ отданъ, и увѣренъ что еслибъ исполненiе казни замедлили нѣсколькими часами, то Герцогъ Ангенскiй бы не погибъ.

++

ГЛАВА XXII.

Взглядъ обратно.—Предполагаемыя причины Наполеона.—Ненависть и боязнь.—Первое пятно Бонапарте. — Порученіе Генералу Орденеру.—Взятіе Герцога Ангенскаго.—Прибытіе въ Парижъ.—Пять часовъ у заставы.—Ужасная ночная сцена.—Гаррель приходитъ ко мнѣ.—Подробности о смерти Принца.—Заранѣе вырытый ровъ. — Вопросы, сдѣланные Принцемъ Гаррелю. — Молочная сестра Герцога Ангенскаго.—Допросъ и чтеніе приговора.— Фонарь. — Генералъ Савари.—Мое мнѣніе и доказательства.—Именное приказаніе Наполеона.—Вѣрная собака и Полиція. — Возстановленіе уничтоженнаго порядка вещей.—Поѣздка моя въ Мальмезонъ.—Іозефина, Гортензія и Г-жа Ремюза.—Отчаяніе Іозефины и перемѣна, происшедшая въ Наполеонѣ.— Запальчивость его при просьбахъ Іозефины.—Мнѣніе Парижа.—Портретъ и волосы.—Волненіе Савари. — Г. Шатобріанъ.—Благородное поведеніе и просьба объ отставкѣ.— Мои воспоминанія о Г. Шатобріанѣ.—Сношенія его съ Наполеономъ.—Г-жа Баччіоки и Г. Фонтанъ.—Назначеніе Секретаремъ Посольства въ Римъ.—Кардиналъ Фешъ. — Посвященіе втораго изданія *Духа Христіанства*. — Воз-

вращеніе во Францію.—Новое мѣсто и обѣщаніе.—Г. Шатобріанъ у Бонапарте утромъ въ день смерти Герцога Ангенскаго.—Сдѣланныя имъ замѣчанія.—Неподражаемый поступокъ твердости. — Опасеніе друзей Г. Шатобріана. — Начало долговременной вражды.—Сужденіе Наполеона о Г. Шатобріанѣ.

Въ предъидущей главѣ читатели видѣли причины невозвратнаго преступленія; теперь я постараюсь съ величайшею точностью изложить пагубныя событія, бывшія послѣдствіемъ этихъ причинъ. Начну обзоромъ нѣкоторыхъ прежнихъ обстоятельствъ.

Все, происходившее съ 1802 года, благопріятствовало видамъ Наполеона къ завладѣнію короною; все поощряло его къ учрежденію въ свою пользу новой династіи. Но онъ считалъ долгомъ явить доказательство, что возстановляя престолъ, онъ возстановлялъ его только для себя. Онъ очень хорошо зналъ чѣмъ это кончится, но думалъ что другіе могли опасаться чтобы онъ со временемъ не перемѣнилъ своихъ мыслей и возстановивъ престолъ, не возвратилъ бы его Бурбонамъ. Республиканцы ниспровергли оный съ пролитіемъ Королевской крови. А потому, по его мнѣнію они согласятся видѣть возстановленіе трона счастливымъ воиномъ, ихъ побѣдившимъ и своими собственными руками воздвигнуть вновь зда-

ніе, ими разрушенное; но имъ были нужны обеспеченія. Бонапарте чувствовалъ себя непричастнымъ злодѣйствамъ Революціи; молодыя его лѣта предохранили его отъ убійствъ ея и онъ всегда поставлялъ себѣ это за славу. Правда что онъ сражался съ Роялизмомъ 13 Вандеміера; но говорили что это было болѣе по расчету и изъ честолюбія, чѣмъ по чувствамъ. Онъ счелъ что этой поруки для Республиканцевъ недостаточно. Отвращеніе его къ такъ называемымъ имъ кровожаднымъ людямъ Революціи, обнаружилось 3 Нивоза. Надобно было сдѣлать чтобы тѣ, въ коихъ онъ имѣлъ или полагалъ имѣть нужду — забыли ненависть, которую онъ не переставалъ къ нимъ обнаруживать и онъ думалъ достичь своей цѣли сдѣлавшись также какъ они виновнымъ. Всѣ знали мнѣніе его о цареубійцахъ и всегдашніе его о нихъ отзывы. Онъ слишкомъ хорошо умѣлъ цѣнить ихъ для того чтобы не знать, что все это заставляло ихъ быть бдительными и внушало имъ опасенія. Можетъ быть по мнѣнію Наполеона, они бы желали имѣть право сказать ему: «Мы лишили жизни Короля, но мы его судили. Ты, ты умертвилъ Принца въ противность всѣмъ судебнымъ обрядамъ.»

Поведеніе Наполеона было до тѣхъ поръ благородно и велико; но остатки ужаса, еще могущественные и коихъ сила увеличивалась его

воображенiемъ, могли бы не потерпѣть владыку, который, не бывъ подобно имъ преступенъ, могъ бы всегда имѣть упрекъ на устахъ. И такъ смерть Герцога Ангенскаго была избрана для того, чтобы успокоить предполагаемые страхи, которые ощушали люди Революцiи при одномъ только имени Бурбоновъ — ибо Наполеонъ полагалъ что они судятъ о себѣ точно также, какъ онъ объ нихъ судилъ. Притомъ же смерть Герцога Ангенскаго, долженствуя возбудить скорбь въ душахъ Роялистовъ, которые съ 18 Брюмера постепенно пристали къ Правительству Перваго Консула, — смерть сiя вновь удаляла ихъ отъ онаго, такъ что мѣста, чины и награды дѣлались вновь исключительнымъ удѣломъ людей Революцiи: вотъ выгоды, которыя онъ имъ представлялъ въ замѣнъ ожидаемыхъ отъ нихъ услугъ.

Попытаюсь теперь начертать изображенiе кровавой сцены Венсенскаго замка.

Генералу Орденеру, Командиру Гвардейскихъ Конно-Гренадеровъ, Военный Министръ далъ приказанiе отправиться на Рейнъ для сообщенiя наставленiй начальникамъ Нев-Бриссакскихъ Жандармовъ, которыхъ отдавали въ его распоряженiе. Генералъ Орденеръ послалъ взводъ Жандармовъ въ Эттенгеймъ, гдѣ Принцъ былъ задержанъ 15 Марта. Его тотчасъ отвезли въ Страсбургскую цитадель, гдѣ онъ пробылъ до

18 числа дабы имѣть время получить изъ Парижа приказанія. Эти приказанія были быстры и немедленно исполнены ибо карета, въ которой везли злополучнаго Принца, прибыла къ заставѣ 20-го, въ одиннадцать часовъ утра. Простоявъ тамъ пять часовъ, она отправилась по внѣшнимъ булеварамъ къ Венсенскому замку, коего достигла уже вечеромъ. Вся эта ужасная сцена долженствовала произойти ночью и солнце даже не освѣтило трагическій конецъ ея. Отряду приказано быть ночью въ Венсеннѣ, коего роковыя врата закрылись по въѣздѣ Принца; ночью судъ собрается и судитъ его или лучше сказать, безъ суда его осуждаетъ; когда же утренній колоколъ пробилъ шесть часовъ, то раздался выстрѣлъ и въ шесть часовъ утра Принцъ перестаалъ существовать.—Здѣсь да позволено мнѣ будетъ сдѣлать замѣчаніе: Даже и допустивъ, что совѣтъ 10 Марта имѣлъ вліяніе на взятіе подъ стражу Герцога Ангенскаго, — совѣта не было между прибытіемъ его къ заставѣ и минутою казни; слѣдовательно одинъ только Бонапарте могъ отдать приказанія, слишкомъ точно выполненныя.

Когда страшная вѣсть о смерти Герцога Ангенскаго разнеслась въ Парижѣ, то она возбудила всеобщій ужасъ, напомнившій самые грозные дни Революціи. Ахъ! еслибъ Бонапарте могъ видѣть лица жителей столицы и сравнить мрачный, угрюмый видъ ихъ съ радостью, блистав-

шею повсюду въ тотъ день, когда онъ возвратился побѣдителемъ съ полей Маренгскихъ, то онъ бы заключилъ, что помрачилъ славу свою пятномъ, навѣки неизгладимымъ. Ужъ конечно онъ бы тогда не посмѣлъ, — какъ мы то дѣлали въ началѣ житья нашего въ Тюлієри — выспрашивать общественное мнѣніе въ скрытныхъ прогулкахъ, или онъ повсюду услышалъ бы подтвержденіе дурныхъ отзывовъ, которые онъ нарочно самъ о себѣ заводилъ.

Двадцать втораго Марта, около половины перваго часа полудня мнѣ сказали, что нѣкто меня спрашиваетъ: это былъ Гаррель. Помѣщаю слово въ слово сказанное имъ мнѣ. Гаррель можетъ быть счелъ долгомъ сообщить мнѣ эти подробности изъ благодарности; но онъ не былъ мнѣ оною обязанъ; ибо ужъ очень не по моей волѣ онъ поддерживалъ заговоръ Церакки и получилъ награду за свое притворное въ немъ соучастіе.

«Третьягодня вечеромъ,» сказалъ онъ мнѣ, «до пріѣзда Принца, меня спросили, могу ли я помѣстить арестанта. Я отвѣчалъ что нѣтъ и что не заняты только моя квартира и присутствіе Суда. Тогда мнѣ велѣли тотчасъ приготовить комнату для ночлега арестанта, котораго привезутъ вечеромъ. Мнѣ также приказали чтобъ была *вырыта на дворѣ яма* (*); я от-

(*) Замѣтьте хорошенько это обстоятельство: Гарелю приказали вырыть яму прежде суда; слѣдовательно знали, что Гер-

вѣчалъ что это не легко сдѣлать потому что дворъ вымощенъ. Потребовали другаго мѣста и рѣшились сдѣлать это во рву, гдѣ дѣйствительно яма была приготовлена.

«Принцъ пріѣхалъ въ семь часовъ вечера. Онъ былъ очень голоденъ, но не имѣлъ печальнаго вида. Онъ попросилъ у меня поѣсть, желая послѣ того лечь. Такъ какъ комната его не была еще вытоплена, то я принялъ его у себя и велѣлъ принести кушанье изъ деревни. Принцъ сѣлъ за столъ и пригласилъ меня поѣсть съ нимъ. Тогда онъ сдѣлалъ мнѣ множество вопросовъ о Венсенскомъ зáмкѣ, о происшедшемъ въ немъ и о разныхъ другихъ вещахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ воспитанъ въ окрестностяхъ этого зáмка; и вообще разговаривалъ со мною очень свободно и ласково. Онъ спросилъ у меня: *Чего отъ меня хотятъ? Что хотятъ со мною сдѣлать?* Но эти вопросы не потревожили его спокойствія и не показывали никакихъ опасеній. Жена моя, которая больна, лежала въ тойже комнатѣ въ альковѣ за рѣшетчатою перегородкою; она услышала, не будучи имъ замѣченною, весь этотъ разговоръ, произведшій въ ней сильное

цогъ Ангенскій долженъ быть умерщвленъ. Что на это отвѣчать? Возможно ли предполагать чтобы кто нибудь осмѣлился дать заранѣе такое приказаніе, еслибъ это не было именно повелѣно Наполеономъ? Это было бы невѣроятно.

волненie ибо она узнала Принца, котораго она была молочная сестра и котораго семейство давало ей до Революцiи пансiонъ (*).

«Принцъ поспѣшилъ лечь; онъ имѣлъ въ томъ нужду; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ заснуть, судьи потребовали его въ присутственную залу. Я не былъ при допросѣ (**). По

(*) Эта женщина была очень опасно больна послѣ этого ужаснаго происшествiя.

(**) Помѣщаю здѣсь въ выноскѣ извлеченiе изъ допроса Герцога Ангенскаго, дабы не помѣшать быстротѣ разсказа, еслибъ оное было включено въ самомъ текстѣ.

«XII года Французской Республики, сего 29 Вантоза, въ двѣнадцать часовъ вечера, я Капитанъ Лейбъ-Жандармовъ, по приказанiю начальствующаго оными Генерала, явился къ Главнокомандующему Мюрату, Парижскому Губернатору, который велѣлъ мнѣ тотчасъ отправиться въ Венсенскiй замокъ къ Генералу Гюллену, начальнику Гренадеровъ Консульской Гвардiи, для полученiя отъ него дальнѣйшихъ приказанiй.

«Комисiя военнаго суда немедленно учредится въ Венсенскомъ замкѣ для сужденiя, не расходясь, обвиненнаго по статьямъ, изложеннымъ въ опредѣленiи Правительства.

«Для исполненiя сихъ распоряженiй и по приказанiю Презуса Комисiи, Капитанъ Докладчикъ отправился въ комнату, въ коей спалъ Герцогъ Ангенскiй, въ сопровожденiи Эскадроннаго Командира Лейбъ-Легiона, Поручика и двухъ пѣшихъ Жандармовъ того же Легiона.

«Капитанъ-Докладчикъ получилъ нижеслѣдующiе отвѣты на сдѣланные имъ вопросы, записанные Капитаномъ 8-го Полка, избраннымъ въ Секретари.

«На вопросъ: какъ его имя и прозванiе, который ему годъ и гдѣ онъ родился?

«Отвѣчалъ: что его зовутъ Лудовикъ-Антонъ-Генрихъ де Бурбонъ, Герцогъ Ангенскiй, и что онъ родился 2 Августа 1772 года въ Шантильи.

окончаніи онаго, Принцъ возвратился въ свою горницу и когда пришли для прочтенія ему приговора, то онъ крѣпко спалъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, его повели на казнь. Онъ такъ мало ожидалъ оной, что сходя

—«На вопросъ: когда онъ выѣхалъ изъ Франціи?

«Отвѣчалъ: Я не могу сказать сего опредѣлительно. Но онъ думаетъ, что 16 Іюля 1789 года, онъ выѣхалъ съ Принцемъ Конде, своимъ дѣдомъ, съ отцемъ своимъ, съ Графомъ д'Артуа и съ дѣтьми сего послѣдняго.

—«На вопросъ: гдѣ онъ жилъ по выѣздѣ изъ Франціи?

«Отвѣчалъ: Выѣхавъ изъ Франціи я побывалъ съ моими родителями, за которыми я повсюду слѣдовалъ, въ Монѣ и Брюсселѣ; оттуда мы отправились въ Туринъ, къ Королю Сардинскому, гдѣ пробыли около шестнадцати мѣсяцовъ. Оттуда, вмѣстѣ со своими родителями, онъ поѣхалъ въ Вормсъ и въ окрестности на берегахъ Рейна. По учрежденіи корпуса Конде, я служилъ въ немъ. Прежде сего я сдѣлалъ походъ 1792 года съ Бурбонскимъ Корпусомъ въ арміи Герцога Алберта.

—«На вопросъ: куда онъ удалился послѣ мира, заключеннаго между Республикою и Императоромъ?

«Отвѣчалъ: Мы окончили послѣднюю кампанію въ окрестностяхъ Греца; тамъ-то Корпусъ Конде, получавшій содержаніе отъ Англіи, былъ распущенъ, т. е. въ Вендрихъ-Факстрикцѣ въ Стиріи;—что онъ послѣ сего оставался для своего удовольствія въ Грецѣ или въ окрестностяхъ онаго, ожидая извѣстій отъ своего дѣда, Принца Конде, который отправился въ Англію и долженъ былъ увѣдомить его о томъ какое сія Держава назначитъ ему содержаніе, до сихъ поръ еще не опредѣленное. Въ этотъ промежутокъ я испросилъ у Кардинала де Рогана позволеніе ѣхать въ его владѣніе, въ Эттенгеймъ въ Брисгавѣ, бывшемъ Эпископствѣ Страсбургскомъ; что два года съ половиною онъ оставался въ этой землѣ. По смерти Кардинала, онъ оффиціяльно испросилъ у Курфирста Баденскаго дозволеніе остаться въ этомъ краю, не желая жить тамъ безъ его на то соизволенія.

по лѣстницѣ, ведущей въ ровъ, спросилъ куда его ведутъ; ему не отвѣчали. Я предшествовалъ Принцу съ фонаремъ; почувствовавъ холодъ, идущій съ низу, онъ стиснулъ мнѣ руку и сказалъ мнѣ: «*Не въ тюрьму ли меня хотятъ заточить?*» Остальное извѣстно. Я

—«На вопросъ: не ѣздилъ ли онъ въ Англію и продолжаетъ ли онъ получать отъ сей Державы содержаніе?

«Отвѣчалъ: что никогда туда не ѣздилъ; что Англія продолжаетъ давать ему содержаніе, кромѣ коего онъ не имѣетъ никакихъ доходовъ.

«Просилъ къ сему прибавить: что такъ какъ причины, по коимъ онъ оставался въ Этенгеймѣ, болѣе уже не существуютъ то онъ располагалъ переѣхать въ Фрибургъ въ Брисгавѣ, городъ гораздо пріятнѣе Этенгейма гдѣ онъ оставался только въ ожиданіи отъ Курфирста позволенія для охоты, которую онъ чрезвычайно любилъ.

—«На вопросъ: имѣетъ ли онъ переписку съ Французскими Принцами, удалившимися въ Лондонъ; и давно ли онъ съ ними видѣлся?

«Отвѣчалъ, что конечно онъ имѣетъ переписку со своимъ дѣдомъ, послѣ того какъ онъ разстался съ нимъ въ Вѣнѣ, куда онъ проводилъ его по распущеніи Корпуса; что онъ равномѣрно переписывается съ отцемъ своимъ, котораго онъ не видалъ, сколько можетъ припомнить съ 1794 или съ 1795 года.

—«На вопросъ: какое званіе занималъ онъ въ арміи Конде?

«Отвѣчалъ: Начальника авангарда въ продолженіе 1796 года. До сего похода былъ волонтеромъ въ главной квартирѣ своего дѣда; а съ 1796 года продолжалъ быть начальникомъ авангарда, замѣтивъ что по переходѣ арміи Конде въ Россію, эта армія состояла изъ двухъ Полковъ: Пѣхотнаго и Драгунскаго, что Императоръ пожаловалъ его Полковникомъ послѣдняго изъ оныхъ и что въ этомъ званіи онъ возвратился въ Рейнскія арміи.

—«На вопросъ: знаетъ ли онъ Генерала Пишегрю и имѣетъ ли съ нимъ сношенія?

еще теперь вижу, какъ Гаррель содрогался, приводя себѣ на память это движеніе злополучнаго Принца.

Таковъ былъ разсказъ Гарреля черезъ день послѣ казни. Много было говорено о фонарѣ, будто бы привязанномъ къ петлицѣ Герцога Ангенскаго: это чистая выдумка. Капитанъ Дотанкуръ, который не очень хорошо видѣлъ, приблизилъ фонарь, несомый Гаррелемъ для прочтенія приговора, и какого приговора! несчастному Принцу, котораго осудили безъ соблюденія судебныхъ обрядовъ и правосудія. Вѣроятно, что это употребленіе фонаря подало по-

«Отвѣчалъ: Кажется что я никогда не видалъ его и не имѣлъ съ нимъ сношеній. Знаю, что онъ желалъ со мною повидаться. Я радуюсь что незнакомъ съ нимъ, судя по низкимъ средствамъ, которыя онъ хотѣлъ употребить, если это справедливо.

—«На вопросъ: знаетъ ли онъ бывшаго Генерала Дюмурье и имѣлъ ли онъ съ нимъ сношенія?

«Отвѣчалъ: Также нѣтъ, я никогда его не видалъ.

—«На вопросъ: не имѣлъ ли онъ со времени заключенія мира сношеній внутри Республики?

«Отвѣчалъ: я писалъ къ нѣсколькимъ друзьямъ, которые мнѣ еще преданы, которые воевали со мною за свои и за мои дѣла. Но эта переписка не была такова, о каковой по его мнѣнію, у него спрашиваютъ.

«Во увѣреніе чего сіе изложено за подписаніемъ Герцога Ангенскаго и прочихъ лицъ, присутствовавшихъ при допросѣ.

«*Прежде подписанія сего допроса, я убѣдительно прошу о частномъ свиданіи съ Первымъ Консуломъ. Мое имя, званіе, образъ мыслей и ужасъ моего положенія, подаютъ мнѣ надежду что онъ не откажетъ въ моей просьбѣ.*

Л. А. Г. де БУРБОНЪ.

(слѣдуютъ подписи).

водъ къ распространенному слуху. Притомъ же было шесть часовъ утра въ роковую минуту, а 21 Марта всегда бываетъ свѣтло въ шесть часовъ утра.

Генералъ Савари не посмѣлъ взять на себя отложить исполненiе приговора не смотря на то, что Принцъ убѣдительно просилъ о свиданiи съ Первымъ Консуломъ; еслибъ Бонапарте увидѣлъ Принца, то полагаю что безъ всякаго сомнѣнiя онъ даровалъ бы ему жизнь, ибо онъ не могъ бы сдѣлать иначе; но Савари счелъ нужнымъ пожертвовать его головою могущественной партiи, владѣвшей тогда Первымъ Консуломъ и думая услужить своему повелителю, онъ дѣйствительно услужилъ только партiи, къ которой, должно сказать, самъ не принадлежалъ. И такъ по сущей справедливости, Генерала Савари особенно можно упрекать въ томъ что онъ не взялъ на себя отсрочить казнь, которая вѣроятно бы не послѣдовала, еслибъ она была замедлена; онъ былъ только орудiемъ и по моему мнѣнiю сожалѣнiе съ его стороны гораздо болѣе послужило бы въ его пользу чѣмъ его тщетныя усилiя оправдать Наполеона и соображенiя, соединявшiя его съ Якобинцами. Я сказалъ что еслибъ казнь была отложена, то вѣроятно опая бы не послѣдовала: я нахожу этому почти доказательство въ нерѣшимости, долженствовавшей царствовать въ

душѣ Перваго Консула. Еслибъ онъ не колебался, то всѣ мѣры были бы заблаговременно приняты, а еслибъ оныя были приняты то конечно карета Герцога Ангенскаго не простояла бы пять часовъ у заставы; а притомъ достовѣрно, что сначала намѣревались было отвезти Принца въ Тампльскую тюрьму.

Изъ всего, сказаннаго мною и въ особенности изъ неотсрочки казни Герцога Ангенскаго, для меня ясно какъ день обнаруживается, что Генералъ Савари получилъ отъ Бонапарте именной приказъ погубить Герцога Ангенскаго и сдѣлать такимъ образомъ, чтобы невозможно было передоложить о томъ Наполеону до тѣхъ поръ пока все кончится. Какого требовать болѣе очевиднаго тому доказательства, какъ ровъ, который заранѣе было приказано вырыть? И, какъ мною выше упомянуто, Гаррель сказалъ мнѣ это; онъ сказалъ мнѣ это безъ всякаго съ моей стороны вопроса и не могъ выдумать обстоятельство такого рода. Преданный памяти своего повелителя столькоже какъ былъ преданъ его особѣ, Герцогъ Ровиго показалъ геройскую приверженность къ Наполеону, чрезъ свое стараніе смягчить истину, даже противорѣча объявленному въ духовномъ завѣщаніи Бонапарте. Мнѣ пріятно отдать ему эту справедливость, которой онъ не хотѣлъ самъ себѣ отдать; Генералъ Савари только повино-

вался. Прибавлю къ тому что въ правленіи Наполеона, совершено военномъ, чинопочитаніе было столь строго, что никто бы не посмѣлъ не исполнить приказанія, даннаго Начальникомъ. Читатели видѣли что самъ Моро, сидѣвшій въ Тамплѣ въ ту эпоху, которую я теперь описываю, повиновался приказу, назначившему его тюремщикомъ Директоріи.

Генералъ Савари, въ минуту казни находился не во рву, а на вершинѣ вала откуда ему легко было все видѣть.

Говорили также о другомъ обстоятельствѣ, относящемся къ смерти Принца: оно справедливо.

Принцъ имѣлъ собачку; это вѣрное животное безпрестанно приходило въ ровъ къ роковому мѣсту. Кто этого не видалъ? ибо усердіе, съ коимъ начали посѣщать это мѣсто скорби, совершенно походило на поклоненіе. Смотрѣли на мѣсто гдѣ пала юная жертва до тѣхъ поръ пока выкатившаяся слеза не препятствовала видѣть онаго и удивлялись вѣрности бѣдной собаки. Но Полиція, всего опасавшаяся, приняла свои мѣры. Запретили ходить чрезъ это мѣсто и собака перестала тосковать на могилѣ своего господина.

Бонапарте былъ близокъ къ достиженію своей цѣли, т. е. къ объявленію себя Императоромъ; онъ представилъ людямъ Революціи такія

ручательства, какихъ они не посмѣли бы потребовать; и вскорѣ эти гордые Республиканцы начали улыбаться возстановленію порядка вещей, ими уничтоженнаго, на перерывъ расточая поклонничество, раболѣпіе и подлость въ обмѣнъ за золото, изгибаться для поднятія того что они нѣкогда втаптывали въ грязь и пріобрѣтать богатство, могущество чрезъ тѣ самыя правила, которыя они попирали ногами.

Я обѣщалъ сообщить правду о смерти Герцога Ангенскаго и сказалъ ее, сколь дорого это мнѣ ни стоило. Объявленіе Гарреля и ужасное обстоятельство заранѣе вырытой ямы не дозволили мнѣ остановиться на сомнѣніяхъ, которыя желалъ бы я питать; и все послѣдовавшее за тѣмъ, не менѣе того воспрепятствовало мнѣ имѣть оныя. 22 числа, по выходѣ отъ меня Гарреля, я рѣшился ѣхать въ Мальмезонъ, повидаться съ Г-жею Бонапарте; зная по извѣстнымъ мнѣ чувствамъ ея къ Бурбонамъ, что она должна находиться въ сильномъ огорченіи. Я предварительно послалъ къ ней спросить можетъ ли она меня принять, какой предосторожности я прежде никогда не употреблялъ, но которую счелъ при этомъ обстоятельствѣ нужною. По пріѣздѣ моемъ, я былъ тотчасъ введенъ къ ней въ будуаръ гдѣ она находилась только съ Гортензіею и съ Г-жею Ремюза; всѣ онѣ были жестоко огорчены. «Ахъ Буріеннъ,»

вскричала Iозефина, увидѣвъ меня, «какое ужасное несчастiе! еслибъ вы знали, каковъ онъ сталъ съ нѣкотораго времени: онъ избѣгаетъ, онъ боится присутствiя всѣхъ. Кто могъ ему внушить такое дѣло?» Я пересказалъ тогда Iозефинѣ подробности, сообщенныя мнѣ Гарремъ. «Какая жестокость!» продолжала Iозефина, «покрайней мѣрѣ не станутъ меня въ этомъ винить, ибо я все испытала для того чтобы отклонить его отъ этого пагубнаго намѣренiя; онъ не открывалъ мнѣ его, но вы знаете какъ я умѣю его угадывать и онъ во всемъ признался; но съ какою суровостью онъ отвергнулъ мои просьбы! Я не отставала отъ него, я бросилась къ ногамъ его: *Не вмѣшивайся въ то что до тебя не касается!* вскричалъ онъ съ яростью, *это не женское дѣло! оставь меня.* И оттолкнулъ меня съ запальчивостью, какой я отъ него еще не видала послѣ перваго нашего свиданiя по возвращенiи вашемъ изъ Египта. Боже мой! что съ нами будетъ?»

Я не имѣлъ ничего сказать Г-жѣ Бонапарте для успокоенiя скорби и опасенiй, мною самимъ раздѣляемыхъ, ибо къ огорченiю, причиненному мнѣ неслыханнымъ злодѣйствомъ, коего Герцогъ Ангенскiй палъ жертвою,—присоединялось почти равная печаль огорченiе о томъ, что Бонапарте былъ способенъ свершить такое злодѣйство. «Каково должно быть мнѣнiе

Парижа,» продолжала Іозефина, «я увѣрена что его вездѣ проклинаютъ; ибо здѣсь даже самые льстецы его повидимому огорчаются, не находясь въ его присутствіи. Мы очень печальны со вчерашняго дня, а онъ! . . . Вамъ извѣстно каковъ онъ, когда онъ недоволенъ самимъ собою и когда старается всѣмъ это показать; никто не смѣетъ заговорить съ нимъ и все вокругъ насъ угрюмо. Какое порученіе онъ далъ Савари! Вы знаете что я не люблю его, потому что онъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ ласкательства наиболѣе будутъ содѣйствовать къ погубленію Наполеона. Не смотря на то, мнѣ стало жаль Савари, когда онъ вчера явился ко мнѣ для исполненія печальной порученности, данной ему передъ смертью Герцогомъ Ангенскимъ. Вотъ,» прибавила Іозефина «портретъ его и пучокъ его волосъ, которые онъ проситъ меня отослать къ милой ему особѣ. Савари почти со слезами пересказывалъ мнѣ о послѣднихъ минутахъ Герцога; потомъ, стараясь преодолѣть себя онъ прибавилъ: Какъ ни старайся, а невозможно видѣть умирающимъ такого человѣка, не ощутивъ живѣйшаго волненія.»

Іозефина разсказала мнѣ тогда о единственномъ мужественномъ поступкѣ, въ то время сдѣланномъ: о просьбѣ увольненія, поданной Наполеону Шатобріаномъ; она очень хвалила его поведеніе и прибавила: «Какое несчастіе,

что онъ не окруженъ людьми такихъ свойствъ; это останавливало бы его при всѣхъ ошибкахъ, которыя постоянное одобренiе окружающихъ, заставляетъ его дѣлать.» Iозефина поблагодарила меня за то, что я имѣлъ вниманiе навѣстить ее при такомъ жестокомъ обстоятельствѣ; и признаюсь, что нужна была вся моя къ ней привязанность для того, чтобы на то рѣшиться; ибо въ эту минуту я вовсе не желалъ бы увидѣться съ Первымъ Консуломъ, потому что зло было невозвратно. Сокративъ мое посѣщенiе, я довольно поздо воротился домой къ обѣду. Вечеромъ, только и было разговоровъ что о злодѣянiи 21 Марта и о прекрасномъ поведенiи Г-на Шатобрiана. Такъ какъ имя этого знаменитаго человѣка на вѣки вписано буквами чести въ исторiю сей эпохи, то я думаю что прилично будетъ напомнить здѣсь то что мнѣ извѣстно о прежнихъ сношенiяхъ его съ Наполеономъ.

Не помню точнаго времени возвращенiя Г-на Шатобрiана во Францiю; знаю только что это было въ началѣ 1800 года, ибо кажется что мы жили тогда еще въ Люксембургѣ; но у меня осталось въ свѣжей памяти, что Бонапарте сначала былъ противъ него предубѣжденъ и когда я однажды изъявилъ Первому Консулу удивленiе мое о томъ что Г. Шатобрiанъ не внесенъ ни въ одинъ изъ списковъ, которые

онъ приказалъ себѣ подать для назначенія на разныя мѣста, то онъ сказалъ: «Мнѣ объ немъ начинали говорить, но я отвѣчалъ такимъ образомъ что ужъ впредь не заведутъ объ немъ рѣчи; у него въ головѣ мысли о свободѣ, о независимости; онъ никогда бы не вошелъ въ мою систему; я лучше хочу имѣть его открытымъ врагомъ, чѣмъ принужденнымъ другомъ. Впрочемъ современемъ мы увидимъ; я сначала дамъ ему для опыта второстепенное мѣсто и если онъ выгодно себя покажетъ, то я его повышу.»

Вотъ слово въ слово, что сказалъ мнѣ Бонапарте о Г. Шатобріанѣ въ первый разъ какъ онъ объ немъ со мною говорилъ. Выходъ въ свѣтъ *Аталы*, а потомъ *Духа Христіанства* вдругъ придали его имени большой блескъ и обратили на него вниманіе Перваго Консула. Замышляя возстановленіе во Франціи Вѣры, Бонапарте нашелъ себѣ удивительную подпору въ изданіи книги, произведшей большое впечатлѣніе и которой отличное достоинство побуждало умы обратиться къ набожнымъ понятіямъ. Я помню что однажды Г-жа Баччіоки пришла къ своему брату, держа въ рукѣ небольшую книжку: это была *Атала*, которую она подала Первому Консулу, прося его прочитать ее. Онъ сначала сказалъ: «Опять романъ съ литеры А! Право у меня мало времени

для того, чтобы читать всѣ ваши вздоры!» Онъ однакожъ взялъ книжку изъ рукъ сестры своей и положилъ ее на свой письменный столъ. Тогда Г-жа Баччіоки начала просить его объ исключеніи Г-на Шатобріана изъ списка эмигрантовъ: «А! а!» прервалъ онъ ее, «это произведеніе Г-на Шатобріана! прочту. Буріеннъ, напиши къ Фуше, чтобы онъ вычеркнулъ имя его изъ списка.» Изъ этого видно сколь мало Бонапарте занимался литературными вещами, когда онъ даже не зналъ еще что Г-нъ Шатобріанъ написалъ *Аталу.* По ходатайству Г-на Фонтана, Г-жа Баччіоки взялась просить объ этомъ дѣлѣ и просьба ея увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Первый Консулъ прочиталъ *Аталу* и остался очень ею доволенъ; когда же черезъ нѣсколько послѣ того времени былъ изданъ *Духъ Христіанства,* то прежнія его предубѣжденія совершенно разсѣялись. Изъ людей, его окружавшихъ, многіе боялись увидѣть человѣка съ такимъ великимъ талантомъ какъ Г. Шатобріанъ, приближеннымъ къ Первому Консулу, который, будучи чувствителенъ къ высокимъ достоинствамъ всякаго рода, старался привязать къ себѣ одаренныхъ оными людей, если онъ имъ не завидовалъ.

По возобновленіи сношеній съ Римскимъ Дворомъ и по назначеніи Кардинала Феша Посланникомъ при Римскомъ престолѣ, — Бонапарте

первый возъимѣлъ мысль назначить Г-на Шатобріана Старшимъ Секретаремъ этого Посольства, полагая что авторъ *Духа Христіанства* лучше всякаго другаго замѣнитъ недостающіе у его дяди таланты въ столицѣ Христіанскаго міра, предназначенной сдѣлаться вторымъ городомъ Имперіи.

Очень достопримѣчательно было для той эпохи видѣть что человѣкъ, до тѣхъ поръ чуждый дипломатіи, миновавъ всѣ низшія степени, вдругъ достигъ званія Старшаго Секретаря при важномъ посольствѣ. Я не разъ видѣлъ, что Первый Консулъ радовался сдѣланному имъ выбору. Я тогда же узналъ, но Первому Консулу въ то время было неизвѣстно, что Г. Шатобріанъ сначала отказался и уступилъ только убѣжденіямъ пастырей церкви, а въ особенности Аббата Эмери, человѣка отличнаго по своему таланту и пользовавшагося большимъ вліяніемъ. Они представили автору *Духа Христіанства*, что для выгодъ Церкви было весьма важно чтобы онъ сопутствовалъ въ Римъ дядѣ Перваго Консула и Г. Шатобріанъ рѣшился ѣхать.

Неизвѣстно мнѣ по какимъ причинамъ, между Посланникомъ и Секретаремъ Посольства возникли несогласія; знаю только что когда это дошло до Бонапарте, то онъ сначала взялъ сторону Кардинала и друзья Г-на Шатобріана ни-

сколько не сомнѣвались въ томъ, что онъ будетъ отрѣшенъ; какъ вдругъ, къ большому всѣхъ удивленію, вмѣсто отставки, Наполеонъ назначилъ Секретаря Римскаго Посольства Полномочнымъ Министромъ въ Валезію; съ дозволеніемъ путешествовать по Швейцаріи и по Италіи, а сверхъ того съ обѣщаніемъ перваго большаго Посольства, которое упразднится.

Эта чрезвычайная милость надѣлала много шуму въ Тюліери, но извѣстная воля Наполеона обуздывала объ этомъ толки и довольствовались потихоньку роптать что Бонапарте дѣлаетъ для имени Г-на Шатобріана то, что онъ въ существѣ дѣлалъ только для его таланта. Въ продолженіе этого благоволенія Перваго Консула, Г. Шатобріанъ посвятилъ ему второе изданіе *Духа Христіанства.*

Г. Шатобріанъ возвратился во Францію дабы приготовиться ко вступленію въ новую должность. Когда, по проведеніи имъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, наступило время его отъѣзда, то онъ явился однажды утромъ въ кабинетъ Перваго Консула дабы проститься съ нимъ предъ отправленіемъ къ новому мѣсту. По странному случаю это пришлось въ самое роковое утро 21 Марта, не больше какъ черезъ четыре часа послѣ того какъ Герцогъ Ангенскій былъ разстрѣлянъ. Не имѣю нужды го-

ворить, что Г. Шатобріанъ не зналъ объ этомъ ужасномъ событіи; однакожъ, возвратясь отъ Перваго Консула, онъ сказалъ друзьямъ своимъ и кажется я слышалъ сіе отъ Г. Фонтана,—что онъ замѣтилъ на лицѣ Перваго Консула большую перемѣну и нѣчто зловѣщее въ его взглядѣ. Бонапарте, увидѣвъ своего новаго Министра въ толпѣ, нѣсколько разъ приближался къ нему какъ будто для того, чтобы съ нимъ поговорить; но вдругъ отворотился и болѣе уже не подходилъ на его сторону. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того какъ Г. Шатобріанъ сообщилъ свои замѣчанія двумъ или тремъ изъ друзей своихъ, публичные крикуны обнаружили ему причину волненія, котораго, не смотря на всю силу своего характера и неимовѣрную власть надъ самимъ собою, Бонапарте не могъ скрыть. Г. Шатобріанъ послалъ просьбу о увольненіи его отъ мѣста Полномочнаго Министра въ Валезіи. Друзья его нѣсколько дней находились въ сильномъ безпокойствѣ; они всякой день утромъ приходили освѣдомляться не взятъ ли онъ ночью подъ стражу; опасенія ихъ могли быть очень основательны. Что касается до меня, то зная Наполеона, я въ то время очень удивился тому что гнѣвъ, обнаруженный имъ при полученіи просьбы объ отставкѣ отъ человѣка, посвятившаго ему свое сочиненіе, — не

имѣлъ дурныхъ послѣдствій; правду сказать, тутъ всего можно было страшиться и не безъ большаго труда Елиза успѣла усмирить бурю, которая, въ первую минуту, была бы ужасна. Съ этихъ поръ началась между Бонапарте и Шатобріаномъ непріязнь, прекратившаяся не прежде какъ по возстановленіи Бурбоновъ.

Зная Наполеоновъ характеръ, я увѣренъ что по прошествіи перваго пыла его негодованія и хотя онъ сохранилъ непримиримую вражду противъ возвращеннаго имъ во Францію эмигранта, который осмѣлился такимъ положительнымъ, такимъ торжественнымъ образомъ карать его поведеніе, — однакожъ причина ненависти, въ тоже время возбудила въ немъ и уваженіе. Соглашаюсь, что гнѣвъ Бонапарте былъ весьма естественъ, ибо онъ не могъ обмануть себя въ настоящемъ значеніи этой просьбы объ отставкѣ, поданной при такомъ обстоятельствѣ; она ясно говорила: «Ты сдѣлалъ преступленіе и я не хочу больше служить твоему Правительству, обагренному кровью Бурбона!» Посему я очень понимаю что Бонапарте никогда не могъ простить единственному человѣку, который осмѣлился дать ему такой урокъ посреди его всемогущества; но — какъ я уже не разъ имѣлъ случай замѣчать — чувства Наполеона и разсудокъ его, никогда не были между собою за одно; я нахожу новое тому доказатель-

ство въ слѣдующемъ отрывкѣ, который онъ продиктовалъ Г-ну Монтолону на островѣ Св. Элены.

«Еслибы—говоритъ онъ—въ 1814 и въ 1815 годахъ, Королевская довѣренность не была оказываема людямъ съ душами, закаленными слишкомъ сильными обстоятельствами или которые, отрицаясь отъ своего отечества, видятъ спасеніе и славу престола своего повелителя только въ покорности игу Священнаго Союза; еслибъ Герцогъ Ришельё, котораго честолюбіе состояло въ томъ чтобы избавить свою отчизну отъ иноземныхъ штыковъ; еслибъ Шатобріанъ, оказавшій въ Гентѣ важныя услуги, — управляли дѣлами, то Франція вышла бы могущественною и грозною изъ этихъ двухъ великихъ Государственныхъ переворотовъ.

Шатобріанъ получилъ отъ природы священный огнь. Сочиненія его въ томъ свидѣтельствуютъ; слогъ его есть слогъ не Расина, а пророка. Одинъ только онъ на свѣтѣ, могъ безнаказанно сказать въ Палатѣ Перовъ, что *плащъ и шляпа Наполеона, вздѣтые на палку, воткнутую на Брестскомъ берегу, заставили бы всю Европу броситься къ оружію.* Если онъ когда либо достигнетъ Государственнаго кормила, то вещь возможная что Шатобріанъ впадетъ въ заблужденіе;—это столь многихъ погубило! Но достовѣрно, что всё великое и націо-

нальное согласуется съ его генiемъ и что онъ съ негодованiемъ бы отринулъ всѣ позорныя дѣйствiя тогдашняго управленiя.» (*)

Я буду еще имѣть случай говорить въ моихъ Запискахъ о великомъ писателѣ и Государственномъ мужѣ, подавшемъ столь высокiй примѣръ твердости духа, которому по несчастiю, не нашлось подражателей. До сихъ поръ вотъ все что мнѣ было извѣстно о сношенiяхъ Г. Шатобрiана съ Бонапарте до эпохи, мною описываемой.

(*) Записки для исторiи Францiи при Наполеонѣ, соч. Монтолона.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ЛИХОИМСТВА

ВЪ

ИТАЛІИ (*).

Я уже предупредилъ читателей, что нижеслѣдующую статью, можетъ статься приличнѣе было бы помѣстить въ первую часть моихъ Записокъ; однакожъ въ ней такъ много говорится о безчестномъ поведеніи нашего бывшаго товарища Букé, коего присутствіе и короткость такъ сильно раздражили Перваго Консула у отца Бертона, что я счелъ возможнымъ помѣстить ее здѣсь при этомъ случаѣ; и когда увидятъ что онъ сдѣлалъ, то легко поймутъ сколь справедливо Первый Консулъ вознегодовалъ увидѣвъ его въ Комисіи.

Послѣ занятія Веронны, въ началѣ Италіянскаго похода, Французскій гарнизонъ принужденъ былъ оттуда выйти и чернь, раздраженная противъ Французовъ, умертвила нѣсколько несчастныхъ солдатъ, оставленныхъ въ госпиталяхъ сего города. Вскорѣ послѣ этого, Веронна была вновь осаждена двумя Дивизіями, подъ начальствомъ Генераловъ Ожеро и Кильмена. Жители, зная чего имъ должно было страшиться отъ послѣдствій осады, въ особенности послѣ умерщвленія нашихъ солдатъ, не замедлили сдаться.

Генералъ Ожеро, имѣвшій главное начальство надъ осадными войсками, наложилъ на городскую Думу семь сотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ контрибуціи. Эта сумма была отчтена Французскому Казначею, который роздалъ оную войскамъ двухъ Дивизій, сообразно съ приказаніемъ Главнокомандующаго. Мы находились тогда въ Миланѣ, откуда Бонапарте наблюдалъ за частными дѣйствіями Генераловъ, подъ нимъ начальствовавшихъ. Онъ требовалъ во всемъ отчета и безпрестанно старался уничтожать духъ хищности многихъ людей, привлеченныхъ приманкою золота въ Италію.

Самъ Бонапарте, отыскавъ Букé, далъ ему мѣсто военнаго Камисара, почему можно судить каково было его неудовольст-

[*] Это относится къ выноскѣ на стран. 188 сей части.

віе, когда чрезъ разныя донесенія, до свѣдѣнія его дошли слѣдующія подробности.

Городъ Миланъ имѣлъ Ссудную Казну, заключавшую въ себѣ болѣе двѣнадцати милліоновъ. Буке, состоявшій тогда въ своемъ званіи военнаго Комисара при Дивизіи Ожеро и Полковникъ Андріё, находившійся при Штабѣ Дивизіи Кильмена, явились въ это заведеніе, объявили Приставу онаго, что имъ поручено отъ Начальства сдѣлать опись Ссудной-Казнѣ, приказали отпереть всѣ двери и заперли Пристава съ семействомъ къ его жилищѣ.

Окончивъ свое честное дѣйствіе, Буке и Андріё ушли, возвративъ свободу Приставу, который, какъ можно себѣ представить, поспѣшилъ осмотрѣть мѣста, ими посѣщенныя. Прежде всего поразило его истребленіе реэстровъ; сундуки были разбиты и вся наличная монета исчезла; двери многихъ шкаповъ были выломаны. Приставъ тотчасъ побѣжалъ къ Начальникамъ Ссудной-Казны для донесенія имъ о произведенномъ грабежѣ; Начальники довели о томъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Градской Думы, который принесъ жалобу Генералу Ожеру. Генералъ приказалъ тотчасъ посадить обвиняемыхъ подъ стражу. Но Андріё обратился уже въ бѣгство, увезя съ собою свою долю вещей, похищенныхъ изъ Ссудной-Казны. Буке, менѣе счастливый, былъ захваченъ на квартирѣ и по сдѣланному у него обыску, найдены въ тюфякѣ драгоцѣнныя вещи и оправленные бриліанты, которые признали принадлежащими Ссудной-Казнѣ. Эти вещи были представлены Генералу Ожеро, который, какъ ниже увидятъ, не очень былъ расположенъ къ возвращенію оныхъ.

По взятіи Буке подъ стражу, немедленно была назначена слѣдственная Коммисія. Нравственность, господствовавшая тогда въ нѣкоторой части Италіянской арміи, была такова что Капитанъ, допрашивавшій Буке, нашелъ въ его показаніяхъ такія вещи, чрезъ которыя въ это дѣло оказывались замѣшанными многія особы, а потому остановивъ изслѣдованіе, онъ представилъ эти показанія Презусу Коммисіи, который въ свою очередь, не посмѣлъ продолжать дѣла безъ предварительнаго о томъ доклада Генералу Ожеро. Не знаю, какія именно особы были замѣшаны, но достовѣрно что черезъ нѣсколько дней послѣ того, Буке бѣжалъ, такъ что невозможно было продолжать слѣд-

ствія. Я помню, что Бонапарте, узнавъ о побѣгѣ Буке, сказалъ мнѣ: «Вообрази себѣ Бурiеннъ, какія бездѣльничества! нашъ бывшій товарищъ! Дѣло ясно: онъ пойманъ въ воровствѣ; и еслибъ его осудили, то я конечно приказалъ бы исполнить приговоръ; однакожъ я доволенъ тѣмъ, что онъ спасся и не велю его преслѣдовать; но не хочу впередъ слышать объ этомъ человѣкѣ.»

Истребленіе реэстровъ Веронской Ссудной-Казны не дозволило опредѣлить въ точности количество вещей, которыя похитили Буке и Андріё, но полагаютъ всего на два миліона франковъ.

Бонапарте поручилъ Галлеру изслѣдованіе этого дѣла. Галлеръ послалъ въ Верону Рошжана, прежде бывшаго Викарія Блуасскаго Епископства и служившаго въ Италіи по части финансовъ. Порученіе его состояло въ томъ, чтобы сдѣлавъ опись всѣмъ золотымъ, серебрянымъ и прочимъ вещамъ, хранящимся въ Ссудной-Казнѣ, отправить всѣ оныя въ Миланъ къ Галлеру на военныхъ фурахъ подъ прикрытіемъ. Рошжанъ также получилъ повелѣніе продать съ аукціона въ присутствіи военнаго Комисара Гюйона всѣ прочія, имѣющіяся въ Ссудной Казнѣ вещи и внести вырученныя за оныя деньги въ Главное Казначейство арміи; описать въ казну и продать всѣ товары, находящіеся въ Веронской таможнѣ и принадлежащіе Державамъ, съ которыми мы находились въ войнѣ. Бонапарте, извѣстясь объ этихъ приказаніяхъ, смягчилъ суровость оныхъ, изданнымъ отъ него повелѣніемъ. «Пусть берутъ съ богачей,» сказалъ онъ; «хоть и это ужъ несчастіе; однакожъ это неизбѣжно въ войнѣ; но грабить бѣдныхъ безчестно.» Въ слѣдствіе сего Бонапарте приказалъ возвратить изъ Ссудной-Казны за умѣренную сумму десяти франковъ, заложенныя вещи ихъ хозяевамъ, какова бы ни была цѣна этихъ вещей, за исключеніемъ золотыхъ и серебряныхъ, равно и драгоцѣнностей, долженствовавшихъ по свойству своему принадлежать людямъ которые не имѣли въ нихъ нужды. Дабы воспользоваться дарованною Главнокомандующимъ милостью, достаточно было предъявить билетъ на заложенныя вещи. Остальное, какъ я сказалъ было отправлено въ Миланъ.

Работа по составленію описи не оканчивалась; надобно было безпрестанно начинать съ изнова, то что уже было составлено

по причинѣ новыхъ и безпрестанныхъ похищеній. Капитанъ, состоявшій при Штабѣ Генерала Ожеро всякой день забиралъ серебряную посуду, говоря что это для Генерала; противъ сего не смѣли возражать, но приходилось составлять новые списки дабы придать имъ какой нибудь видъ правильности.

Слухъ объ этомъ новомъ грабительствѣ достигъ до ушей Наполеона, который ужасно разсердился, и отдалъ приказъ для сообщенія чрезъ Галлера чиновнику его Рошжану. Главнокомандующій предписывалъ ему отправиться къ Генералу Ожеро и потребовать немедленнаго возвращенія вещей, захваченныхъ на квартирѣ у Буке. Рошжанъ, зная Ожеро и его очень положительныя ухватки, не заблагоразсудилъ самъ исполнить это порученіе а передалъ его своему Секретарю; этотъ послѣдній, явясь къ Генералу Ожеро, получилъ въ отвѣтъ рѣшительный отказъ съ угрозою выкинуть его за окно если онъ тотчасъ не отправится вонъ. Слѣдствіе этого переговора было сообщено Галлеру, который тотчасъ донесъ о томъ Наполеону.

Узнавъ объ отказѣ Ожеро повиноваться его повелѣнію, Бонапарте разъярился. «Разбойники,» вскричалъ онъ, «они готовы грабить среди бѣлаго дня. Мнѣ нужны эти деньги на содержаніе моей арміи.» Потомъ, обратясь къ Галлеру. «Напиши еще къ Рошжану,» продолжалъ онъ, «что я приказываю ему вновь сходить къ Ожеро и потребовать возврата вещей, найденныхъ у этого бездѣльника Буке; прибавь, что въ случаѣ малѣйшаго затрудненія или медленности, я приказываю Генералу Ожеро немедленно явиться ко мнѣ въ Главную Квартиру для представленія мнѣ причинъ его отказа. Посмотримъ, заставлю ли я его себѣ повиноваться.»

Робкій Рошжанъ опять отправилъ Секретаря своего со вторымъ порученіемъ къ Генералу Ожеро, который въ этотъ разъ не посмѣлъ не уважить приказа своего Главнокомандующаго. Онъ возвратилъ вещи, но исполнилъ это очень грубымъ образомъ, ибо когда связка съ оными была вручена Рошжанову Секретарю, то сей послѣдній подвергся жесточайшимъ ругательствамъ отъ Генерала, который не ограничась словами, едва не переломилъ себѣ ногу, опрокинувъ вдругъ столъ, на который онъ облокотился, для того чтобы дать росписку въ принятыхъ имъ вещахъ. Добыча, съ которою Ожеро такъ трудно было

разставаться, дѣйствительно стоила того чтобы возбудить его сожалѣнія; ибо въ связкѣ заключались вещи цѣною отъ пяти до шести сотъ тысячъ франковъ.

Я сказалъ какимъ образомъ Буке и Андріё начали свою продѣлку, истребивъ реэстры Ссудной-Казны, а притомъ видѣли что Рошжанъ и Военный Комисаръ Гюйонъ были вмѣстѣ наряжены для освидѣтельствованія сдѣланныхъ похищеній. Вѣроятно ихъ соблазнилъ бывшій у нихъ передъ глазами примѣръ; какъ бы то ни было а они дали своему порученію со всѣмъ иную цѣль отъ той, которая ей сначала предназначалась. Принявъ въ свое сообщество Капитана Генеральнаго-Штаба, показавшаго уже столь счастливыя расположенія, эти трое господъ, конечно думая что никогда не должно пропускать благопріятнаго случая, — присвоили себѣ значительное количество золотыхъ цѣпей, бриліантовыхъ перстней, серегъ и женскихъ головныхъ уборовъ, которые, чтобы не быть пойманными въ утайкѣ, они благоразумно продали Веронскимъ Жидамъ. Эта продажа, по частямъ сдѣланная, доставила нашимъ тремъ честнымъ *торговцамъ* пять сотъ тысячъ франковъ, которые они по братски раздѣлили.

Кромѣ Рошжана, Галлеръ отправилъ въ Верону еще другаго чиновника по имени Буланже, коего порученіе не касалось однакожъ до Ссудной-Казны. Буланже получилъ приказъ отобрать у всѣхъ Веронскихъ Священниковъ и Монастырскихъ Настоятелей всѣ золотые и серебряные церковные сосуды кромѣ тѣхъ, которые были совершенно необходимы или принадлежали частнымъ людямъ. Для предупрежденія подлога, Главный Агентъ Финансовъ приказалъ чтобъ были составлены выданнымъ вещамъ двойныя описи, изъ коихъ одна долженствовала остаться у тѣхъ, съ кого брали этотъ родъ контрибуціи.

Буланже имѣлъ у себя Секретаремъ бывшаго Францисканскаго монаха родомъ изъ Блуа, по имени Берже. Почтенный Рошжанъ опредѣлилъ Берже къ своему товарищу. Ученикъ Св. Франциска, вѣроятно забывъ уставъ основателя своего ордена, показалъ себя настоящимъ разбойникомъ. Какъ Буланже, достигшій занимаемаго имъ званія изъ сержантовъ былъ человѣкъ чрезвычайно ограниченный, то Секретарь его взялъ большую силу надъ умомъ своего начальника и какъ притомъ Берже, бывъ Монахомъ

въ Италіи, совершенно зналъ Италіянской языкъ, то онъ понялъ что можетъ плутовать по произволу. Вотъ какъ онъ поступалъ: описи, коихъ составленіе было поручено Берже, слѣдовало писать по Французски. Прежде всего онъ заводилъ разговоръ съ добрыми отцами, которыхъ ему было поручено обирать и удостовѣрясь, что они не знаютъ по Французски, онъ не включалъ въ описи часть выданныхъ ему вещей; притомъ же дабы не слишкомъ сурово исполнять возложенную на него обязанность, Берже охотно соглашался показывать что ничего не нашелъ у тѣхъ, которые предлагали ему около той суммы, чего стоили вещи, которыя имъ было желательно у себя удержать.

Берже, кончивъ порученное ему дѣло, безъ сомнѣнія для полнаго подражанія своему покровителю Рошжану, продалъ также Веронскимъ Жидамъ великое число серебряныхъ сосудовъ, удержанныхъ имъ для себя; сохранилъ часть оныхъ и отправился во Францію проживать плоды своей честной промышлености; но онъ сдѣлался жертвою бережливости своей на расходы для перевозки. Вмѣсто легкаго свертка, прибывшаго съ нимъ изъ Италіи, онъ везъ съ собою три огромныхъ чемодана, набитыхъ награбленными имъ вещами. Дабы не платить за провозъ, онъ нагрузилъ ихъ на фуры, въ которыхъ отправлялись въ Миланъ драгоцѣнныя вещи Веронской Ссудной-Казны. Тяжесть чемодановъ Берже возбудила подозрѣніе и когда онъ явился требовать оные, то Галлеръ приказалъ открыть ихъ и отобралъ содержавшіяся въ нихъ золотыя и серебряныя вещи; такъ что у Берже, изъ имущества тысячъ на четыреста, осталось только восемьдесятъ тысячъ золотыми монетами, которыя онъ искусно зашилъ въ подкладку своихъ чемодановъ.

Не проходило дня, чтобы Бонапарте не получалъ донесеній о такихъ мошенничествахъ; я говорилъ только о происшедшемъ въ Веронѣ, а можно себѣ представить, что не иначе поступали и въ прочихъ областяхъ Италіи и такимъ то образомъ были сдѣланы первые опыты ее *офранцузить*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ

ИЗДАТЕЛЯ.

Слѣдующія за симъ Приложенія, коихъ очень немного, весьма разнствуютъ между собою свойствами и относятся къ двумъ, совершенно противоположнымъ эпохамъ. Первыя три представляютъ разительный примѣръ успѣховъ, которые Республиканское краснорѣчіе сдѣлало уже въ употребленіи похвалъ тогда какъ Бонапарте былъ назначенъ пожизненнымъ Консуломъ. Такъ какъ отвѣты Наполеона помѣщены въ текстѣ сихъ Записокъ, то необходимо было представить читателямъ адресы и рѣчи, подавшія поводъ къ этимъ отвѣтамъ.

Надобно замѣтить, что Трибунатъ довольствовался тѣмъ что отправилъ свой адресъ чрезъ посланнаго, между тѣмъ какъ Сенатъ и Законодательный Корпусъ представили оные сами Первому Консулу чрезъ посредство своихъ Предсѣдателей съ депутаціями.

Что касается до прочихъ документовъ, относящихся къ смерти Герцога Ангенскаго, то ихъ также всего три. Первый есть Консульскій указъ, предписывающій Парижскому Губернатору предать Принца военному суду. Два другіе чрезвычайно важны: они представляютъ текстъ двухъ приговоровъ, произнесенныхъ: одинъ до казни Герцога Ангенскаго, а другой по свершеніи оной, или лучше сказать, двѣ разныя темы того же приговора. Сравненіе этихъ двухъ документовъ раждаетъ тму размышленій. Второй есть только исправленное изданіе перваго, ибо если что либо доказываетъ беззаконность осужденія и смерти Герцога Ангенскаго, разсматривая это Государственное преступленіе только въ отношеніи судебнаго порядка, то ужъ конечно это признанная необходимость, въ которую было приведено Правительство, исправлять послѣ приговоръ, уже исполненный.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ И ПОЯСНЕНІЯ.

АДРЕСЪ ТРИБУНАТА ПЕРВОМУ КОНСУЛУ ПО СЛУЧАЮ ПОЖИЗНЕННАГО КОНСУЛЬСТВА (*).

«Граждане Консулы, мы представили Правительству частные голоса членов Трибуната на предложенный рѣшенію народа вопросъ: Будетъ ли Наполеонъ Бонапарте пожизненнымъ Консуломъ? Подавать голоса касательно этого великаго вопроса, значило для Трибуната соглашаться на исполненіе желанія, которое самъ онъ изъявилъ въ засѣданіи 16 Флореаля и конечно слѣдовало, тому кто сдѣлалъ первый приступъ къ предложенію сей мѣры, быть первому и въ исполненіи оной.

«Но вскорѣ весь народъ сей объявитъ свою верховную волю; и какъ ему не желать укрѣпить къ своей судьбинѣ самыми прочными узами человѣка, коего храбрость и геній сдѣлали уже столько чудесъ; который, всегда побѣждая при предводительствѣ арміями, былъ всегда великъ и великодушенъ находясь главою Правительства; который спасъ общественную свободу; окончилъ самую кровопролитную войну почетнѣйшимъ миромъ; возстановилъ нравственность и вѣру; возвратилъ порядокъ и безопасность и который, къ столькимъ благодѣяніямъ, хочетъ присоединить новое, посвятивъ всю жизнь свою счастію своихъ согражданъ.

«И такъ о своихъ драгоцѣннѣйшихъ пользахъ Французскому народу предлежитъ объявить свое желаніе и онъ долженъ считать дѣломъ наивеличайшей политической важности сообщенное ему предложеніе о пожизненномъ назначеніи Главы его Верховнаго Правительства.

(*) Во всемъ Трибунатѣ, одинъ только Карно подалъ голосъ противъ этого адреса.

«Онъ увидитъ что главный предметъ сей мѣры есть тотъ чтобы —обезпечить спокойствіе, въ которомъ онъ имѣлъ такую нужду—дать Правительству прочность, составляющую его силу,—успокоить безпокойства и опасенія на счетъ грядущихъ событій,—устранить на всегда притязанія и надежды всѣхъ партій, утвердить однимъ словомъ будущее и на вѣки окончить Революцію.

«Таковы великія и будительныя причины, на коихъ Трибунатъ основывался въ своемъ рѣшеніи; и безъ сомнѣнія вся нація скоро утвердитъ оное своимъ одобреніемъ.

«Другое важное отношеніе представляется еще друзьямъ свободы. Слишкомъ часто, въ продолженіе Революціи, призывали самодержавіе народа только для того, чтобы производить во имя его дѣйствія, совершенно противныя правамъ его: нынѣ первый сановникъ Государства самъ испрашиваетъ мнѣнія онаго на счетъ срока исправленія имъ его обязанности и народъ приглашенъ къ объявленію своей воли. Да будетъ эта блистательная честь, оказанная самодержавію народа, торжественно провозглашена.

«Но для чего было нужно это новое обезпеченіе? Бонапарте имѣетъ слишкомъ возвышенныя, слишкомъ великодушныя понятія для того чтобы когда либо уклониться отъ свободномыслящихъ правилъ, произведшихъ Революцію и основавшихъ Республику. Онъ слишкомъ любитъ истинную славу для того чтобы когда либо помрачить злоупотребленіемъ власти необъятную славу, имъ пріобрѣтенную.

«Принимая честь быть верховнымъ сановникомъ Французовъ, онъ налагаетъ на себя великія обязанности и всѣ оныя выполнитъ. Народъ, призывающій его къ управленію, свободенъ и великодушенъ; онъ уважитъ, онъ утвердитъ его свободу и не сдѣлаетъ ничего, оной недостойнаго.

«Облеченный полною его довѣренностью, онъ употребитъ предоставленную ему власть только на содѣланіе его счастливымъ и процвѣтающимъ.

«Онъ отличитъ своихъ истинныхъ друзей, которые будутъ говорить ему правду отъ льстецовъ, которые будутъ стараться его обманывать. Онъ окружитъ себя благонамѣренными людьми которые, устроивъ Революцію, находятъ выгоды въ поддержаніи оной.

«Онъ почувствуетъ что слава его и выгоды требуютъ предоставленія властямъ, на коихъ возложено совокупно съ нимъ составленіе законовъ Государства,—достоинства, силы и независимости, которыя должны имѣть законодатели великаго народа.

«Однимъ словомъ, Бонапарте, пребудетъ всегда одинаковъ; онъ захочетъ чтобы слава его дошла знаменитою и безъ укора до позднѣйшаго потомства, и о Бонапарте никогда нельзя будетъ сказать, что онъ жилъ нѣсколько годовъ дольше, чѣмъ бы слѣдовало.»

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТЪ ИМЕНИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАГО КОРПУСА, ПРЕДСѢДАТЕЛЕМЪ ОНАГО Г-мъ ВОБЛАНОМЪ.

«Граждане Консулы, Законодательный Корпусъ, поздравивъ Правительство со всеобщимъ миромъ, долженствовалъ по свойству своихъ обязанностей ожидать пока Блюстительный Сенатъ и Трибунатъ сдѣлаютъ приступъ къ изъявленію народной признательности.

«Получивъ изъявленное Трибунатомъ желаніе, мы пожалѣли о томъ, что конституціонные предѣлы нашихъ обязанностей не дозволили намъ присоединиться къ принятію мѣры, выражающей желаніе всѣхъ Французовъ.

«Указъ, сообщенный намъ Правительствомъ, освящаетъ уваженіе, оказанное Первымъ Консуломъ національному самодержавію. Законодательный Корпусъ видѣлъ въ этомъ призывѣ къ свободному народу единственное сродство, достойное для провозглашенія благородной награды благороднѣйшихъ подвиговъ. Онъ счелъ долгомъ изъявить свое мнѣніе торжественнымъ образомъ: онъ раздѣляетъ признательность, выраженную актами Сената и Трибуната и воздаетъ, подобно Правительству, уваженіе національному самодержавію.

«Онъ признаетъ, что ему слѣдуетъ рѣшить; ему принадлежитъ

ознаменовать первые годы столь достославнаго управленія рѣшимостью полезною для выгодъ Республики, обеспечивающею спокойствіе Европы, столько же какъ почетною для знаменитаго сановника составляющаго предметъ оной.

«Гражданинъ Первый Консулъ, — когда геній Франціи ввѣрилъ вамъ судьбу свою, вы обѣщали намъ миръ. Это торжественное обѣщаніе отозвалось во всѣхъ сердцахъ; и трудностямъ сего великаго дѣла, непоколебимая довѣренность противопоставляла обѣщаніе верховнаго сановника: оно нынѣ исполнено; Франція не имѣетъ болѣе непріятелей.

«Мы теперь ожидаемъ отъ васъ высочайшей степени славы и благосостоянія, до которой народъ можетъ достигнуть чрезъ политическую, гражданскую и духовную свободу, чрезъ хлѣбопашество, чрезъ торговлю, чрезъ произведенія промышлености и генія: ваши правила и ваши таланты служатъ вѣрнымъ тому залогомъ; и препонамъ, которыя возникнутъ отъ свойства вещей, народная довѣренность противопоставитъ великодушіе вашихъ намѣреній и постоянство вашихъ трудовъ.

«Такимъ образомъ, между народомъ и вами всегда будетъ существовать неизмѣнный союзъ августѣйшаго и взаимнаго довѣрія, который обеспечитъ его въ вашей заботливости о его счастіи и удостовѣритъ васъ въ усиліяхъ его содѣйствовать вашимъ успѣхамъ.

«Вскорѣ, чрезъ народную рѣшимость удовлетворится общественная признательность и утвердится Правительство; вскорѣ будутъ вознаграждены труды сана, коему вы сообщили блескъ, достойный народа, его учредившаго.»

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТЪ ИМЕНИ СЕНАТА, ПРЕДСѢДАТЕЛЕМЪ ОНАГО Г-мъ БАРТЕЛЕМИ ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПЕРВОМУ КОНСУЛУ СОБРАННЫХЪ ГОЛОСОВЪ НАРОДА О ПОЖИЗНЕННОМЪ КОНСУЛЬСТВѢ.

«Французскій народъ, признавая великія услуги, вами оному оказанныя, желаетъ дабы верховный санъ Государства пребылъ

навсегда въ рукахъ вашихъ. Завладѣвъ такимъ образомъ всею вашею жизнью, онъ только исполнилъ мысль Сената, изложенную въ указѣ его 18 Флореаля. Этимъ торжественнымъ актомъ признательности, нація возлагаетъ на васъ обязанность упрочить наши учрежденія.

«Новое поприще начинается для Перваго Консула. Послѣ чудесъ храбрости и военныхъ талантовъ, онъ окончилъ войну и повсюду пріобрѣлъ наипочетнѣйшія мирныя условія. Французы, подъ его руководствомъ, приняли видъ и свойства истиннаго величія. Онъ примиритель народовъ и возстановитель Франціи. Одно его имя есть уже великое могущество.

«Трехлѣтнее управленіе уже заставило забыть ту эпоху безначалія и бѣдствій, которая казалось пресѣкла всѣ источники общественнаго благоденствія. Но остается еще исцѣлить бѣдствія, еще разсѣять безпокойства. Французы, удививъ вселенную воинскими подвигами, ожидаютъ отъ васъ, Гражданинъ Первый Консулъ, всѣхъ благодѣяній мира, вами имъ доставленнаго. Еслибъ существовали еще какія либо семена раздора, то провозглашеніе безсмѣннаго Консульства Наполеона истребитъ оныя. Все теперь вокругъ него соединится. Могущественный его геній будетъ умѣть все удержать и сохранить. Онъ дышетъ только благоденствіемъ и счастіемъ Французовъ. Онъ всегда будетъ побуждать ихъ къ славѣ и къ чувству національнаго величія. Дѣйствительно, какой народъ болѣе заслуживаетъ счастіе? И отъ какого народа, болѣе просвѣщеннаго, болѣе чувствительнаго, можно пожелать болѣе уваженія и привязанности?

«Блюстительный Сенатъ присоединится ко всѣмъ великодушнымъ мыслямъ Правительства. Онъ всѣми своими средствами будетъ содѣйствовать всѣмъ улучшеніямъ, производимымъ съ цѣлью предупредить возвращеніе бѣдствій, столь долго насъ удручавшихъ, распространить и упрочить блага, вами намъ возвращенныя. Долгъ его есть содѣйствовать такимъ образомъ исполненію желаній народа, который столь блистательнымъ образомъ обнаружилъ свое усердіе и разборчивость.»

Сенатскій указъ, врученный вамъ, Первый Консулъ, сословіемъ Сената содержитъ въ себѣ выраженіе его особенной признательности. Какъ орудіе верховной воли, онъ счелъ долгомъ, для

лучшаго исполненiя намѣренiй Французскаго народа, призвать искуства къ увѣковѣченiю *воспоминанiя* объ этомъ достопамятномъ событiи.»

ДОКУМЕНТЫ КАСАТЕЛЬНО СМЕРТИ ГЕРЦОГА АНГЕНСКАГО.

КОНСУЛЬСКIЙ УКАЗЪ.

«Правительство Республики повелѣваетъ слѣдующее:

«Статья I-я. Бывшiй Герцогъ Ангенскiй, обвиненный въ томъ что онъ воевалъ противъ Республики, состоялъ и нынѣ еще состоитъ на жалованьи Англiи, и принимаетъ участiе въ заговорахъ, устроиваемыхъ сею послѣднею Державою противъ внутренней и внѣшней безопасности Республики, будетъ преданъ военному суду, составленному изъ семи членовъ, назначенныхъ Парижскимъ Генералъ-Губернаторомъ и который соберется въ Венсеннѣ.

«Статья II-я. Министру Юстицiи, Министру Военному и Парижскому Генералъ-Губернатору поручается исполненiе сего указа.»

Подписалъ: ПЕРВЫЙ КОНСУЛЪ *БОНАПАРТЕ.*

Скрѣпилъ: Гуго *МАРЕ.*

Главнокомандующiй, Парижскiй Губернаторъ *МЮРАТЪ.*»

Мюратъ нарядилъ военный судъ сообразно съ распоряженiями, изложенными въ вышеприведенномъ указѣ. Теперь увидятъ приговоръ, или лучше сказать *приговоры,* произнесенные этимъ судомъ.

Первый приговоръ, предъ казнью.

«Сего 30 Вантоза, XII года Республики.

«Военный судъ, наряженный въ слѣдствіе указа Правительства 29 числа сего мѣсяца, собрался въ Венсенскомъ замкѣ для сужденія бывшаго Герцога Ангенскаго за вины, изложенныя въ вышеупомянутомъ указѣ.

«Презусъ, повелѣвъ привести подсудимаго свободнымъ и безъ оковъ, приказалъ Капитану-Докладчику прочитать принадлежащія къ дѣлу бумаги.

«По прочтеніи вышеупомянутаго указа, Презусъ сдѣлалъ ему слѣдующіе вопросы:

—«Какъ ваше имя, прозваніе, который вамъ годъ и гдѣ вы родились?

Подсудимый отвѣчалъ, что его зовутъ Лудовикъ-Антонъ-Генрихъ де Бурбонъ, Герцогъ Ангенскій и что онъ родился въ Шантильи 2 Августа 1772 года.

—«На вопросъ: воевалъ ли онъ противъ Франціи?

Отвѣчалъ, что онъ участвовалъ во всей войнѣ и что подтверждаетъ сдѣланное и подписанное имъ при допросѣ показаніе. Сверхъ того прибавилъ что онъ готовъ опять воевать и что желаетъ вступить въ службу при новой войнѣ Англіи противъ Франціи.

—«На вопросъ: состоитъ ли онъ еще на жалованьи Англіи?

Отвѣчалъ, что состоитъ и что получаетъ отъ сей Державы по 150 гиней въ мѣсяцъ.

«Военный Судъ, сообщивъ чрезъ своего Презуса подсудимому для прочтенія сдѣланныя имъ показанія,—спросилъ у него: Не имѣетъ ли онъ чего прибавить въ свое оправданіе; на что подсудимый настоятельно отвѣтствовалъ, что ничего не имѣетъ болѣе сказать.

«По отданіи Презусомъ приказа увести подсудимаго, — Судъ, при затворенныхъ дверяхъ присутствія, приступилъ къ совѣщанію; Презусъ собралъ голоса начиная съ младшаго въ чинѣ; и по объявленіи Презусомъ послѣ всѣхъ своего мнѣнія,—единогласно объявилъ его виновнымъ, примѣнивъ къ нему статью.... закона .... предписывающую .... и въ слѣдствіе сего, приговорилъ его къ смерти.

«Приказали: приговоръ сей немедленно привести въ исполненіе, прочитавъ оный въ присутствіи разныхъ отрядовъ гарнизона,—осужденному.

«Составлено и опредѣлено, не расходясь въ Венсеннѣ, выше означеннаго числа мѣсяца и года, что и подписали:

ПРИМѢЧАНІЕ. Слѣдуютъ подписи, за исключеніемъ подписи Аудитора (greffier), неприложенной къ приговору, по которому Принцъ былъ казненъ, чего уже было достаточно для того чтобы сдѣлать оный недѣйствительнымъ; но это еще ничего въ сравненіи съ пробѣлами, показывающими, что Военный Судъ даже не могъ привести, ни статьи закона, ни самаго закона, въ силу коего его осуждали. Теперь представляется приговоръ *переправленный* на другой день, тогда какъ уже было поздо.

Второй Приговоръ послѣ казни.

«Военный Судъ, наряженный въ первой военной Дивизіи въ силу указа Правительства 29 Вантоза XII года Республики единой и нераздѣльной.

«Именемъ Французскаго народа,

«Сего 30 Вантоза XII года Республики, Военный Судъ, наряженный въ первой военной Дивизіи, въ силу указа Правительства 29 Вантоза XII года, составленный по закону 19 Фруктидора V года изъ семи членовъ, назначенныхъ Главнокомандующимъ Мюратомъ, Парижскимъ Губернаторомъ и Начальникомъ первой военной Дивизіи.

«Которые Презусъ, члены, Докладчикъ и Аудиторъ не состоятъ въ родствѣ между собою ни съ подсудимымъ въ степени, закономъ воспрещаемой.

«Судъ, наряженный по повелѣнію Главнокомандующаго, Парижскаго Губернатора и собравшійся въ замкѣ Венсеннѣ, въ квартирѣ Коменданта онаго для сужденія именуемаго Лудовикомъ-Антономъ-Генрихомъ де Бурбономъ Герцогомъ Ангенскимъ, родившагося въ Шантильи 2 Августа 1772 года, ростомъ 1 метра 780 милиметровъ, волосы и брови свѣтлорусые, лице продолговатое красивое, глаза темносѣрые, ротъ средній, носъ орлиный, подбородокъ островатый, стана стройнаго; обвиненнаго:

«1. Въ ношеніи оружія противъ Французской Республики;

«2. Въ предложеніи услугъ своихъ Англійскому Правительству, врагу Французскаго народа;

«3. Въ принятіи и содержаніи при себѣ агентовъ вышесказаннаго Англійскаго Правительства, въ доставленіи имъ средствъ учреждать сношенія съ Франціею и въ составленіи съ ними заговора противъ внутренней и внѣшней безопасности Государства;

«4. Въ принятіи начальства надъ сборищемъ эмигрантовъ Французскихъ и другихъ состоящихъ на жалованьи Англіи и пребывающихъ на границахъ Франціи, въ земляхъ Фрибурга и Бадена;

«5. Въ учрежденіи съ городомъ Стразбургомъ сношеній, клонящихся къ ополченію смежныхъ областей для произведенія благопріятной для Англіи диверсіи;

«6. Въ бытіи однимъ изъ покровителей и сообщниковъ заговора, устроеннаго Англичанами противъ жизни Перваго Консула и въ намѣреніи, въ случаѣ успѣха сего умысла, въѣхать во Францію.

«По открытіи засѣданія, Презусъ приказалъ Докладчику прочитать всѣ принадлежащія къ дѣлу бумаги, какъ обвинительныя, такъ и оправдательныя.

«По прочтеніи сихъ бумагъ, Презусъ приказалъ стражѣ привести подсудимаго, который былъ введенъ свободный и безъ оковъ предъ судъ:

«Будучи спрошенъ о его имени, прозваніи, лѣтахъ, мѣстѣ рожденія и жительствѣ.

«Отвѣтствовалъ, что его зовутъ Лудовикъ-Антонъ-Генрихъ де Бурбонъ, Герцогъ Ангенскій, родился въ Шантильи 2 Августа 1772 года, отъ роду имѣетъ 32 года и выѣхалъ изъ Франціи съ 16 Іюля 1789.

«По сдѣланіи Презусомъ подсудимому допроса касательно всего существующаго противъ него обвиненія; по выслушаніи Докладчика и его заключеній и доводовъ приведенныхъ подсудимымъ въ свою защиту; когда сей послѣдній объявилъ что не имѣетъ ничего прибавить въ свое оправданіе, Презусъ спросилъ у членовъ, не имѣютъ ли они сдѣлать какихъ либо замѣчаній; по полученіи отъ нихъ отрицательнаго отвѣта, прежде отобранія мнѣній, онъ приказалъ обвиненному удалиться.

«Подсудимый былъ отведенъ обратно въ темницу своею стражею и Докладчикъ, Аудиторъ равно какъ присутствовавшiе при Судѣ Граждане (*) удалились а Судъ приступилъ къ разсужденiямъ при затворенныхъ дверяхъ.

Пресусъ предложилъ на разсмотрѣнiе слѣдующiе вопросы:

«Лудовикъ-Антонъ-Генрихъ де Бурбонъ, Герцогъ Ангенскiй, обвиняемый:

«1. Въ ношенiи оружiя противъ Французской Республики; виновенъ ли?

«2. Въ предложенiи услугъ своихъ Англiйскому Правительству, врагу Французскаго народа; виновенъ ли?

«3. Въ принятiи и содержанiи при себѣ агентовъ вышесказаннаго Англiйскаго Правительства; въ доставленiи имъ средствъ учреждать сношенiя съ Англiею и въ составленiи съ ними заговора противъ внутренней и внѣшней безопасности Государства; виновенъ ли?

«4. Въ принятiи начальства надъ сборищемъ эмигрантовъ Французскихъ и другихъ, состоящихъ на жалованьи Англiи и пребывающихъ на границахъ Францiи, въ земляхъ Фрибурга и Бадена; виновенъ ли?

«5. Въ учрежденiи съ городомъ Стразбургомъ сношенiй, клонящихся къ ополченiю смежныхъ областей для произведенiя благопрiятной для Англiи диверсiи; виновенъ ли?

«6. Въ бытiи однимъ изъ покровителей и сообщниковъ заговора, устроеннаго Англичанами противъ жизни Перваго Консула и въ намѣренiи, въ случаѣ успѣха его умысла, въѣхать во Францiю; виновенъ ли?

«По собранiи голосовъ о каждомъ изъ сихъ вопросовъ отдѣльно, начиная съ младшаго въ чинѣ, и по объявленiи Презусомъ послѣ всѣхъ своего мнѣнiя,

«Судъ объявляетъ Лудовика-Антона-Генриха де Бурбона, Герцога Ангенскаго:

«1. Единогласно виновнымъ въ ношенiи оружiя противъ Французской Республики.

«2. Единогласно виновнымъ въ предложенiи услугъ своихъ Англiйскому Правительству, врагу Французскаго народа.

(*) «Граждане, присутствующiе при судѣ!» Какая жестокая насмѣшка! никого не было кромѣ. . .

«3. Единогласно виновнымъ въ принятіи и содержаніи при себѣ агентовъ вышесказанаго Англійскаго Правительства; въ доставленіи имъ средствъ учреждать сношенія съ Англіею и въ составленіи съ ними заговора противъ внутренней и внѣшней безопасности Государства.

«4. Единогласно виновнымъ въ принятіи начальства надъ сборищемъ эмигрантовъ Французскихъ и другихъ, состоящихъ на жалованьи Англіи и пребывающихъ на границахъ Франціи въ земляхъ Фрибурга и Бадена.

«5. Единогласно виновнымъ въ учрежденіи съ городомъ Страсбургомъ сношеній, клонящихся къ ополченію смежныхъ областей для произведенія благопріятной для Англіи диверсіи.

«6. Единогласно виновнымъ въ бытіи однимъ изъ покровителей и сообщниковъ заговора, устроеннаго Англичанами противъ жизни Перваго Консула и *въ намѣреніи, въ случаѣ успѣха сего умысла, въѣхать во Францію* (*).

«За симъ Презусъ предложилъ вопросъ касательно опредѣленія наказанія. По собраніи вновь голосовъ вышеизложеннымъ порядкомъ, Военный Судъ единогласно приговорилъ къ смертной казни именуемаго Лудовикомъ-Антономъ-Генрихомъ де Бурбономъ, Герцогомъ Ангенскимъ за преступленія шпіонства, сношенія съ врагами Республики и посягательства на внутреннюю и внѣшнюю безопасность Государства.

«Вышесказанная смертная казнь опредѣлена сообразно со статьями II-ю, Главы IV Воинскаго Устава о преступленіяхъ и наказаніяхъ 21 Брюмера V года; съ I-ю и II-ю, I-й Главы Общаго Уголовнаго Устава 6 Октября 1791, въ коихъ сказано:

«Статья II. [21 Брюмера V года.] Всякой человѣкъ, какого бы онъ ни былъ состоянія, званія или ремесла, уличенный *въ шпіонствѣ* для непріятеля, будетъ казненъ смертью (**).

(*) Кто не найдетъ тутъ значенія и даже самыхъ словъ отвѣта, сдѣланнаго Наполеономъ Г-ну Массіасу въ Ахенѣ? Причѣмъ должно помнить что это второе изданіе приговора было составлено по свершеніи уже дѣла.

(**) Такимъ образомъ Бонапарте, будучи принятъ всеобщимъ гласомъ Франціи въ качествѣ истребителя Революціонныхъ законовъ, призывалъ сіи самые законы для примѣненія ихъ

«Статья I. [6 Октября 1791] Всякой заговоръ или злодѣянiе противъ Республики, будетъ наказано смертью.

«Статья II. [тамже] Всякой заговоръ и умыселъ, клонящiйся къ возмущенiю Государства междоусобiемъ чрезъ вооруженiе гражданъ другъ противъ друга или противъ законныхъ властей, будетъ наказанъ смертью.»

«Предписывается Капитану-Докладчику немедленно прочитать приговоръ сей въ присутствiи стражи подъ ружьемъ осужденному.

«Съ приговора сего, въ срокъ, закономъ опредѣленный сообщить копiи Военному Министру, Министру Юстицiи и Главнокомандующему, Парижскому Губернатору.

«Составлено и опредѣлено не расходясь вышеозначеннаго числа, мѣсяца и года, въ *публичномъ засѣданiи* (*) и члены Военнаго Суда подписали съ Докладчикомъ и съ Приставомъ Уголовныхъ дѣлъ журналъ засѣданiя.»

(слѣдуютъ подписи.)

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

къ Герцогу Ангенскому и для этого изъ него надобно было сдѣлать *шпiона!*

(*) Какая наглость!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

Стр.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

Стр

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

Стр.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

Стр.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

Стр.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

Стр.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

Стр.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

Стр.

ГЛАВА XVIII.

ГЛАВА XIX.

ГЛАВА XX.

Стр.

ГЛАВА XXI.

ГЛАВА XXII.

Стр.

ПРИЛОЖЕНIЯ

къ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И ПОЯСНЕНІЯ.

ДОКУМЕНТЫ КАСАТЕЛЬНО СМЕРТИ ГЕРЦОГА АНГЕНСКАГО.

